

Леонид Бляхер

Хроники Герода

Перечитывая Флавия

Издательские решения

По лицензии Ridero

2016

УДК 82-3
ББК 84-4
Б71

Б71 **Бляхер Леонид**
Хроники Герода : Перечитывая Флавия. — [б. м.] :
Издательские решения, 2016. — 340 с. — ISBN 978-5-4474-6229-
1

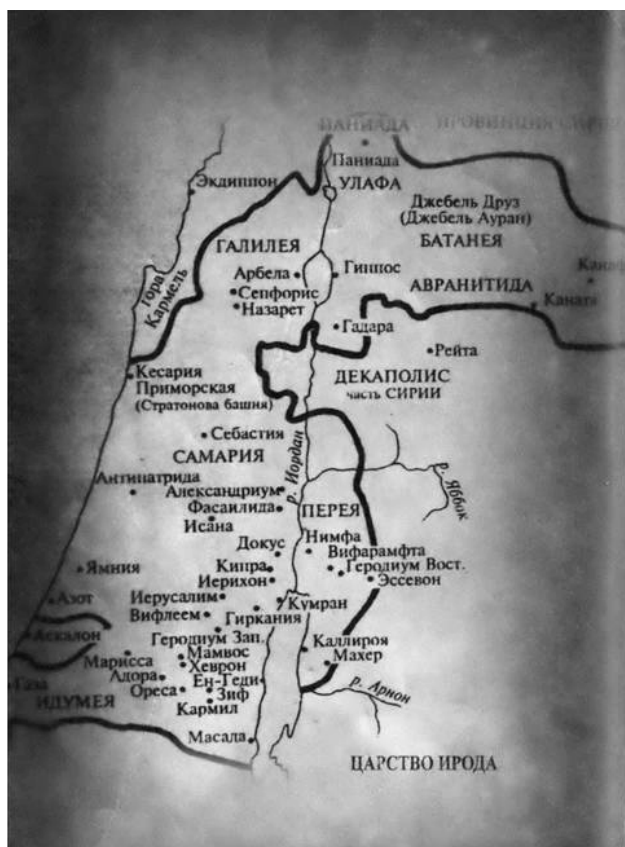
Эта книга — о любви. Невероятной, испепеляющей любви, которая ведет героя через битвы и осады, интриги и поражения, горе и отчаяние. Любви к своей земле. Герой книги — самый проклинаемый персонаж в истории — царь Ирод Великий. О его жизни, о его фантастических приключениях в мире сильных людей и больших поступков я и попытался рассказать на страницах романа. Насколько это вышло, судить Вам.

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4474-6229-1

© Леонид Бляхер, 2016

Предисловие от автора

*Самой любимой и единственной
посвящается...*

Эта книга посвящена жизни царя Герода, в чем-то уникальной, в чем-то типичной для эпохи зенита славы и могущества Римской империи, эпохи сильных людей и больших поступков. Почему именно Герод (или Ирод, как более привычно для носителя русского языка) стал героем этого небольшого повествования? Все просто и очень сложно. Есть имена славные и признанные: они шествуют из учебника в учебник, им подражают, ими клянутся. Есть имена нейтральные: вот был человек. Что-то делал. Наверное, хорошо делал. Но ушел. Все там будем. И таких имен — большинство. Мы называем их (точнее, себя) обычными людьми. В том, чтобы быть обычным человеком, я не вижу ничего плохого, ведь именно они, обычные люди, сеют зерно, пекут хлеб, любят, рожают детей. Благодаря им самые страшные катастрофы все же не прервали времени рода людей.

Но есть имена странные. Проклятые и оболганные. Кажется, что весь гнев современников и потомков сошелся на этих именах. Каждое следующее поколение приписывает им новые и новые преступления, не заботясь ни об исторической достоверности, ни о рациональности такого поведения — они же изверги, ироды. Как правило, причиной такой ненависти становится то обстоятельство, что их историю написали их враги, уничтожая любые воспоминания об иных, не вписывающихся в их трактовку, событиях, или находя им соответствующее объяснение.

Говорят, что история все расставит по своим местам. Это ошибка. История — дама забывчивая, причем, склонная упорствовать в том, что все же запомнила или в том, что дала себе внушить.

Мой герой — один из таких проклятых исторических персонажей. «Герой», «ирой» — собственно, так и звучит его имя на древнегреческом. Лишь в средние века оно приняло привычную нам форму — Ирод. Но героем он был не только по имени. Он смог сделать то, что мало кому удавалось — из кучки забытых и нищих областей с жителями, ненавидящими друг друга, он смог создать сильную и богатую страну с красивыми городами, огромным портом, развитой торговлей и ремеслами.

Последние двадцать лет его правления были самым благополучным временем в истории древней Иудеи. Но не только его удачливость привлекла меня (удачливые правители бывали и до, и после): читая тексты и свидетельства о нем, я подумал, что понял ту силу, что двигала им, что позволяла преодолевать беды и преграды, встающие то и дело на его пути, побуждала идти на смерть и побеждать. Имя этой силы — любовь! Всепоглощающая любовь к той единственной и боготворимой — своей стране, своей Иудее. Эту историю любви мне и захотелось рассказать. А насколько у меня вышло, судить Вам, дорогой читатель. Мне же остается только сообщить, что в книге использованы фрагменты из труда историка Иосифа Флавия «Иудейская Война» в переводе Я. Л. Чертка и поблагодарить за помощь в редактировании текста Ирину Батраченко.

Предисловие от Флавия

Где-то там, вдалеке, за кипарисами, солнце склонилось над морем, прочерчивая на нем полосу расплавленного багрянца. Легкий ветер задумчиво шелестел листьями кустов, окружавших виллу императора Тита Флавия Веспасиана. В тени колоннады, опоясывающей главное здание виллы, в плетеном кресле сидел немолодой уже мужчина и старательно выводил буквы на пергаменте. Он торопился. Большая часть жизни позади. Позади веселая юность в далеком южном городе в чаше желтых холмов. Позади споры о судьбе народа и ожидание падения Храма, ожидание конца всего, что составляло смысл жизни и его самого, и всех, кого он тогда знал. Войны, осады, голод и смерть соратников, неожиданная милость будущего императора Тита... Все это исчезло, унесенное пыльной бурей, рвущейся из пустыни, окружающей город среди холмов, поросших жесткой травой. Да и сам император уже давно в ином мире, как и многие из тех, кто окружал его, кто противостоял ему в яростной схватке на далекой окраине римского мира.

Осталась память. Память немногих, кто смог выжить, унести Родину на подошвах сандалий. Осталась щемящая тоска, которая охватывает внезапно при взгляде на чужое море, под чужим небом. Эту память он и спешил доверить долговечному пергаменту. Усталые глаза слезились от напряжения. Он писал. Он боялся не успеть. Ведь пройдет совсем немного времени и исчезнут все, кто был свидетелем его жизни, его взлета, его падения. И тогда останутся только эти строчки.

*Затем Тиркан Я взял идумейские города Адару
и Мариссу и, подчинив своей власти всех иду-*

мейцев, позволил им оставаться в стране, но с условием, чтобы они приняли обрезание и стали жить по законам иудейским/ Идумейцы действительно из любви к отчизне приняли обряд обрезания и построили вообще всю свою жизнь по иудейскому образцу. С этого же времени они совершенно стали иудеями.

Он почти забыл свое изначальное имя — Йосеф бен Матитьяху — и с гордостью произносил новое, данное ему императором. Римляне звали его Иосиф Флавий — по имени императора, бывшего его покровителем, давшего ему права римского гражданина.

«Над идумейцами поставил он этнарха Антипу. Сын же Антипы Антипатр жил при дворе его и был любим им».

Флавий оторвал взгляд от пергамента и посмотрел на небо: все же какие маленькие звезды здесь, в сердце мира, в Вечном городе... Он пытался представить, понять то время, о котором знал по рассказам старших, по беседам со своими учителями. Время, о котором писал. Каким оно было? Как отличалось от времени, когда он жил? Отличалось ли, или люди во все времена одинаковы?

Он устало поднялся. Словно бы нехотя выпил из кубка разбавленное вино. Пора спать. Но и в полумраке комнаты, на мягкой кровати, Флавий никак не мог найти покоя. Мысли крутились в голове, бежали колесницами на скачках. Он вспоминал прошлое. То, которое видел и то, о котором знал только по слухам. Постепенно все мысли, которые никак не желали отпускать историка, сошлись на одном человеке. Каким он был? Все учителя Иосифа, все друзья и родичи его сходились в одном — он

был чудовищем. Это он уничтожил царский дом Хасмонеев, подорвал древнее благочестие, нарушил Закон, казнил членов Высокого Синедриона в городе Ерушалаиме. Но почему этот образ не отпускает его?

Уже погружаясь в дрему, он сонно шептал, как бы продолжая свою летопись: «И родился у Антипатра сын. И был он мужем высоким и могучим воином. И стал он царем. И пели славу ему на рынках и в хижинах, и слали проклятья ему во дворцах и храмах. Звали его именем Хордос или Герод. Эллины же называли его — Ирод».

Флавий окончательно погрузился в сон. Над ним раскрылось южное ночное небо, распахнувшееся мириадами звезд, огромных, как колеса повозки торговца овощами на городском рынке.

Часть первая. Дом Антипатра

Глава первая. Герод

Южное ночное небо распахнулось над городом мириадами звезд, огромных, как колеса повозки торговца овощами на городском рынке. Холодный ветер с гор заставил поежиться стоящего на площадке дворца этнарха и первосвященника Гиркана II молодого человека в шерстяном плаще. Прохладно. Но уходить в душную спальню дворца не хотелось. Здесь, над городом, лучше думалось, мечталось. В очертаниях холмов вокруг виделись ему сказочные здания и строй воинов, караваны, бредущие в неизвестные дали.

Город спал. Спал верхний город, где жили сильные и богатые, где находился дворец этнарха, Храм, построенный на месте того, изначального Храма с ковчегом Завета. Верхний город стоял на холме и был отделен стеной от мира горшечников и водоносов, мелких торговцев и мастеровых, мира маленьких людей — нижнего города. Нижний город — другой мир, который воин знал мало — тоже спал под защитой двойных стен Ерушалаима с грозными башнями и воротами.

В дрему был погружен лабиринт улиц, домов, переулков и площадей. Лишь изредка тишину прерывала переключка стражников, да порой от дома к дому пробегал огонек факела, освещающий дорогу запоздалому путнику. Спали горы вокруг. Спали долины, спали земледельцы и пастухи, спали священники и горожане. Лишь там, вдалеке, за горами не спало море. Да в зарослях под стенами города не замолкая пели цикады. Это был его мир. Мир, в котором он родился, мир, где жили все, кого он любил — мать, отец, братья, сестра. Мир этот, родной до боли, был совсем не простым, и с годами эта сложность только усиливалась.

Молодой воин знал, что его отца не любят и боятся. Считают чужаком, идумеянином. Его власть считают украденной, его положение при дворе Гиркана II, этнарха и Первосвященника Иудеи — результатом интриг и слабости недалёковидного владыки. «Полукровка», выскочка у власти — читалось в их глазах. И хотя ни одно слово хулы не звучало (ведь вновь обращённые были признаны иудеями Первосвященниками и Великим Синедрионом), но косые взгляды, обмолвки, прерванные при его приближении разговоры не оставляли сомнений в том, как относятся придворные и ближние ко двору люди к советнику Антипатру.

Да и жена Антипатра, мать молодого воина, из царского дома богатого народа набатеев, издавна водившего караваны с пряностями в Дамаск, воспринималась без одобрения. Кулаки тяжелели, и кровь прилиwała к лицу от одной мысли о том, что говорили сторонники его врага, царевича Аристобула, о стране матери, о ней самой, о ее родном городе. Шепотом, в уголках. Но шепот этот переползал на улицы, вползал в уши людей.

Как же он их ненавидел — самодовольных, надутых «князей мира сего», весь мир которых ограничивался стенами верхнего города и состоял из бесконечных интриг и ссор. Они готовы превратить всю Иудею в бесплодную пустыню, лишь бы в этой пустыне быть первыми, избранными, «чистыми перед Всевышним». Но уроки отца он усвоил: никогда не показывай свою ненависть, ибо этим ты даешь оружие в руки врага. И юноша терпел, сдерживался там, где хотелось рвать глотки.

Он знал, что ненавистники были бессильны против расположения к отцу и грозного Александра Янная, могучего царя Иудеи, потомка героических борцов за свободу братьев Маккавеев, и его царственной супруги Саломеи — родителей нынешнего правителя.

Династия царей и первосвященников, правящая Иудеей, вышла из предводителей восстания народа против власти эллинской монархии Селевкидов. Селевкиды, наследники неистового Александра из Македонии, правили огромной страной, охватывавшей Сирию и Месопотамию, Персию и Мидию. На всем этом пространстве они насаждали правильный, по их мнению, эллинский образ жизни. Строили театры и гимнасии, храмы олимпийским богам и ипподромы для состязаний. В обиход вводился эллинский язык, постепенно вытесняющий местные наречия. Местные обычаи и верования объявлялись варварскими и пренебрежительно, походя, уничтожались.

Иудея не была исключением. Постепенно у иудейских аристократов в обычай вошли двойные имена (греческие наряду с иудейскими), эллинская одежда. Сам воин тоже носил иудейское имя Хордош и эллинское — Герод или Ирод. Задолго до его рождения иудейские аристократы, да и простонародье с удовольствием посещали театральные представления, участвовали в скачках. Но когда на священной земле Ерушалаима на месте древнего Храма царя Шломо со священным, пусть и утраченным, ковчегом Завета был возведен помпезный храм языческому божеству, терпению пришел конец.

Братья по прозвищу Маккавеи из рода Хашмонаим или Хасмонеев, как их называли в Селевкии, подняли восстание против царства Селевкидов. Борьба была долгой и кровавой. Победы сменялись поражениями и новыми победами. В конце концов, героизм и вера, которую братья смогли передать своим соратникам, отсутствие стремления у самих братьев к личной власти, любовь к единоверцам привели к тому, что восстание стало всеобщим. Эллинов вышвырнули не только из Иудеи, бывшей к началу эпохи лишь небольшим округом с центром в городе Ерушалаиме, но и из прилегающих земель. Хас-

монеи стали царями и Первосвященниками Иудеи. Не последнюю роль здесь сыграл союз, заключенный первыми Хасмонеями с Римом. Римляне снабжали восставших оружием, обучали воинов, поскольку Селевкиды были их общими врагами.

Но, став монархами, изменились сами Хасмонеи. Армия, некогда созданная для освобождения страны и народа, стала армией захватчиков. Да и сама армия изменилась. Все большую ее часть составляли не крестьяне и ремесленники, взявшиеся за оружие, но наемники, отряды ближних к царю людей, «князей мира». От Красного моря до гор Леванта простиралась держава Хасмонеев. Одной из захваченных стран стала Идумея, страна Эдом из Святой Книги — мир, издавна живший торговлей пряностями и тонкими тканями. Идумейская знать, приняв иудаизм, начинает проникать ко двору Хасмонеев. Ее значение постоянно росло. Да и сегодня нет равного по могуществу в Иудее идумеянину Антипатру.

Чтобы отвлечься, юноша вспомнил другой город — в узкой ложине гигантской возвышенности, взгромоздившейся над бескрайними барханами пустыни, монотонно-прекрасный мир песчаных морей и редких оазисов, между которыми шли и шли бесконечные тропки торговых караванов, кочевали племена, перегоняя от пастбища к пастбищу свой скот.

Там, в городе Петра, столице древней Идумеи, а ныне Набатеи, во дворце, вырубленном в теле гигантской скалы, прошло детство. Набатейя, аравийская страна, тоже торговала пряностями, прибывающими к берегам Красного моря. Кроме того, набатеи разводили скот и нередко совершали набеги на соседние земли. Среди этих воинственных людей и прошло детство Герода. Там мать рассказывала ему аравийские предания об отважных воинах и предприимчивых купцах, победителях драконов и злых

волшебниках, о защитниках слабых и несчастных. Там долгие годы был его дом. Его старший брат носил не эллинское, как было принято среди иудейских аристократов, а арабское имя — Фасаэль.

Здесь, в Ерушалаиме, шла война. И мудрый советник Антипатр поспешил укрыть любимую жену и детей у набатейских родичей.

В тот год в Иудее оказалось два правителя: Иоханаан Гиркан и его брат Аристобул Маттафий. Оба — из рода Хасмонеев, оба — законные претенденты на престол. В период правления их матери, Саломеи Александры или, как ее называли иудеи, Шеломцион, Гиркан стал Первосвященником, а его брат, Аристобул — военачальником Иудеи. По Закону женщина не могла быть заступником за народ перед Всеблагим. Потому и был возведен в сан Первосвященника Гиркан. Младшему же брату, Аристобулу, была поручена охрана границ.

Правда, военачальником он оказался неудачным. Походы, организованные им, закончились ничем. Столь же яростный, как и его отец царь Яннай, Аристобул не унаследовал его воинскую удачу. Царице приходилось переговорами, а порой и уступками решать военные проблемы, созданные Аристобулом. Саломея склонялась к тому, чтобы оставить власть мягкому и послушному Гиркану под присмотром верного советника, Антипатра. Любили Гиркана и простые жители Иудеи. Добр он был, не забывал о милости к единоверцу, даже если тот был только водоносом.

Но иначе думал его младший брат и его сторонники, происходившие из самых почтенных семей Иудеи, самых чтимых колен Израилевых. Забыли они, что есть только один истинный Царь Иудеи, а остальные лишь исполняют волю Его в Его отсутствие. Гордые своей «чистотой», строгим соблюдением Закона, они отвергали не только «язычников», но и собственный народ с полей. Ведь бед-

ный человек, чтобы выжить, часто вынужден был отступать от тех или иных норм Закона. По мнению «князей мира», бедняки тем самым становились «нечистыми». С ними брезговали говорить, разделять трапезу, участвовать в общих праздниках. Гиркан был мягче и терпимее. Потому и отвергли его аристократы, только себя мнящие достойными веры Его.

Все бы было по плану матери, царицы Саломеи, крепко державшей власть, пережившей двух мужей, однако высший суд решил иначе. Саломею, которую не могли сломить ни мощь Селевкидов, ни превратности судьбы, ни дворцовые заговоры, сломила болезнь. За время болезни матери, когда Гиркан сидел у ее ложа, вытирал смертный пот с ее лба и возносил молитвы ко Всевышнему об ее исцелении, Аристобул прибирал к рукам войска, крепости, заводил сторонников среди сильных родов. Со смертью царицы и началась война.

Войну ждали, как девушка ждет первую ночь на брачном ложе — со страхом и надеждой. На что? И не скажешь. Только разговоры и во дворцах, и на рынке, и в маленьком селе шли одни и те же — о последних временах, о падении Храма и гибели народа. Сильные видели признаки падения в том, что простые люди переставали строго соблюдать Закон, а простые люди усматривали признаки приближающегося Конца в усиливающихся песчаных бурях и неурожаях, в войнах, со всех сторон накатывающихся на Обетованную Землю. Многие смирились с неизбежным концом. Они учились и учили жить после смерти, после падения Храма. В уединенных ущельях создавались общины мудрых, чтобы выжить, чтобы не прервалась связь времен.

Война была, как Рок, как новое испытание народа, которому грех противостоять, а нужно просто принять и выдержать. Учителя-фарисеи призывали примириться с реальностью, учиться жить в ней. Они сами были

выходцами из простого народа, старались научить его своей мягкой мудрости, которая, по их мнению, угодна Всевышнему. Другие учителя удалялись от мира, чтобы сохранить чистоту, готовиться к жизни после конца не за счет единоверцев; эти называли себя ессеями. При всех различиях сходились они в одном: настали последние времена.

Так думали люди. Так думал, жил и чувствовал Первосвященник Гиркан, все больше размышляя о смерти, а не о власти. Но не так думали сильные и гордые, именовавшие себя саддукеями, забывшие о народе, считавшие его «грязным». Главным для них была их собственная «чистота». И пусть во имя ее погибнут тысячи! Не велика печаль, ведь это тысячи тех, «грязных» людей с полей. Их беды, их голод и смерть не трогали саддукеев — они не имели ценности перед Вечностью. Так думали они. Так считал Аристокбул.

Гиркан уже готов был стать агнцем на алтаре, нести свою жертвенную голову или отдаться на милость брата, отречься и погибнуть, но рядом с ним оказался старший друг и советник Антипатр Идумеянин. Он верно служил его отцу и матери и теперь решил воплотить мечту Саломеи о правителе Гиркане — чего бы это ни стоило. Антипатр почти насильно заставил Гиркана бежать из дворца, в котором ему угрожали каждая занавесь, каждый темный угол. Узнав о бегстве брата, понимая, чем это ему грозит (ведь Первосвященник — основной кандидат на престол), Аристокбул собрал войска и бросился в погоню.

И совсем бы пропала горстка беглецов с раздавленным и уже готовым к смерти царем Гирканом; но Антипатр был не таков. Будучи правителем Идумеи и родственником царя Nabatei Ареты, он призывает их под свои знамена и наносит поражение Аристокбулу. Юноша помнил, как собирались набатейские воины

по призыву Антипатра, как он, еще совсем мальчик, мечтал вместе с ним скакать навстречу врагу.

Но оказавшись в безвыходном положении, Аристобул обратился к помощи силы, противостоять которой Антипатр не мог. Посольство Аристобула прибыло в Антиохию на Оронте к римскому полководцу Помпею, только что разгромившему парфянское войско, с просьбой о помощи. Рим, уже захвативший соседнюю Сирию, вошел в союзную Иудею. Тогда улицы Иудейских городов впервые увидели марширующих римских легионеров.

Юноша помнил этих воинов. Кажется, они были сделаны не из костей и мяса, а из камня. Они не разговаривали, не шутили. Они шли. И казалось, что ничто на свете не может остановить это движение. Аристобул пытался это сделать, пытался хоть как-то управлять им же призванной силой, быть одновременно и данником, и царем. Он то заискивал перед Помпеем, то угрожал ему. То уезжал к своим войнам, то вновь бежал в лагерь Помпея. Но попытки согласовать присутствие римлян и собственную «сакральную чистоту» рушились одна за другой.

Антипатр понимал, что пока за Аристобулом стоят римские войска, шансы его друга и подопечного, в которого постепенно превращался Гиркан, на престол совершенно ничтожны. Но понимал он и то, что издерганный, замученный своими комплексами претендент скоро выведет из себя грозного римлянина. Тем более, что и сам Помпей вызывал все большее озлобление партии саддукеев, сторонников Аристобула, да и всего народа. Потому Антипатр выжидал. В конце концов, Аристобул, разъяренный самоуправством римского легата Скавра и, еще более, кошунственными деяниями Помпея, вошедшего в Святой Святым Храма, бежал и заперся в горной крепости, начав стягивать к ней верные ему войска.

В этот момент на сцену и вышел Антипатр. Он понимал, что противостоять Риму и победоносному Помпею

не может. И сколько бы он не ненавидел заносчивого римлянина, он вынужден был найти компромисс, договориться. В противном случае под ударами римских мечей пали бы головы всех жителей страны. То, о чем говорили Помпей и Антипатр, осталось тайной. Но в результате на престол взошел Гиркан II, а Аристобула под конвоем увезли в Рим, где тот погиб, отравленный по приказу Помпея.

Сам же Антипатр вышел из этой войны с огромными приобретениями. Он стал эпитропом, опекуном царя, хотя и продолжал называть себя только его другом и советником. Он смог помирить главные политические силы Иудеи. Те, хоть и не возлюбили друг друга, но от открытых нападений воздерживались. В стране установился мир. Оживилась торговля. Несмотря на официальное сокращение Иудейского царства, Антипатр прочно держал в руках все территории, некогда покоренные Александром Яннаем. В Иудее он был опекуном этнарха. В сопредельных арабских царствах — влиятельным вождем и родственником царей. В городе Аскелон, главном порту Палестины, он был другом и родичем городских владык, именуемых на эллинский лад булевтами, в Газе — одним из самых влиятельных кредиторов местного купечества.

Едва ли не каждый пятый караван с пряностями и тканями, который отходил от побережья Красного моря в сторону Дамаска, принадлежал Антипатру. Его торговые представительства раскинулись от Газы до портов Финикии. Богатство давало возможность ему содержать наемников, обучать иудейских воинов римскому строю. Часто он за свой счет устраивал бесплатные раздачи еды беднякам, давал зерно для посева. За это славили Антипатра по всем землям от Газы до Дамаска и Тира. За это и ненавидели его саддукеи.

Главное же, в дом Антипатра возвратилось счастье —

вернулись любимая жена, дорогие сыновья. Позже, уже в Ерушалаиме, родилась единственная дочь Саломея и младший сын Иосиф. Да, брак с красавицей Кипрой был для Антипатра политическим союзом. Он женился бы даже в том случае, если бы она была хромой и одноглазой — союз с ее отцом был важнее счастья. Но рок был благосклонен к Антипатру. С женой он обрел любовь. Счастье в доме, почет и уважение народа, богатство... О чем еще мечтать? Можно, наконец, расслабить тело, насладиться всем, что доступно человеку. Но вот этого — беззаботности — не было.

Юноша знал, что отец внимательно следит за тем, что происходит на границах Иудеи и в далеких столицах мировых империй. Ночами к отцу приходили вестники из Ктесифона, столицы Парфянских владык, из Тигранакерта, столицы могущественного царя Великой Армении и, главное — из далекого Рима, ведь Иудея находилась под покровительством Рима. Значит, все, что происходило в далекой италийской столице, было важным для Иудеи. Он, отец, постоянно кого-то с кем-то мирил, умудрялся договариваться и с близкими, и с самыми далекими людьми, заключал торговые соглашения, сулившие богатство всем участникам.

Только опыт и искусство отца позволили ему избежать множества конфликтов, а порой и большой крови. Так, между римлянами и кочевниками Аравии отношения грозили вылиться в серьезную войну. Антипатр оказался между молотом и наковальней, как сторонник римлян и родственник набатейских царей. Но и здесь он смог справиться.

Молодой воин и не помнил, когда полководцы уже снаряженных и готовых к битве армий, встречались бы... за пиршественным столом, где поклялись бы всеми своими богами в вечной дружбе и верности между кочевниками пустыни и Великим Римом. Уже тогда юноша выпол-

нял поручения отца, вместе с его воинами совершал переходы по пустыне, сидел в шатрах владык, уговаривая их принять посредничество Антипатра, принять мир и Рим.

Тогда же он, Герод, ввел в дом свою жену, Дорис, вскоре подарившую ему сына. Правда, этот брак любви не принес. Отец Дорис помог Антипатру организовать переговоры между римским легатом и приближенными царя Набатеи. Брак был просто формой закрепления политического союза. Он не знал и не любил Дорис. Ради этого брака ему пришлось отказаться от юношеской любви. Но Герод был верен сыновнему долгу, долгу перед домом Антипатра. Брак — это союз, нужный для того, чтобы достичь Главной Цели. Маленький шаг на этом пути. Пути народа в Римский Мир.

Рим. Сколько всего связано с этим словом! Юноша помнил римские легионы, видел огромные корабли, проплывающие вдаль от бедных рыбацких деревушек Иудеи. Отец рассказывал ему о чудесном городе с огромными мраморными дворцами и гигантским цирком. Он любил свой мир — мир бедных крестьян и мудрых толкователей веры, купцов и воинов; мир добрых женщин и сильных мужчин. Но как бы ему хотелось слить эти миры! Сделать мир детства таким же прекрасным, как далекий Рим; сделать его частью Рима. Не ждать гибели Храма, а воздвигнуть Новый Храм, величественный, как Рим, и мудрый, как Иудея.

Иудея, несчастная, разорванная бесконечными спорами, зажатая со всех сторон сильными врагами, урезанная Помпеем... Как хотелось прижать к себе этот опаленный солнцем клочок земли, уберечь!.. Увы. Сделать это можно только под эгидой Великого Рима, в союзе с ним. Пусть это потом назовут изменой. Пусть потоки грязи прольются на него. Он сделает это. Он спасет свой народ, даже если сам народ не считает его своим.

...Небесная странница закатилась на горизонт. Ночь

заканчивалась. Последняя ночь юности. Молодой воин знал, что две седмицы назад в Ерушалаим прибыло посольство римлян с письмом к отцу и Гиркану от Митридата Пергамского, союзника римлян и друга Цезаря. Помнил, как сразу же полетели гонцы к союзникам отца. Видел, как в казармах собирались в поход воины Антипатра, чистили оружие, готовили лошадей, припасы. Завтра начнется поход. Завтра он вступит в большую жизнь. Он — Герод сын Антипатра. Он — впитавший мечтательность кочевников и изворотливость правителей, мудрость иудейской столицы с ее Храмом и силу Великого Рима. А значит, на его пути не будет преград.

Цикады смолкли. Но воин вдруг услышал иные звуки. Над городом, одетым в золотистое покрывало зари, разлилась невиданная песня — песня великой славы и великих дел. Она лилась, как нескончаемый поток, охватывала города и страны, землю и море. Его песня. Песня Героя.

Глава вторая. Римский гражданин

Герод, сын Антипатра, стоял возле входа в палатку в центре иудейского лагеря. Вернее, только одного из тех лагерей, которые расположились сразу за могучими стенами Аскелона. В течение недели близь древнего порта вырос новый город. Почти под самыми стенами располагался лагерь двух римских легионов, присланных из Сирии и Азии. Чуть далее, почти у моря, виднелись пестрые палатки наемников из державы Тиграна Великого, друга и союзника Рима. Эллины-гоплиты из Десятиградья держались обособленно; их палатки виднелись между холмами. С другой стороны от римского лагеря, у восточных ворот города стояли три тысячи пехотинцев, которые привел Антипатр, две тысячи всадников-набатеев, тысяча отборных лучников-итурейцев... Больше двадцати тысяч воинов. Столько Герод еще никогда не видел. Двадцать семь мощных боевых галер стояло в порту, готовые в любой момент выйти в море. Люди спешили.

Еще вчера, когда подошли последние отряды, в палатке Митридата Пергамского состоялось совещание командиров. Герод был допущен на него, хотя слова ему никто давать не стал. Но даже само присутствие на совете было для юноши огромной честью и опытом. Герод слушал и учился говорить кратко, по сути, не языком притчи или мудрого сказания, но языком боев, переходов и лагерей. Он помнил длинные речи на собраниях знати Иудеи, сложные и полные тайных смыслов беседы с вождями кочевников и булевтами эллинских полисов. Здесь все было иначе. После чаши вина во славу Великого Рима и его союзников Митридат, высокий мужчина с черной бородой, заплетенной на персидский манер, быстро описал ситуацию.

Покоритель галлов и иберов, победитель при Фарсале, консул и диктатор Рима Гай Юлий Цезарь осажден в цитадели Александрии уже больше трех месяцев. Сложилась нелепое, неустойчивое равновесие. Египтяне не могут взять цитадель. Все их попытки продвинуться в городе отбивают семь тысяч легионеров Цезаря. Взять цитадель со стороны моря не позволяют затопленные в Царской гавани корабли. Но и сам Цезарь не может выйти из укрепления. Египтяне смогли отбить несколько штурмов порта. Для полевого сражения войск не хватает. Город окружен более чем двадцатью пятью тысячами воинов, верных Птолемеям и ненавидящих римлян. Потому Великий Цезарь и отправил своего друга Митридата за помощью к верным друзьям Рима и друзьям Цезаря.

После речи Митридата говорил каждый командир. Уточнял, как именно будут передвигаться его отряды, где будет место общего сбора, кто им будет противостоять, кто обеспечит провиант и воду. Говорили на латыни, иногда переходя на более привычную эллинскую речь.

Герод смотрел на вождя. Ходили слухи, что его отцом был царь Понтийской державы, охватывающей все южное побережье Понта Евксинского, простиравшейся на тысячи стадий по Анатолии, Митридат Евпатор, некогда доставивший римлянам массу хлопот. После того, как одна из его наложниц понесла, он выдал ее замуж за подвластного ему в то время властителя Пергама. Правда то была или ложь, но облик его был поистине царствен и, вместе с тем, прост. Он был рядом и, одновременно, выше, чем все собравшиеся. Но даже этот сильный и большой человек был только одним из приближенных властителя Рима. Каков же Рим, если ему служат такие воины, как Митридат, такие правители, как Антипатр?

Отец на совете рассказал о том, что выяснили отправленные им в Египет лазутчики — с помощью соплемен-

ников, проживающих там. К несчастью, соплеменники не готовы встать рядом с оружием в руках. Тридцать тысяч воинов-иудеев разом решили бы проблему. Но среди Совета иудеев Египта не было единства. Однако глава Совета, этнарх народа в стране Птолемеев склонялся к союзу с римлянами. Он и сообщил немало ценных сведений, которые позволят войску действовать с максимальной эффективностью.

Местом сбора отрядов назначили невысокую горную гряду, за которой начинались болота, обозначавшие начало дельты Нила. Там, у самой кромки болот, в узком коридоре между ними и морем, стояла древняя крепость Сид, или, как называли ее эллины, Пелузий. Она и прикрывала путь из Азии в Александрию. Крепость старая. Стены не очень высоки — локтей до тридцати-пятидесяти. Со стороны дороги — двойные. Со стороны порта вообще стоит только одна стена. Прежде в крепости был гарнизон из гоплитов-иудеев, однако сегодня он заменен. В Пелузии ныне сидит четыре тысячи воинов, верных Птолемею XIII. Уже поэтому разгрызть этот орешек будет непросто. Но нужно. Без этого до цели просто не добраться.

Едва забрезжил рассвет, как огромный лагерь стал сворачиваться, походные колонны устремились по дороге в Египет. Бесконечный ряд вооруженных людей: смуглые сирийцы, бородатые армянские всадники, закованные с ног до головы в броню, летучие отряды конных кочевников, лучники-итурейцы, иудейские пехотинцы, римские легионы. Пыль на много локтей поднималась над войском. Она проникала в глаза, в горло. Но люди упорно шли вперед. Быстрее. Быстрее. Еще быстрее. Параллельно войску, в некотором удалении от берега, по морю шли галеры с воинами на борту. Быстрее. Быстрее. Еще быстрее.

Цезарь изнывал. Уже больше месяца, как он направил Митридата к римским союзникам за помощью. И уже месяц нет никаких изменений. Дворец, занимавший целый район и отделенный от Александрии стеной, осажден. Птолемей XIII Филопатор, клявшийся в верности Цезарю, теперь с яростью науськивает на него александрийцев и прочих египтян. Цезарь уныло смотрел сквозь колоннаду дворца на залив и гавань, на гигантское творение Сострата Книдского фаросский маяк со следами пожара (после недавней попытки Цезаря выбраться из западни; тогда ему пришлось вплавь добираться до дворца, держа в зубах пурпурный плащ римского диктатора).

— Боги, за что мне это? — вздохнул он. После бешеной скачки последних лет, да что там «лет» — всей жизни! — эта тихая западня казалась издевательством. Его не убили суллианцы после того, как диктатор внес его в проскрипционные списки. Впрочем, Цезарь понимал, что иначе Сулла поступить не мог. Врагов нужно уничтожать. Даже если они бывшие друзья. А он, Цезарь, был не только другом, но родственником самых заклятых врагов Суллы. Зять консула и популяра Цинны, племянник знаменитого Гая Мария, победителя тевтонов и кимвров, вечного соперника Суллы. Но ничего. Обошлось. Сулла не казнил римлян, входивших в сословие патрициев, и лично вычеркнул Цезаря из проскрипционных списков. Он мог сгинуть в Азии, попав в плен к пиратам, мог погибнуть в Иберии или Галлии. Боги хранили. В бою при Диррахии смерть уже витала над ним. Но незнакомый (кстати, нужно будет узнать имя) легионер прикрыл его от пики помпеянца. Пережить сто, тысячу приключений, невероятных событий — и сгинуть здесь, на краю

мира, в этом дворце, насквозь пропахшем тлением...

В зал проскользнула тень, склонилась над креслом, в котором сидел римлянин.

— Великий Цезарь, радуйся! — промурлыкал нежный девичий голос.

Она. Все сложилось из-за нее. Ведь цель его поездки в Египет (кроме, конечно, погони за ненавистным, но где-то в глубине души родным и понятным Помпеем) была совсем проста: Цезарю нужны деньги. Очень нужны. Да, покорение и усмирение галлов принесло немалую добычу. Но, увы, деньги всегда утекали у Цезаря, как вода сквозь пальцы. Зрелища и раздачи привлекали плебс Рима, зато плодили долги его повелителя. Гражданская война уносила сотни тысяч динариев. Золото приплывало в руки полководца и... уносилось дальше, оставляя его карманы пустыми.

За Птолемеями же числился долг перед Римом. И немалый: семнадцать миллионов динариев. Он даже готов был простить потомкам диадоха семь миллионов. Но десять-то верните. И тут этот проклятый евнух, Потин, фактически правивший от имени молодого монарха Птолемея. Когда прибыли два легиона, он извивался, как аспид. Плакался, что всю золотую посуду велел перелить, чтобы выплатить долг. Врал. Понятно, что врал. Но сделать-то ничего не мог.

Совсем уже накалился воздух в квартале дворца «Бога и царя Птолемея», когда Цезарь пригласил туда, изгнанную Потином же (то есть, конечно, волей монарха и народа Египта) принцессу Клеопатру. И тут было все разумно: на троне Птолемеев должен сидеть человек, полностью от Цезаря зависимый. Но вышло другое. Небывалое.

Цезарь знал женщин. В его жизни были разные и по длительности, и по официальности связи. Но здесь он встретил Женщину. Не красавица. Смуглая с несколь-

ко широковатыми скулами, миндалевыми глазами, тоненькая восемнадцатилетняя девочка. Нет. Не девочка. Богиня, чувствующая каждый импульс его немолодого тела, страстная и покорная, царственная и нежная — такая, какой он ее хотел видеть в этот миг. Цезарь прожил долгую и полную превратностей жизнь, знал людей. Он прекрасно понимал, что для нее он — последняя надежда на то, чтобы выбраться из забвения, взойти на трон Птолемеев. Но это было неважно. Это понимание не спасало. Он тонул в ее бездонных, как море за маяком, глазах, дышал ее дыханием, свежим, как ветер с гор, жил ее жизнью. Впервые победитель и покоритель мира был счастлив, как обычный смертный.

Но Боги завистливы. Пока Цезарь вкушал блаженство в объятиях Клеопатры, Потин действовал. Он отправил тайного гонца к войскам на границах и в метрополиях. И вот уже более двадцати тысяч египетских воинов окружили район дворца. Люди Потина упорно внедряли мысль о том, что все налоги, вызвавшие голод, идут только на покрытие долга жадному римлянину. В результате александрийцы восстали. Весь флот Птолемеев, сорок боевых галер, устремился к александрийскому порту. Цезарь очнулся от чар. Но было поздно. Он был в западне. Он смог блокировать порт от флота Птолемеев, но сам выбраться уже не успевал. Тогда и возникла мысль о посольстве Митридата как единственном серьезном шансе выбраться из западни. И вот уже месяц от него нет вестей.

Руки Клеопатры обхватили голову Цезаря, губы заскользили по волосам. Мудрый Цезарь был и прав, и не прав. Жестокая учительница жизнь быстро дала понять еще совсем юной принцессе, что ее тело, ее искусство любви — это оружие. Смертельное оружие, способное даровать победу там, где бессильны мечи и золото. Именно это толкнуло ее на ложе уже немолодого римля-

нина. Но потом....

Потом началось наваждение. Могучий воин был наивен, как мальчик. Тот трепет, который в нем вызывали вполне обычные любовные игры, невольно передавался и ей. Она иначе, совсем по-другому, стала осознавать свое тело. Иначе смотреть на усталое и покрытое шрамами тело Цезаря. Она и прежде любила в одиночестве рассматривать себя в зеркало без одежды. Но прежде она видела в отражении кинжалы, по ее воле впивающиеся в горло врага, мечи, сражающие ее противников. Теперь она смотрела на себя, как на изящную вазу, привезенную некогда купцом-персом из далекой страны за морем. Но главным было даже не это. Она впервые за всю свою жизнь почувствовала себя любимой и защищенной. Она не вела бой, но нежилась и растворялась в силе своего мужчины.

Потом все изменилось. Потин перехитрил Цезаря. Александрию осадили войска верного Птолемеям полководца Ахилла. Прежняя Клеопатра уже бежала бы от проигравшего любовника. Но эта не могла. То, что она испытала, было сильнее ее. Она останется с ним, своим мужчиной. Если придется, то и на смерть.

Внезапный шум заставил ее отпрянуть. В зал вошел стражник:

— Господин, к тебе гонец от Митридата.

— Немедля впусти, — диктатор вскочил. Наконец-то. Но с чем он? Смог ли Митридат собрать силы, достаточные для снятия осады?

В зал вошел легионер в запыленном плаще. По его лицу было видно, что он мчался много дней.

— Великий Цезарь! — начал воин официальное приветствие...

Резкое и нетерпеливое движение руки повелителя Рима. Воин осекся.

— Армия Митридата идет к Пелузию.

— Сколько с ним войска?

— Девять тысяч легионеров, две тысячи тяжелых всадников, три тысячи легких, три тысячи иудейской пехоты, тысяча тяжелой пехоты из Десятиградья и лучники. Всего двадцать тысяч воинов.

Цезарь вздохнул и улыбнулся. Вскочил с кресла. По залу прокатился его рык. Он вновь почувствовал себя Цезарем. Победителем десятков сражений, повелителем мира. Девочка с испугом и восторгом смотрела на своего любовника.

— Так, — произнес, наконец, успокоившийся Цезарь. — Смени коня, одежду. Отдохни два часа и назад. Передашь войску, чтобы сходу штурмовали Пелузий и шли на Александрию. А мы подготовимся для их встречи.

Ночь почти без звезд. С моря нанесло тучи. Громады холмов протянулись от самого берега, теряясь в песках. Отряды римской армии скапливались за холмами. В крепости, конечно, знали, что на них идет войско. Лазутчики сновали вокруг не переставая. Далеко не все они нашли свой конец на пике или под мечом. Гонцы в Александрию уже наверняка посланы. Но одно дело знать, что они идут, а другое, что они уже совсем рядом. В пяти-семи стадиях. Поднявшись на холм, уже можно видеть в темноте стены, силуэты башен и факелы воинов, вышагивающих на стенах. План был прост до наглости: лобовая атака на стены Пелузия ночью. Сразу с марша. Во всяком случае, так объявил воинам Антипатр.

Едва успев отдышаться от пыли и промочить горло кислым вином, воины под покровом темноты побежали

к стенам. Только добровольцы. Но таких набралось почти полторы тысячи. В основном, римляне и две сотни из иудеев Антипатра. Следом за ними должна выдвигаться и основная часть армии, пока еще скрытая за холмами. Вел отряд Антипатр. Герод бежал рядом, стараясь не отстать от отца. Фасаэлю и Фераросу Антипатр велел оставаться с основными силами. Юный Иосиф остался дома с матерью и сестрой.

Сзади молча бежали легионеры, неся деревянные и веревочные самбуки, приставные лестницы с крючьями, чтобы взбираться на стены, вязанки, чтобы засыпать ров. Легионер второй когорты первого сирийского легиона Аппий Фульвий бежал, чуть пригнувшись, по полю перед старой греческой крепостью. Сколько было таких крепостей в его жизни, он уже не помнил. Много. Была ли жизнь до того, как он взял в руки гладиус, короткий меч римлян? Наверное, нет. Все, что было в его жизни: лагерь легиона, палатка, строй. Он привык к такому ритму и жил им. Был счастлив. Аппий бросил взгляд на соседей по строю. Эх, ребята, тяжело вам. Потяните лямку с мое, тогда и полегчает. Вон, молоденький паренек из иудеев вышагивает, как деревянный. Наверное, вспотел уже, как в кальдарии, в бане. Трусит. По всему видно, что трусит. Но старается не показать. Это правильно. В первом бою всем страшно. Попривыкнет. Если, конечно, останется жив.

— Ничего, парень, — шепнул он Героду — прорвемся. Не трусь.

Герод, едва не сбив дыхание, повернул голову и улыбнулся в ответ.

Было ли Героду страшно? Трудно сказать. Для страха не оставалось ни времени, ни сил. Быстро и, главное, тихо переставляем ноги. Не шуметь. Не отстать от отца. Не опустить щит.

Ткань под панцирем пропиталась потом. Крепость все

ближе. Там еще не ждут гостей. Часовые перекликаются. Кто-то засмеялся. Хорошо. Уже совсем близко.

Ворота закрыты. Но другого и не ждали. Было бы слишком наивно ожидать гостеприимно распахнутых ворот в крепости, готовящейся к осаде. Быстрее уйти под стены. Все. Их заметили.

Со стен раздались возгласы. Засвистели стрелы. Воины привычно поднимали щиты-скутумы, образуя защиту от потока стрел. Успели не все. Из задних рядов донеслись крики, шум падающих тел. Так, бросаем вязанку в ров. Еще одну. За ним бросает следующий легионер. Еще один. По образовавшемуся мостику — к стене. На миг Герод обернулся. За рвом лежали десятки тел легионеров, которые не успели прикрыться от потока стрел. А на стене уже поднялась тревога. Сверху летели не только стрелы. На тех, кому посчастливилось пробраться к самому подножью укреплений, где стрелы не доставали, падали камни, зажженные факелы.

Но и у стены не дремали. Легионеры и иудейские воины, получившие благодаря Антипатру сходную подготовку и вооружение, взобрались на плечи друг к другу и в месте, где стена была чуть ниже, построили из сомкнутых щитов подобие лестницы, по которой уже бежали на стену следующие после ряды воинов. В других местах легионеры приставляли к стене лестницы, бросали вверх веревки с крючьями, пытаясь по ним вскарабкаться наверх. Сверху на них сыпались камни, лился кипяток. Защитники пытались оттолкнуть проклятые крючья, впишшиеся в зубцы стен. Но римляне упорно лезли вверх.

Герод разглядел в утреннем полумраке фигуру отца, уже почти добежавшего до вершины пирамиды из щитов. За ним! Легко запрыгнув на «первую ступень» живой лестницы, он побежал по неровным щитам туда, где уже звенели сшибающиеся клинки.

Вот и стена. Герод спрыгнул с парапета. К нему кинул-

ся египтянин с коротким мечом в руках. Тело, наученное многолетними упражнениями и десятками схваток на караванных тропах, действовало само. Щитом отвел удар, показал вниз и со всей силы ткнул в самое горло. Враг захрипел и завалился. На стене еще темно. Но было понятно, что легионеров становится все больше, а египтян оттесняют к башням, из которых продолжают лететь стрелы. Герод бросается в копошащуюся на стене толпу. Опять удар на щит и выпад мечом. Краешек солнца уже угадывался на горизонте. Темнота отступала. Враги тоже. Кажется, можно перевести дух. Стена наша. Но крепость держится. Пусть здесь нет трех рядов стен, как Ерушалаиме. Но даже два ряда — это серьезное укрепление. А взято только первое кольцо. Но где же армия? Совсем небольшой отряд — менее тысячи воинов — вошел в уже распахнутые ворота крепости.

Герод вопросительно посмотрел на отца, стирающего обильный пот после закончившейся стычки.

— Все поймешь позже. А сейчас — в бой. Нужно, чтобы сюда стянули все силы. Сражайся как тысяча духов пустыни!

Антипатр с сыном, а за ними и остальные воины бросились по перемычке на вторую стену, где скапливались свежие силы защитников крепости. Сражение закипело с новой силой под светом уже разгоравшегося утра. Через час бой шел уже на улицах Пелузия. Но постепенно наступательный порыв римлян стал затухать. Масса защитников просто давила все более редющий строй легионеров. Они накатывали, как волны, разбиваясь о железный строй щитов. Но каждый накат забирал несколько десятков жизней. И заменить их в строю было нечем.

Герод рубился рядом с отцом, временами поражаясь его спокойствию. Его меч поднимался так же сосредоточено и уверенно, как на занятиях с деревянными мечами

во внутреннем дворе ерушалаимского дворца. Голос звучал так же громогласно, как и в те минуты, когда он разговаривал со старцами из Синедриона.

— Держать строй. Держать строй, звери! Еще миг, и они дрогнут! — командовал Антипатр.

Но египтяне не побежали. Легионеров, которых становилось все меньше, уже начали обходить с флангов. На соседних улицах, где Антипатр смог оставить лишь немногочисленные заслоны, уже слышался шум схватки, исход которой, казалось, был предreshен.

Внезапно все изменилось. Издали, со стороны порта уже давно слышались крики, шум и лязг металла. Сначала едва различимый, шум этот становился все ближе. И вот из переулков домов, примыкающих ко второй стене крепости, вместо гоплитов Птолемеев хлынули войска Рима. Сражение превратилось в резню, крепость пала.

Митридат, понимая насколько сложно сходу взять Пелузий, зная, что самое слабое место в крепости — это укрепления в порту, а галеры, которые должны его защищать, ушли в Александрию, основной удар решил нанести с моря. Пока крепость сражалась с отрядами, штурмующими стены, главные силы были переброшены римской эскадрой в порт, разбили слабый заслон и ударили в тыл египтянам.

Больше полутора тысяч воинов римской армии погибло в этой схватке. Египтян — вдвое больше. Но самое важное — путь в Александрию теперь свободен. Войска вышли из города, где уже разгорался гигантский пожар. Воины располагались, кто где мог, чтобы немного перевести дух перед новым маршем.

Герод задержался на стене. Ему нравилось с высоты смотреть на огромное скопление вооруженных людей, каждый из которых был его другом и союзником, а все они — частью Великого Рима. Герод думал об отце. Он правитель? Да, безусловно, правитель. Но это — второе.

Он воин? Конечно, он великий воин. Он первым взобрался сегодня на стену. Он смог связать боем почти весь гарнизон крепости. Но и это не главное. Что же главное? Молодой воин чувствовал, что вот-вот, совсем немного, и он поймет что-то очень важное. Про отца, про свою семью, про свою Судьбу.

Внезапно его взгляд упал на дорогу, что выходила из зарослей дельты Нила. Там что-то не то. Откуда эти люди? Чьи они? Их много. Их очень много.

На столе перед Гаем Юлием Цезарем лежал лист пергамента. Он писал. Рядом лежали уже исписанные свитки. Дневники он вел уже очень давно, со времен своего наместничества в Иберии. Зачем? Ответ прост, и он узнал и принял его еще в самом начале карьеры, когда враги принялись распускать про него гнусные слухи. (Успех его посольства в Вифинии они объясняли тем, что он вступил с ее царем Никомедом в протiwоестественную связь). Нельзя дать врагам возможность захватить твое будущее, написать твою историю.

И Цезарь писал историю — историю Великого Цезаря. Писал так, чтобы любой потомок, который решит вновь взяться за описание прошедших эпох, получил из его, Цезаря, дневников ответы на все свои вопросы. Будущее должно помнить о нем его словами, думать его мыслями. Это важно.

Цезарь оторвался от писания. Он задумался о ближайшем будущем. Как только Митридат ударит по войскам Птолемея и свяжет их, его легионы ударят навстречу. Враг окажется в тисках. А Александрия и весь Египет падет к его ногам. Нет. К ногам Клеопатры. Конечно, он возъ-

мет из Египта все, что ему будет нужно, но разорять царство не станет, ведь править им придется любимой. А гордые римские орлы полетят выше, к сияющему солнцу, к владычеству над всем миром!

Или не полетят?.. Остаться здесь. Быть всегда вдвоем. Пусть сварливые старики и честлюбивые юнцы в Вечном городе изойдут ядом и захлебнутся им!..

Или нет? Диктатор не находил ответа.

В соседней комнате, где сидели стражники, послышалась возня. Вбежал примипил дежурной когорты.

— Цезарь! Египтяне снимаются и уходят!

— Как?!

— Против нас лишь малая часть их армии. Лагерь пуст. Я отправил разведчиков ночью. Они видели, как армия выступила на Пелузий.

— Проклятье! Мы можем опоздать. Быстро! Передать легату и трибунам — сбор и поход. Ты — он ткнул в примипила — вместе с трибуном Плавтом и двумя когортами остаешься и защищаешь дворец. Остальные — на Пелузий.

Сомнения были забыты. Враг оказался не столь наивным, как хотелось бы, и решил разбить римлян по частям. Цезарь не даст ему такой возможности. Теперь удар примет Митридат, а в спину египтянам ударят войска Цезаря. Лишь бы он продержался!

Еще вода в котелке над костром контунберна не успела бы вскипеть, когда пять тысяч легионеров были готовы к походу.

Герод бросился вниз, к расположению иудейских отрядов.

— Отец, там... — он задыхался, протягивая руку к дороге.

А над дорогой уже выросла плотная стена пыли выходящего из зарослей дельты войска. Его нужно задержать

любой ценой. Армия римлян рассеяна. Люди отдыхают после сражения. Кто-то снял панцирь, почти все отложили тяжелые щиты. Стреноженные кони мирно паслись поблизости. Волна египтян просто раздавит римлян.

Это понимал Герод. Понимал это и Антипатр. Схватив сигнальную трубу, он громко дал сигнал сбора. Удивленные, не вполне понимающие причину, воины, тем не менее, кинулись к своему командиру — сработал приобретенный месяцами нескончаемых тренировок инстинкт. Антипатр мог гордиться своими воинами — даже римляне не собрались бы быстрее.

Вытянув отряд вдоль дороги, где пространство между болотом и морем было уже, а значит, меньше шансов на охват с флангов, он ждал приближающихся гоплитов. Последние остановились, растерявшись от столь стремительного возникновения строя врагов. Но длилось это всего мгновение. Увидев, что противников совсем немного, фаланга гоплитов, уже выстроившись в боевой порядок и выставив вперед пики-сариссы, покатила всей массой в сторону боевых порядков иудеев.

На счастье, за рядами воинов Антипатра (меньше двух тысяч), прикрытых ростовыми щитами-скутумами, стали скапливаться лучники из кочевых племен. Египтяне все ближе. Еще ближе. Узкое пространство не дает возможности для удара конницы. Она где-то там. За спинами гоплитов Птолемея. Но стоит фаланге хоть немного, на сотню шагов, потеснить противника, как конные илы тут же нанесут удар. И удар этот будет смертельным.

Кочевники дали залп. Еще один. В небо взвились сотни и сотни стрел. Первые ряды фаланги подняли круглые щиты. Да, потерь немного. Хотя несколько десятков воинов, раненых кто в ногу, не прикрытую поножами, кто в руку, а кто и с пробитым горлом, вывалились из строя. Главное, что сплошная стена копий разбилась. И это только начало. Иудеи, заимствовавшие римскую тактику

сражения, метнули свои пилумы, дротики с мягким медным наконечником. Еще десяток гоплитов оросил своей кровью александрийскую дорогу. Но большая часть пилумов застряла в щитах воинов первых линий. Прикрываясь щитом, из которого торчит полутораметровая жердь, не особенно удобно. Многие были вынуждены бросить их на землю.

Еще мгновение — и ряды противников сошлись. Раздался треск ломаемых копий. Первые крики раненых. Порядки Антипатра подались на несколько шагов назад. Но через миг все же выровняли строй. Бой. Герод поднырнул под пику египтянина в красном хитоне, и ударил по бедрам, не прикрытым щитками. Гоплит упал. В образовавшуюся между людьми брешь бросились еще несколько воинов.

— Все назад! — разнесся над схваткой рык Антипатра. — Держать строй!

Герод вывернулся и выскользнул за отхлынувшими ерушалаимцами. Но и гоплиты откатились. Правда, недалеко, буквально на пару шагов, ведь сзади на них давили следующие ряды. Но даже это было удачей. Строй Антипатра выровнялся.

Но врагов слишком много. Следующий удар был страшен. Первый ряд римских союзников был смят и почти уничтожен. Весь порядок отброшен шагов на двадцать. Но там фаланга завязла. Строй нарушился, и сражение превратилось в множество отдельных поединков. Римская выучка и короткий меч против копья и кинжала гоплитов давали здесь явное преимущество. Оно бы и сыграло свою роль, если бы противников было больше хотя бы вдвое. Но их было очень, очень много. Разрушенные гоплитские порядки, подпирались рядами свежих воинов с выставленными вперед копьями.

Горстка уцелевших иудеев шаг за шагом откатывалась назад, сохраняя подобие боевого порядка. Герод оглянул-

ся. Отец жив. Братья? Кажется, целы. Хотя все это уже не важно. Из горловины на простор вырвались конные клинья. Еще немного, и они сомнут потрепанные ряды отряда Антипатра. Что ж — короткая, но правильная жизнь. Обидно, что ее было так немного.

Но почему-то всадники, вместо того, чтобы нанести последний удар по едва держащимся иудеям, повернули вправо. Что там? Наперерез коннице Египта плечом к плечу летел строй армянских всадников, закованных в латы. Прорехи в иудейском строю, грозящие в следующее мгновение оказаться рваными ранами, заполнили римские легионеры. Потрепанный отряд Антипатра отошел назад, а гоплитов встретили легионы Рима. Уже не цепочка обреченных стояла против армии Египта, а Сила противостояла Силе. Армяне врезались в конницу Птолемеев. И те, и другие создавали свои кавалерийские отряды по образцу скифов, но армяне были лучше вооружены и защищены. Конные илы наследников неистового македонца были отброшены. Все поле перед стенами Пелузия было покрыто телами. Численное преобладание египтян компенсировалось римской выучкой и неистовством кочевников.

Уже больше двух часов шло сражение, а Ника не готова была улыбнуться ни одной, ни другой стороне. И когда начало казаться, что эта бойня будет продолжаться вечно, над полем прокатилось мощное «брра!», выкрикиваемое тысячами плотов. На дорогу вытекала лава легионов Цезаря.

После многодневного пира в Александрийском дворце, занимающем целый квартал, примыкающий к Царской гавани, были объявлены награды, пожалования воинам и военачальникам, друзьям и подданным. Цезарь, как всегда, был щедр и милостив. Восседаая на троне между Клеопатрой, в этот миг величественной и загадочной, и ее смущенным и растерянным братом-соправителем, господин Рима и Мира благожелательно улыбался подходившим к трону. Да и те, что стояли поодаль, удостоились его внимания. Кто-то — взгляда, кто-то — кивка. Диктатор умел ценить верных людей. Впрочем, и в предшествующие дни, на пирах, было сказано немало добрых слов о соратниках и друзьях Великого Цезаря.

Сам пир потряс воображение Герода. Он видел пиры царей и властителей. Ездил с отцом в богатый город Аскелон, бывал в славном Дамаске и бывшей столице Селевкидов, Антиохии, ныне резиденции наместника Сирии. Да и Ерушалаим был большим городом и мощной крепостью, где пирами увлекалась дочь царя Гиркана, Александра. Но то, что он увидел здесь, потрясало.

Огромный зал, уставленный столами с самой невероятной пищей, гигантскими рыбинами, даже названия которых он никогда даже не слышал, таящими во рту паштетами, дворцами и башнями, построенными из фруктов, изысканными сладостями, вином.... Всего не перечислить. Столы покрывала роспись и инкрустации из драгоценных камней. Герот недовольно подумал, что за один такой столик можно нанять сотню воинов.

Стены зала были покрыты изящной резьбой и росписью, задрапированы тканями с изображением удивительных животных и растений. Это тоже было в диковинку,

иудеи хранили запрет на изображения людей и животных. Сами лежа, на которых возлежали гости, были удобно изогнуты. Их застилали мягкими одеялами, покрытыми тончайшей тканью, ласкающей тело. Светильники, горевшие вдоль колонн по краям зала, не развеивали тьму, а освещали празднество. Курильницы источали нежный аромат. Зал открывался в огромный двор дворца, отделяясь от него рядом колонн.

Там, среди кустов, покрытых яркими цветами с дурманящим запахом, среди порхающих птиц и бассейнов с журчащими фонтанами, тоже стояли столы и лежа. Все соратники Цезаря, вплоть до последнего центуриона, были приглашены разделить его радость. Сотни рабов подавали бесчисленные перемены блюд. Десятки арфистов и танцовщиц услаждали слух и взор гостей владык Египта и Великого Римлянина. Заздравные речи звучали в честь Цезаря, Клеопатры и даже четырнадцатого Птолемея, маленького брата Клеопатры и погибшего в битве у Пелузия Птолемея XIII. Не были забыты ни Митридат, ни верные легионеры, ни вожди союзников Рима. Среди них особенно часто диктатор вспоминал Антипатра.

Антипатр, первым поднявшийся на стену Пелузия, обеспечивший войску победу в сражении, которое уже называли «битвой у иудейского лагеря», получил великую награду и великие почести — он был назначен «оком Рима», прокуратором в Иудее. Собственно, отличие от того, что он и так имел в качестве опекуна Первосвященника и этнарха, было в том, что он оказывался еще и римским чиновником, достаточно высокого ранга. Он сам и его дети, в том числе Герот, получали статус римских граждан и зачислялись во всадническое сословие. Тем самым их благополучие, их жизнь гарантировались Великим Римом и его владыкой. Но и это было не все.

Под начало Антипатра передавался один из сирийских легионов, стоящий в Самарии, сбор земельной пода-

ти в Иудее в пользу Великого Рима. Сама Иудея расширялась. Под руку Гиркана II, вновь именовавшегося теперь царем иудейским, то есть под власть Антипатра, вернулись Галилея и некоторые прибрежные территории. Он получил право восстановить стены города Ерушалаима, частично разрушенные по приказу Помпея в тот черный год, когда Помпей вошел в Святая Святых Храма. Египетское золото оттягивало пояса. Караваны с пленниками и ослики с добычей следовали за войском. Можно было возвращаться.

Но отец повернул влево от конопских ворот к гавани, располагавшейся за казармами, где теперь квартировали римские легионы Цезаря.

— Нам нужно захватить к нашим единоверцам, — объяснил он детям. — Пусть люди пока едут домой. Через пару дней мы их нагоним.

— Зачем они нам? — бросил старший брат, Фасаэль. — Они ничем не помогли нам в бою.

Отец удивленно и несколько огорченно посмотрел на сына, как на малыша, некстати обмочившего колыбель, но ответил:

— Почему они должны были нам помогать? Ведь это мы пришли к стенам их городов с оружием в руках. Они жили мирно и благополучно. А тут пришел римлянин, а за ним мы. Почему они должны были воевать за нас? Понимаешь, сын, у них тоже есть правда. Правда есть у каждого. Нельзя любить или ненавидеть человека за то, что у него другая правда. С ними нужно договариваться. Поэтому и ты, и твои братья будете вежливы и почтительны к людям, в доме которых мы заночуем. Хотя бы потому, что так хочу я, ваш отец. Да к тому же, — продолжал он, — кто сказал, что не помогли? Ты не знаешь, почему нам было известно все, что делалось в городе? Почему александрийцы легко дали Цезарю выйти из города, а нам в него легко войти?..

Встреча прошла во внутреннем дворе богатого дома, над входом в который горела золотая шестиконечная звезда. Их встречал старик с бритым лицом, одетый в богатую хламиду, заколотую на плече изящной серебряной брошью в форме цветка, инкрустированного крупным алым камнем. Отец церемонно поклонился ему, и они прошли в дальние комнаты. Слуги проводили братьев во внутренний дворик, где уже стояли лежа, покрытые дорогой тканью, а столы были уставлены разнообразной снедью.

Возлежащий во главе стола мужчина в эллинском платье, но с лицом, украшенным иудейской бородой, прочел молитву и предложил присоединиться к трапезе. Юноши последовали его приглашению. За столом текла вежливая беседа ни о чем. Гости демонстрировали свою почтительность, хозяин — заботу и радушие. Отец и старик показались только часа через два, когда застолье уже начинало откровенно тяготить Герода. Оба были крайне довольны и всем видом показывали расположение и почтение друг к другу.

Рабы переменили столы. Вновь прозвучали привычные слова молитвы. Но потом... Гостям и хозяевам подали лохани для омовения, венки. На новых столах появилось неразбавленное вино, фрукты. Из-за боковых занавесей, прикрывающих вход в помещения для слуг, вышли музыканты. Иудейская трапеза превращалась в эллинский симпозиум. Почему-то Героду это было не то, чтобы неприятно — скорее, странно. Но он старался быть вежливым, начиная понимать ситуацию. Впрочем, пока держа понимание при себе. Братья выглядели гораздо более ошарашенными. В Ерушалаиме люди были или эллинами, или иудеями. Здесь это оказалось смешано в одном доме. Старик посмеивался над шутками Антипатра, да и над удивленным видом Фасаэля и Ферароса; с уважением и одобрением кивал уместным и почтительным фра-

зам Герода.

Утром, когда они проезжали ворота, Герод спросил:

— Прости, отец! Теперь у нас будут дела с Александрией?

— Ты все правильно понял, сын, — улыбнулся отец.

Видя непонимание в глазах младшего, он снизошел до объяснения.

— Смотрите, — обратился он к сыновьям. — Мы уже много лет водим караваны в Дамаск. Это хорошее дело. Купцы из страны Инд продают нам пряности на берегу Красного моря по две серебряные драхмы. В Ерушалаиме платят уже по три драхмы. В Аскелоне за вес пряностей дают уже пять драхм, а в Дамаске платят золотой, то есть десять драхм. Конечно, не все караваны доходят. Но даже то, что доходит, позволяет нам есть свой хлеб, платить своим воинам, дарить украшения нашим женщинам, строить крепости и дороги, покупать покровительство и союзы. Вы все это знаете.

В Дамаске и в Тире купцы торгуют нашими пряностями уже за два десятка серебра. Но им этого мало. Они легко могут договориться и снизить нам цену. Больших кораблей, чтобы самим везти пряности в Элладу или Италию, у нас нет. Караваны в Иран, Пергам, Понт или Армению мы не водим. Потому будем вынуждены продавать товар за столько, за сколько захочет его купить торговец из Дамаска.

Совсем иной разговор пойдет, если часть товара будет уходить через Александрию. Александрийцам это выгодно. Конечно, через какое-то время они тоже захотят уменьшить нашу долю. Но они будут знать про Дамаск. Поэтому не решатся. В Дамаске же будут знать про Александрию. И тоже остерегутся.

— Отец, но ведь мы никогда не водили сюда караваны. Наши люди не знают здешних дорог, — сказал Фасаэль.

— А ты сам что думаешь?

Фасаэль минуту помолчал:

— Думаю, что до Аскелона мы доберемся легко. Три дня пути и дорога известная. Там нас примут и разместят родичи. Оттуда еще неделя. Нет, наверное, две недели. Караваны идут медленно. Там можно сделать остановку в Газе. Оттуда уже не далеко. Да и дорога там хорошая. Есть вода. Можно пройти. Только охрана нужна. А еще лучше заключить союз с кем-то из местных владык. А там уже Египет, если вести караван из Ерушалаима. Но можно же и через Газу. Хотя это и непросто.

— Это мы и обсуждали с этнархом Александрии, — сказал отец.

— Отец, а почему им самим не возить ткани и пряности? — спросил младший брат.

— Их порт маленький и неудобный. Кораблям пристать трудно. А в порту Эцион-Гевер, который эллины называют Эйлатом, на земле идумейцев, корабли пристают уже много веков. В Египет они везут только очень дорогие вещи. Кроме того, все, что поступает в порты Египта, становится собственностью царя и бога Птолемея. Он сам назначает того, кто будет этим торговать. А александрийским купцам это не очень нравится.

Александрия уже скрылась из виду. Они молча ехали по дороге вдоль моря. Нужно было как-то успеть выбраться из дельты до сумерек, когда из болот, окружавших столицу Птолемеев, вылетали тучи кровососущих насекомых, от которых не спасали ни пологи, ни дым костра.

— Отец, а зачем нам новые доходы? Разве нам чего-то не хватает? — внезапно прервал молчание самый младший брат, Ферарос.

— Хватает. Конечно, хватает, если говорить о том, что нужно человеку, как животному. Еда, питье, пещера, защита от холода, подруга, чтобы греть ложе. Но человек — не животное. Или не совсем животное. Когда

Изначальный изгнал наших предков из Эдема, то дал им голод и страх. И это было не только наказание, но и огромное благо, как все, что исходит от Него. Голод заставляет человека двигаться, действовать.

Чтобы избавиться от голода, земледелец напрягает мышцы, взрыхляет землю, бросает зерно. Чтобы не голодать, пастух в бурю спасает заблудившуюся овцу. Не спит, сторожа свое стадо, заботясь о нем. Чтобы есть досыта, купец ведет караван через пески и горы, выводит корабль в бушующее море. Это голод делает человека предприимчивым. Но он лишь средство.

Есть еще страх. Он напоминает нам о Сущем, Изначальном. Он рождается вместе с маленьким человеком, как память о потерянном Эдеме, покое и довольстве. Потом, когда человек растет, возникает другой страх — страх за близких и родных, страх не справиться с делом, за которое взялся.

— Это уже не страх, отец, — вновь подал голос Ферарос. — Это — ответственность. Разве нет?

— Конечно так, сын. Но ответственность тоже рождается из страха. Страх не сделать то, что должен, страх причинить боль и горе близким.

Солнце уже начинало клониться к закату. Со стороны моря дул ветерок, разгоняя духоту и комаров. Дельта заканчивалась. Показались руины Пелузия со следами пожара. Мертвецы уже нашли упокоение, но земля еще помнила о недавней битве: то здесь, то там лежали сломанные копья, щиты, осколки панцирей, клочья ткани. Смерд от засохшей крови еще не вполне выветрился из этого места.

Всадники молча проехали мимо крепости. Через какое-то время отец продолжил разговор. Такие беседы были важной частью жизни их семьи. С раннего детства своих сыновей Антипатр, несмотря на постоянную занятость трудными играми взрослых мужчин и воинов, нахо-

дил время, чтобы наставлять их в жизни. Под сенью родного дома или на ночевках близь колодца в пустыне он делился с детьми тем, что знал и думал сам.

— Да, ответственность тоже рождается из первоначального страха, — продолжил он. — Но это — маленькая ответственность. А если Всевышний наделил тебя силой, то ты обретаешь главный страх и главную ответственность — за свой народ, за людей; ответственность не перед кем-то из них, а перед Высшим Судьей. И тогда ты берешь страх тысяч и тысяч людей на себя, избавляя их от тягот ответственности. Ты становишься их заступником перед Всевышним. И здесь нужна Сила. Золото — это один из источников Силы, то, чем ты можешь поделиться с людьми. Спасти их от беды. При этом не обидеть их пренебрежением, не унижить — но возвысить, наделить и их силой.

— А доблесть? — не выдержал Фасаэль. — Разве не доблесть — главный источник силы?

— Конечно, доблесть тоже. Но этой силы может не хватить на народ. Александр из Македонии прославлен в веках, но велик ли его народ? Благополучна ли его Родина? Нет. Она бедна, а народ захвачен Римом. Вот в том и дело. Если ты решил взвалить на свои плечи груз тягот всего народа, то о личной доблести лучше думать реже. Даже доброта, даже любовь часто окажется для тебя непозволительной роскошью. Тебе придется изворачиваться и приспособливаться, интриговать и казнить. Ты, принимая власть, берешь на себя всю грязь этого мира, чтобы кто-то другой смог войти в сонм Праведников, а люди, доверившиеся тебе, избавились бы от голода, наслаждались покоем, добротой и любовью. Золото, дружба, родство — все это средства для главного.

Тут пришел черед Герода: — Постой, отец. Но патриархи народа, вставшие на сторону Аристобула, тоже алкали золота и имели власть. Но о народе с полей они

и не вспоминали, называя единоверцев толпой, чернью, недостойной быть избранным народом. Их сила не стала источником ответственности за других людей, а страх был только страхом за себя. Они видели только в себе Его народ, заботились о собственной праведности. Они ведь тоже в чем-то правы. Если нет тех, на кого равняться в соблюдении Закона, то исчезнет и сам Закон. Нет? Здесь что-то не так?

— Трудный вопрос, сын. Кто-то из них искренне заблуждался. Или, точнее, имел свою правду. Многие считали и считают, что карам Единого не должно оказывать сопротивления — нужно их принимать. Если в пророчествах говорится о падении Храма, то он должен пасть вместе с народом, но сохранить чистоту крови и веры. Все, кто противится этому, противятся воле Всевышнего. Так считают эти люди. Это — их правда.

Другие люди считают, что они ближе к Всевышнему и потому заслуживают всех благ, которые имеют. И ничего не должны народу и Ему за эти блага. Для них важно сохранить чистоту для себя, но не делиться ею с другими людьми. Но и эти не самые страшные. Они просто обманулись, неправильно поняли слова Книги. У них — другая правда, но она есть. Пусть мы ее не можем принять, однако с тем, у кого есть правда, всегда можно договориться.

Самые страшные — это те, кто делают вид, что имеют страх и ответственность перед народом, а на самом деле только утоляют голод. Они тоже изворачиваются и скользят, но делают это без Большой Цели, просто во имя Большого Голода.

— А как ты считаешь, падет ли Храм? — вновь прервал проповедь отца Герод. Он понимал, что отец все это говорит не им, и даже не себе. Он говорит с тем Высшим, кто вел его всю жизнь.

— Не знаю. Истину знает лишь Он. Но пока я жив,

Храм и мой народ будут стоять. Во всяком случае, для этого я сделаю все. Это — моя правда!

Отец замолчал. Молчали и сыновья, думая каждый о своем. Фасаэль думал о доблести и славе в веках. О том, что он не хотел бы жертвовать ими, даже во имя того, чтобы стать заступником за народ перед Всевышним. Ферарос думал о том, как подарит золотую цепь из своей египетской добычи той, что прекрасней всех. Представлял, как вспыхнут ее глаза. Как она опустит лицо. Какой она будет... необыкновенной. Нежность стискивала сердце юноши.

Герод же думал о правителе, как его понимал отец, и о Юлии Цезаре, которого увидел и узнал. По тому, что он слышал и знал об этом человеке, это и был тот, кто взял на себя общий страх, кто сражается, чтобы наступили мир и прощение, казнит даже тогда, когда хочется миловать. Сын, как и его отец Антипатр, считал, что только союз с Римом даст маленькой Иудее единство и защиту, покой и процветание. Цезарь и воплотил для него лучшие черты Рима. Он был мудр и бережен с друзьями, беспощаден к врагам, понимал выгоду мира и необходимость силы. Он жаждал славы, но славы вместе со Славой Рима.

Однако то, что в Египте все это — война, подвиги, политика — были не для Высшей цели, а для Клеопатры VII, было Героду странно. Отталкивало. Он знал любовь и ответственность за семью. Жила любовь и в семье отца. Но это было там, на периферии мужского мира. Отец заботился о жене и детях. Но жил не ради них. Было что-то другое, что он никогда бы не поставил ниже самой оболыстительной из женщин Мира.

Почему-то к гордости за то, что сам Великий Цезарь сделал его гражданином Рима, примешивалась грусть. Ему казалось, что любовь затягивает Цезаря в темную воронку, на дне которой только смерть. Он вздохнул, вспоминая волевое лицо Великого Римлянина, его слова,

обращенные к Антипатру и его сыновьям, к самому Героту.

Прощай, Цезарь! Пусть твои боги будут к тебе благосклонны на том берегу. Быть может, Клеопатра — это их последний подарок за жизнь отданную другим. Но союз их семьи и Рима — это союз не с Цезарем или Помпеем. Люди приходят и уходят. Их силу и слабости надо понимать и прощать. Но Рим остается. Они, дом Антипатра, связали свою судьбу с Римом. Именно они станут проводниками Иудеи в новый и дивный мир. Мир Рима.

Солнце коснулось морской глади, заиграв огненными бликами по всей ее поверхности. Вдали уже виднелся столб пыли. Они нагоняли своих воинов. Скоро между холмов покажутся крыши домов Ерушалаима

Глава третья. Тетрарх Галилеи

Крыши домов Ерушалаима сплетались в загадочном узоре, разрывались колоннадами и дворцами, пестрели, одновременно радуя и утомляя глаз. На восстановленной стене города, опираясь спиной на парапет, стоял проклинаемый и прославляемый идумиянин Антипатр, прокуратор Иудеи, опекун Первосвященника Гиркана II. Он думал, заново переживая события последних лет.

После возвращения в город войска, после того, как он перед старцами Синедриона объявил о восстановлении стен и расширении границ, о возрождении царства Иудеи, завистники притихли. Царь Гиркан II, Первосвященник народа, не отпускал свою «няньку» от себя. Антипатр уставал от своего подопечного, от его бесконечных разговоров о близящемся Конце, от религиозных бесед, которые тот постоянно затевал. Но прекрасно видел, что Гиркан — настоящий Первосвященник, живущий расписанным до мелочей миром молитв, ритуалов, Закона. Тяготы управления людьми были для него ненавистны. Их он с удовольствием отдавал Антипатру. И только в нем видел защиту от буйных сыновей покойного брата Аристобула, осевших в Сирии. Только в нем он видел избавление от вечных прений с гордыми главами Великих семейств, стремившихся править, как независимые князья, опираясь на собственные отряды воинов. Он, Антипатр, привык жить в мире их вечных интриг, ждать удара с самой неожиданной стороны. Он привык действовать, помня об их постоянной ненависти к нему. И о еще большей ненависти друг к другу.

Антипатр понимал, что их ненависть притихла на время — слишком велики приобретения Иудеи, сделанные благодаря «идумейцу». Но это сейчас. Члены

Синедриона из саддукеев, гордившиеся своим происхождением от древних вождей народа, никогда не примирятся с тем, что реальная власть находится в руках «идумеянина». Понимал он и то, что вечное противопоставление себя всей округе, претензии на особый статус Иудеи рано или поздно станут причиной катастрофы. Строгость Закона может стать не благом, но источником несчастий. Но он не рубил сплеча. Иудеи со времен возврата из вавилонского плена жили так. Привычки меняются медленно. Иудея должна врасти в Рим. Он умел ждать и терпеть, обладал выдержкой крокодила в засаде и упорством носорога.

Только дел было слишком много. Он должен постоянно держать под контролем осиное гнездо в Ерушалаиме. Но на севере, где проходят караванные тропы, лютуют разбойники — значит, кто-то должен обеспечить безопасность торговли, новые торговые пути. На юге, в Александрии, складываются новые возможности в торговле хлебом. Но чтобы их использовать, нужно ехать туда. В Набатее назревает война между племенами, которая очень нежелательна и самому Антипатру, и его тестю, правителю Набатеи. В Персидский залив начинают приставать корабли с пряностями, и это — далекая, но реальная угроза его процветанию.

Антипатр понимал, что не успевает. Он только человек. Нужны помощники. Но на кого опереться? Верных советников, способных на самостоятельные деяния, не так много. Супруга Кипра продвигала своих родичей, набатеев. Их становилось в доме уже больше, чем его сородичей и подданных из Идумеи, больше, чем иудеев. Они проникали на придворные должности. Антипатр, хоть и любил жену, понимал, что интересы ее родичей далеки от интересов Иудеи, да и самого Антипатра. Даже помирить набатейцев они не смогут. Ведь каждый из них — чей-то родич, значит — чей-то враг. Кто же

свои люди, где они? — думал уже немолодой правитель. — Только дети. Но как не хочется бросать их, горячих и неопытных в горнило интриг и коварства, где каждый шаг может оказаться последним. Не одну неделю он взвешивал и так, и эдак. Но другого варианта не нашел. Только сыновья смогут стать его опорой.

Тем более, что при восстановлении стены Ерушалаима Герод и Фасаэль проявили себя блестяще. Стена росла, как по волшебству. Оплачивал ее строительство сам Антипатр — из того золота, которым одарил Цезарь. Но Герод придумал, как извлечь из строительства дополнительное благо. Вместо рабов, он нанимал голодных безземельных соплеменников, которыми, к несчастью, изобиловала страна. Платил им полновесной ценой, кормил. И бедняки славили имя Антипатра и сына его Герода. Фасаэль же смог преподнести строительство стены старейшинам, как новый шаг в восстановлении Великой Иудеи. Его речи все увереннее звучали на собраниях Великого Синедриона. Ферарос уже помогал отцу в торговых предприятиях, а Иосиф, пока еще совсем молодой, уже рвался с воинами в сражения. Хороших детей он воспитал. Только вот как же страшно выпускать их в злой и жестокий мир! Хотя есть ли другой выход? Нет. Они — взрослые мужи, прошедшие воинскую школу. Он дал им все, что мог дать. Теперь их учителем станет жизнь.

Решение было принято и безоговорочно одобрено царем, скреплено римлянином Марком Антонием, другом Антипатра. Фасаэль становился тетрархом Ерушалаима, правой рукой Антипатра. Герод отбывал тетрархом в далекую и опасную Галилею. Ферарос по приказу отца отбывал в Газу для контроля над караванами, идущими в Александрию, для организации пути товаров из Дамаска и Парфии. Самым трудным было поручение Герода.

Уже не один год в Галилее власть царя почти не ощущалась. Слабые правители попадали под влияние

обстоятельств, терялись перед трудностями. Реальную власть все больше забирали главы местных разбойников Хезкияху сын Гарона, называемый также Иезекия, который именовал себя главой повстанцев и владыкой Галилеи. Под его крыло стекались все недовольные римлянами, Антипатром, Гирканом, да и просто любители пограбить.

Активность действия властей парализовалась еще и тем, что члены Малого Синедриона — Главного суда области — в основном были связаны с «владыкой Галилеи». Они оправдывали разбойников, даже если они попадались с поличным, запрещали активные операции расквартированных в провинции войск. Да и Великий Синедрион в Ерушалаиме был расколот. И там тоже Хезкияху для многих был хоть и занозой в теле Иудеи, но «своим» и вызывающим симпатии настолько, насколько вызывали ненависть Рим и Антипатр. Нужно было победить разбойников, не уничтожая их. Нужно было обеспечить путь караванов дома Антипатра через Галилею к портам Финикии в обход Дамаска. Эту задачу и предстояло решить Героду.

Утро было морозным, и слуги внесли в комнату Иосифа Флавия жаровню. Но ее тепла едва хватало, чтобы немного обогреть помещение. Нужно было пройти в таблинум, где хранилось множество списков в документах, прибывающих со всех сторон света, со всего римского мира. Но вылезать из нагретой кровати не хотелось. Флавий остался полулежать, укрывшись, насколько было можно, теплым одеялом.

Слегка перекусив лепешками с сыром, запив их раз-

бавленным вином, он вернулся к своему труду. Лежа в никак не согревающейся комнате, он вспоминал палящее солнце Иудеи, проклятое Единым море и огромное озеро на севере страны, в Галилее. Это был поистине благословенный край: земля плодородна, луга покрыты высокой травой, густые леса стоят на склонах холмов. А там, за холмами, лежит Сирия, некогда славная страна, ядро державы Селевкидов, а ныне — провинция Великого Рима. Как же давно это было...

Галилеяне — не вполне иудеи, как и самаритяне. Чистому верующему нежелательно даже принять от них воду в жаркий день, а не то что пировать за одним столом. Но эту землю тоже присоединил к Иудее род Хашмонаим, Хасмонеи, выселив оттуда греков и поселив иудеев. И он, Иосиф, один из последних продолжателей рода. Да, без права на престол и сан Первосвященника. Но кровь одна.

Пальцы привычно выводили на восковой табличке слова:

Ирод, как деятельная натура, скоро нашел случай выказать свои дарования. Атамана разбойников Мезекию, опустошавшего окраины Сирии, он поймал и казнил, а также истребил многих из его шайки — подвиг, который снискал ему великую признательность сирийцев и галилеян. В селах и городах прославлено было имя Ирода, как спасителя страны и водворителя мира и порядка.

Флавий отложил стилус и задумался. Годы уходят. Уходят люди. Вместе с ними стирается то доброе, что они сделали. Почему-то потомки, влезая в такие сферы, про которые постороннему человеку и знать-то не стоит, гораздо охотнее смакуют грязь, чем восхищаются деяниями предков. Будущее не хочет знать о своем прошлом,

не хочет сравнивать себя с ним. Может быть, из страха, что сравнение окажется не в его пользу.

Герод разбирал письма в задней комнате своего дома-дворца в Сепфорисе, столице Галилеи. Впрочем, дворцом это строение можно было назвать с сильной натяжкой. Десяток жилых комнат, большой зал для совещаний и приемов, комнаты для слуг, небольшая казарма для воинов личной охраны да хозяйственные пристройки. Все это обнесено глиняной изгородью в два человеческих роста с башней в передней стене. Стена — не прихоть. Часто только она спасала дом и его главу от желающих увидеть цвет внутренностей людей из дома Герода.

Здесь было трудно. Очень трудно. Сразу по прибытии тетрарх очутился в странной атмосфере лени и страха. Люди на улицах были напуганы. Дороги пусты. Стража ленива и совершенно не воинственна. Впервые въезжая в Сепфорис, Герод с удивлением увидел широко распахнутые ворота и двух стражников, из которых один спал, пуская слюни на обширный живот, мирно бормоча что-то во сне, а второй бросал кости на перевернутый щит. Копья (их единственное оружие, если не считать ножей, более уместных за дружеским пиром, а не в бою) лежали в трех шагах от воинов.

Увидев отряд из сотен всадников непонятной внешности (отец снарядил с Геродом наемников-иноземцев, уже много лет служивших его личной охраной), стражник вскочил, попытался взять щит, споткнулся и упал на соратника, изрядно перепугав его. Герод пожал плечами и проследовал в резиденцию. Город был какой-то тихий и неказистый, хотя Галилея считалась богатейшей

частью страны, а Сепфорис был ее признанным центром. Прохожие при виде отряда прижимались к стенам, ставни домов закрывались. Попытка обратиться к одному из горожан закончилась тем, что тот замычал, как немой, и бросился в переулок.

Возле дома Герода встречал невысокий, начинающий полнеть иудей с густой бородой, из которой торчал изогнутый нос.

— Приветствую тебя сын Антипатра-правителя, славный сын великого отца! Долгих лет и процветания тебе...

— Ты кто? — оборвал царедворца Герод, которому стало уже надоедать все вокруг.

Сбившись на миг, старец нашелся: — Я — скромный управляющий канцелярией тетрарха. Ожидаю тебя, чтобы рассказать о делах наших, помочь обустроиться во дворце (Герод с трудом понял, что дворцом он называет дом, перед которым стоял). Рабы уже приготовили все для домохозяев молодого правителя, накрыли стол.

Герод спрыгнул с коня.

— Хорошо. Распорядись, чтобы накормили и разместили в казармах моих людей, помогли разложить пожитки моим домашним. (Чиновник заторопился). А сам вместе с начальником стражи через час будь у меня. Понятно?

— Да, господин, — растеряно пробормотал управляющий канцелярией.

Герод обернулся к своим воинам:

— Первый десяток остается в доме. Остальные пусть расположатся в казармах. Бранн, вечером жду тебя с докладом. Расскажешь, как устроились, чего не хватает.

Огромный командир наемников, прибывший из каких-то невероятно далеких земель и уже больше десяти лет верно служащий дому Антипатра, кивнул и засмеялся:

— Если чего не хватает, Герод, то мы сами найдем.

— Вот этого не надо. Просто скажи мне.

Всадники поехали к казармам, а Герод с домочадцами и охраной, наконец, прошел в дом.

Через час, когда суматоха, обычная при заселении в новое жилище, улеглась, а жена, сын и слуги, поев, разошлись по своим комнатам, Герод прошел в зал приемов. Там его ждали уже знакомый толстяк и высокий и худой, как жердь, облаченный в броню мужчина годами десятью старше самого Герода.

— Добрый вечер, почтенные, — приветствовал их Герод. — Меня вы уже знаете, а я ваших имен пока не слышал.

— Я — Барух сын Моше, о, могучий тетрарх, — представился глава канцелярии.

— А ты, наверное, начальник стражи? — кивнул Герод высокому воину.

— Да, тетрарх. Меня зовут Ахав, — промолвил неказистый носитель царственного имени.

— Вот про стражу мне очень хотелось бы поговорить. В городе я видел стражников, которые спят, бражничают и играют в кости. А стражников, которые охраняют покой и следят за порядком, я не увидел. Почему?

— Почтенный тетрарх! Стражники, стоящие у ворот, уже наказаны. Не гневайся, — склонив голову, ответил главный страж. Слова были почтительные, но тон выдавал изрядное раздражение. Еще бы — мальчишка смеет учить его, почтенного Ахава, уже не одно лето возглавляющего городскую стражу, участвовавшего в битвах еще с царем Аристобулом! Все это с легкостью прочел в его глазах Герод. Но отступить он не собирался.

— Люди в городе напуганы. Чем или кем? Почему стража не бдит?

— Тебе показалось, тетрарх. У нас в городе редко бывают чужеземцы, тем более в таком числе. Вот люди

и растерялись. А ты решил, что они напуганы.

— Хорошо. Не будем спорить. Завтра на площади перед казармой собери всех своих людей, свободных от дежурства. Пусть они будут с оружием. Я хочу на них посмотреть.

— Это будет непросто, почтенный господин, — опять внешне приниженно отозвался стражник.

— Разве я спросил о том, будет это легко или трудно? Мне показалось, что я, тетрарх Галилеи, приказал их собрать. И если начальник стражи не может выполнить простой приказ, мне придется думать, где брать другого начальника. Поэтому, почтенный, можно начинать собирать. Он кивнул, отпуская одного из визитеров.

Таких нужно ломать сразу. Или он будет делать то, что нужно Героду, или его не будет в начальниках, в армии. А если покажет себя строптивым, то не будет совсем. Герод знал, что в Галилее уже многие годы собирались те, кто был недоволен. Сюда бежали разбитые воины Аристобула, до сих пор скрывающиеся в ущельях гор на границе с Сирией. Сюда бежали мятежники и заговорщики, разоблаченные отцом — они хоронились в горах на границе с Финикией, в скалах по берегам озера Кинерет. Здесь в ущельях и пещерах они находили убежище, сюда свозили награбленное.

Со временем у них появился вожак. Тогда из озлобленных одиночек они превратились в настоящую разбойничью армию. Дороги из Галилеи в Сирию и Финикию, страну Моав, входившую в римскую провинцию Сирия, становились все более опасными. Караваны, в том числе караваны Антипатра, пропадали. Сирийские поселки, расположенные рядом с границей, постоянно подвергались нападениям.

Но к моменту, когда легионеры добирались до очередного разграбленного поселения, разбойники уже укрывались в Иудее, в галилейских горах. Местные жители были

большей частью запуганы. Войск в Галилее было немного: к моменту, когда показывался первый воин, разбойники успевали «наказать», как они говорили, непокорных и скрыться. Правда, страдали от разбойников не все — некоторые вполне приспособились к ним: кто-то скупал награбленное, продавал разбойникам еду, одежду, да и оружие, доносил им о передвижении войск. А кто-то даже видел в них героев новой войны за освобождение. Впрочем, таких было немного.

Когда Герод получил в управление Галилею, враги Антипатра потирали руки. Тихая радость так и сквозила в их речах и взглядах: пусть наглый антипатров мальчишка свернет себе шею в диких горах! Или ему помогут ее свернуть. В любом случае, одним Антипатридом будет меньше...

Именно поэтому в Галилею был направлен не добрый и религиозный Фасаэль, а гораздо более жесткий и решительный Герод, получивший свой первый меч на четвертую весну жизни, а доспех — к совершеннолетию. В принципе, тетрарх Ерушалаима стоял выше, чем тетрарх Галилеи. Но правитель Галилеи, отделенной от Иудеи клином Самарии (земли, отнятой римлянами у Гиркана), был почти самовластным владыкой. Фасаэль на этот пост, по мнению Антипатра, был еще не готов. Герод шел иным путем. Он не столько раздумывал над мудростью Священной Книги, сколько старался быть с отцом во время торговых сделок и заключения политических союзов, в походах и пирах. Он учился повелевать и брать на себя ответственность за тех, кто ему доверился. Не случайно наемники, служившие дому Антипатра, из всех детей Антипатра только приказы Герода воспринимали как обязательные для исполнения.

Последние годы Герод усиленно учился владеть разными видами оружия. Не только оружием боготворимых им римлян, но и луком кочевников, метательными ножа-

ми и дротиками. Под руководством Бранна, главы наемников, он овладевал тайнами фехтования. По вечерам он заслушивался сказаниями народа Бранна. В отличие от повествований из Книги, они рассказывали о битвах и победах, сильных воинах, преодолевающих все беды и препятствия. Он сам происходил из воинственного племени белгов, совсем недавно попавшего под власть Рима. Однако его род был почти полностью истреблен, а оставшимся пришлось бежать на юг. Здесь Бранн и решил продавать то единственное, что у него оставалось — свой меч. После скитаний по Италии и Греции он оказался на востоке, где его нанял Антипатр.

Герод понимал, что в большой битве все решает не индивидуальное мастерство воина, а отработанное до автоматизма умение действовать вместе. Но в его жизни чаще выручали именно индивидуальные знания и навыки. Как его учителя в годы детства (отец старался дать детям эллинское образование) пестовали его мысль, наставляли в греческом и латыни, в истории, риторике и этикете, так Бранн, стал его учителем в школе выживания. Понимая, насколько сложное дело предстоит его второму сыну, Антипатр отправил с ним Бранна.

Именно поэтому в помощь Героду были направлены и три сотни лучших наемников, верных Антипатру, умеющих биться любым оружием, скакать на конях и бежать сутки, не уставая. Герод должен был справиться. Или умереть. Третьего не было. Он обернулся к начальнику канцелярии.

— Так, почтенный Барух, как у нас собираются подати?

— Да, как сказать, тетрарх... — Барух опустил глаза и вздохнул. — Плохо собираются. Торговля слабая, караванов все меньше. Разбойники наглеют. Можно попробовать потрясти крестьян и торговцев. Но толку от этого немного — они и так ограблены.

— Вот этого не надо, почтенный Барух. Лучше сделай мне завтра полный доклад, кто сколько имеет, сколько платит. Сколько караванов проходит... Ну, ты понимаешь. Хорошо? А мы вместе подумаем, как сделать так, чтобы они имели больше и платили больше.

Управляющий канцелярей поклонился: — Все сделаю. Но это большая работа. Ты найдешь время меня выслушать?

Он был опытным управляющим, знавшим толк и в правителях, и в торговле. В давние годы он сам не без успеха подвизался на купеческом поприще. Но со временем решил обрести себе более спокойную долю. Всех правителей он делил на «купцов» и «воинов». Первые требовали увеличить подати и уменьшить расходы, вторые жаждали только увеличения войска, его вооружения. Сначала Герод показался старому Баруху типичным «воином». Это было понятно и естественно: зная о ситуации в Галилее, из Ерушалаима прислали именно воина. Но последняя реплика выдала в тетрархе «купца». Впрочем, «купца» странного. Ладно. Поживем — увидим. Тем временем Герод продолжал:

— Давай сделаем так. Ты все напишешь, а я прочту. Потом спрошу то, что будет непонятно. Но постарайся написать так, чтобы мне не пришлось долго спрашивать.

Чиновник кивнул. Этот тетрарх начинал ему нравиться. Пятясь задом, он вышел из комнаты. Дел предстояло очень много.

— Ну и хорошо, — подумал Герод. — Такие короеды мне нужны. Из его свитков я извлеку даже больше, чем он может подумать. Хотя этот, похоже, мне подходит. Пора бы уж пожаловать Бранну... Да вот и он.

Бранн ввалился в комнату, огромный и веселый, довольный до последней меры.

— Ты светишься, как золотой аурес. Так хорошо устроились? — усмехнулся Герод.

— Теперь хорошо. Просто пришлось объяснить этим собакам из городского гарнизона, что рядом с волками им нужно вести себя тихо.

— А много их? Большой гарнизон?

— Сотен пять-шесть. Но воинов — сотни две. Остальные — дети несчастных родителей, зачатые в недобрый день.

— Как сама казарма? Можно там жить уважаемому воину?

— Казарма отличная. Тысячи на полторы бойцов. Есть площадка для тренировок. Вот оружие я глянул — страшнее проигранной битвы. Не следят они совсем за оружием. Мечи ржавые, тупые. Щиты тяжелые. Много сломанных. Панцири — просто посмотреть страшно. Тут что выяснилось? Я с одним стражником разговорился, когда они поняли, кто здесь главный; так вот: им уже третий месяц не платят. Живут на том, что у кого отберут. Отрепье это, а не гарнизон.

Герод вздохнул:

— И вот из них, хотя бы из этих двух сотен, ты сделаешь мне воинов. Нас три сотни. Еще, наверное, до семисот воинов можно будет найти по гарнизонам крепостей. Послезавтра и начнем объезд. Этого хватит, чтобы разбить разбойников, но мало для того, чтобы справиться с ними. Нужно готовить воинов. Отбирать, проверять, чтоб не готовить помощников для врага. Вести себя осторожно. Здесь пока и не понятно, кто враг, а кто друг. Да и с врагами придется быть осторожными. Синедрион здесь на их стороне. Поэтому и держу десяток в доме. Кстати, смени их завтра. Пусть отдохнут. Каждый день меняй, особенно если я в отъезде. Все понятно, друг?

— Понятно. Дело выходит у нас непростым. Хотя на простое Антипатр бы нас с тобой и не отправил.

— Ладно, хватит дел на сегодня. Давай поднимем чашу за удачу.

Герод подошел к столу и налил две чаши: себе и Бранну. Отрезал несколько ломтей холодного мяса, быстро прошептал благодарственную молитву Единому и поднял кубок:

— За удачу, друг!

Следующие полмесяца Герод почти не бывал в своей резиденции. Ему пришлось расстаться с начальником стражи, как он и предполагал изначально, а саму стражу сократить до трех сотен. Этим людям он платил сам. Не скупясь. Но и требовал с них немало. Казарма постепенно превращалась во вполне приличное жилище. Оружие блестело на смотрах. Сами воины начинали учиться действовать совместно (Герод) и в одиночку (Бранн). Похоже, что они втянулись, и новая жизнь им самим начала нравиться. Пусть в качестве одиночных бойцов они пока стоили немного (хотя несколько связок и приемов в них удалось вбить), в качестве отряда они уже действовали вполне слаженно. Не как триарии, но как вполне приличные новобранцы. Во всяком случае, по качеству воинов отряды Герода уже намного превосходили возможных противников. Но беда в том, что нужно было воевать, не воюя, побеждать, не начиная битвы.

Проехав по крепостям, Герод обрел еще около тысячи вполне боеспособных воинов. В отличие от городской стражи, вжившейся в мир, управляемый разбойниками, воинам крепостей шайки доставляли массу проблем. Да и сами воины, в большинстве своем греческие гоплиты из прибрежных городов, предпочитали власть разумную установившемуся безумству.

В том, что безумство уже вполне стало здесь нормой

жизни, Герод смог убедиться уже в самом начале своего пребывания в Сепфорисе. После многочасовых занятий с гарнизоном города, сократившимся до трех сотен воинов, он со своими телохранителями гулял по городу. Солнце только начинало клониться к вечеру, и городской рынок был еще полон. Люди шумно торговались, спорили, покупали и продавали. Тетрарх не ехал на белом коне в окружении свиты, но спокойно шел с двумя воинами по бокам, одетый в обычную одежду, отнюдь не выделяющуюся роскошью. И хотя перед тремя гигантами с мечами на поясе народ старательно расступался, но ниц не простирался и славу не пел. Кроме всего прочего, его еще просто не знали. Остальной десяток шел несколько позади.

Внезапно внимание Герода привлек шум возле гонимой мастерской. Какой-то человек рубил старым мечом горшки. Хозяин, старый галилеянин, лишь тихонько скулил, глядя на это, причитая:

— Остановись, господин! У меня нет денег. Я все заплачу...

— Что ты делаешь?! — схватил разорителя за руку Герод.

— Отстань, прохожий! Иди своей дорогой! — злобно отозвался тот, не оборачиваясь и не прекращая сеять разрушения в мастерской. Герод схватил его поперек туловища и отшвырнул к соседней стене. Тот распластался, с ненавистью и непониманием глядя на пришельцев, двое из которых уж совсем никак не походили на местных уроженцев.

— Он не заплатил налог на освобождение Иудеи от захватчиков! — почти выкрикнул неудавшийся мытарь, тыча пальцем в сторону старика.

Герод подошел к нему и упер меч в шею лежащего мужчины.

— Прости, почтенный, не напомнишь ли ты, когда

мудрый царь Гиркан установил такой налог?

— Вы что? Сумасшедшие? Это приказ правителя Хезкияху.

— Правителя? Очень интересно, — протянул Герод и обернулся к воинам: — Киньте-ка этого доблестного мытаря в тюрьму. Позже я побеседую с ним о правителе Хезкияху.

Наемники надвинулись на посланника «правителя». Тот неожиданно резво рванулся, уворачиваясь от меча, вскочил и ринулся в ближайший переулок. Герод махнул рукой и обернулся к старику:

— Почему он громил твою мастерскую?

Старик поднял глаза, полные горя — привычного горя маленького человека перед сильными мира сего.

— Господин, у меня нет денег. Торговля совсем плохая. А теперь мне придется голодать.

— Ну, голодать ты пока не будешь — промолвил Герод, бросая на лавку перед стариком несколько серебряных кругляшей. Но почему он требовал у тебя деньги?

— Благодарю тебя, добрый господин! Пусть твои дети будут благословенны! Они всегда забирают половину. Уже много времени. В конце каждого месяца мы отдаем им половину всех денег. Но в этом месяце у меня купили только два горшка.

— А что же стражники?

— Что скажут стражники посланцу могучего Хезкияху? Они тоже хотят жить и быть благополучными. Кто-то получает мзду, а кто-то просто боится за своих родных. Я тоже боюсь, господин! Ты уедешь к себе в Ерушалаим или Дамаск, а Хезкияху останется.

— Не бойся, отец! Всевышний повелел нам заботиться о ближних. Я не уеду отсюда.

Герод обернулся к Бранну: вот куда деваются налоги. Понятно, почему их так мало. Этому кровососу уже не достаёт грабежа караванов и налетов на сирийских

крестьян — он уже налоги собирает. Да какие! Первосвященнику такие налоги и не снились в страшном сне.

Наутро Герод собрал всех своих приближенных: начальника городского гарнизона, канцеляристов во главе с Барухом, своих наемников. Начал он с чиновников.

— С завтрашнего дня никого, кроме официальных посланников из Ерушалаима или от римлян, в город с оружием и без специального разрешения не пускать. Все ворота, калитки и просто дыры в стенах, кроме Ерушалаимских и Сирийских ворот, заложить. Срок — неделя. На работы привлечь всех бродяг, что шатаются по городу. Но всем заплатить. Я проверю. Как только это сделают, доложить.

— Теперь воинам. С завтрашнего дня, чтобы у каждого собачьего лаза, у каждой дыры в городской стене стоял стражник. И если кто-то с оружием в город проскочит, сниму голову вместе с кипой. На всех людных местах чтоб были стражники! Если кто-то будет что-то требовать у купцов и ремесленников, хватать немедленно и в темницу. Будем судить, как бунтовщиков. На смерть Синедрион нам их осудить не даст, а плетями отделаем от души.

— Господин, — неуверенно произнес глава стражников, — это же война!

— Да! Война! И если кто-то не чувствует в себе сил для нее, пусть уйдет сейчас. На этом берегу. Я, Герод сын Антипатра, даю слово, что он спокойно выйдет из города. Но здесь, среди моих воинов, мне слабых и трусливых не нужно.

Он пристально смотрел на каждого. Присутствующие вели себя по-разному. Кто-то опустил голову. Кто-то встретил взгляд спокойно и открыто. Но остались все. Впрочем, иного он не ждал. Они уже прошли жесткий отбор и остались с ним. Хотя потом многое могло измениться. Но других у него не было.

— Но ведь тогда каждый день нужно будет целую сотню воинов выводить на улицу! — вернулся к теме новый начальник гарнизона, молодой парень с жестким волевым лицом, сын одной из жертв разбойников.

— Даже полторы сотни. Остальные пусть отдыхают и учатся воевать. Потом меняются. Бранн, — обратился он к галлу. — Пусть твои люди тоже ходят в дозоры. В каждой группе пусть будет по одному твоему воину.

— Сделаем, Герод.

— Тогда за дела! Только уважаемый Барух пусть задержится.

Старый чиновник поклонился и остался стоять. Остальные вышли.

— Почтенный Барух, я доволен тобой. Именно поэтому хочу, чтобы ты меня выслушал и дал ответ. Мы начинаем трудное дело, которое может кончиться совсем не на радость нашим родным. Я готов заплатить тебе, чтобы твоя старость протекала в покое и достатке, и отпустить из Галилеи. Завтра уже может быть поздно.

— Тетрарх Герод, сын Антипатра, сильный и достойный продолжатель своего отца! — начал речь Барух. — Ты еще только собирался в Галилею, а здесь уже ждали тебя. Я — немолодой человек, и серебра в волосах у меня больше, чем в мошне. И всю жизнь я прожил на этой земле. Я хочу умереть на ней. Но хочу умереть в спокойном мире, где путник не жмет к краю домов, где караваны ходят без сопровождения армии. Когда ты выехал из ворот славного города Ерушалаима, нас было пятнадцать человек. Когда ты въехал в Сепфорис, нас осталось шесть. Я остался. Я боялся тебя. Боялся, что ты будешь слабым или, напротив, слишком яростным. Теперь не боюсь.

Герод обнял его:

— Я оценю это, Барух! Но пока нам нужно спешить. В этой игре выигрывает тот, кто бьет первым. Завтра объяви на площади, что царь Иудеи Гиркан, да будет благо-

словенно его имя, и тетрарх Герод даруют в этом году крестьянам Галилеи освобождение от всех податей. Ремесленники пусть платят двадцатую часть, а не десятину.

— Зачем это, господин?! Налогов и так очень мало.... Нам же нужны средства.

— Ты прав. Деньги нужны. Но дом Антипатра может вынести такие траты. Когда отец посылал меня сюда — ты понимаешь, что посылал меня отец, а не царь, — он не думал здесь найти богатства. Важнее обеспечить безопасность караванам. А еще важнее честь и слава дома Антипатра.

— Я понял, господин! Люди должны славить тетрарха и проклинать разбойников.

— Да. Это и будет началом конца Хезкияху.

Уже вскоре ситуация в городе изменилась полностью. На площадях было объявлено, что вход в город с оружием без разрешения на оное запрещен. Все оружие, которое есть у местных жителей, надлежит зарегистрировать в канцелярии тетрарха. Любое оружие без разрешения будет изыматься, а его владелец — подвергаться бичеванию на площади. То же наказание будет для тех, кто без распоряжения тетрарха будет изымать что-либо у жителей.

Стража у ворот (а других способов проникнуть в город не осталось) стала другой. Стражники спокойно и внимательно осматривали все и всех, проникающих в город.

— Что везете, почтенный? — приветствовал начальник дозора очередного путника.

— Зерно для Авдея-хлебопека.

— Дозволь осмотреть телегу.

Возница побледнел.

— Почтенный стражник... э... я хотел бы помочь твоей семье. Здесь шесть серебряных динариев...

Стражник, не говоря ни слова, схватил дарителя за ворот плаща и сдернул на землю. Другие стражники вмиг разворошили телегу, где под зерном оказались кинжалы, палицы и еще один «усталый путник», видимо, хорошо известный местным жителям.

— А, Савва-конокрад пожаловал в гости! — обрадовался высокий страж-галилеянин. Путников схватили и отправили в городскую тюрьму. Впереди их ждало мучительное и позорное наказание.

Такие сцены в первые дни часто наблюдались возле городских ворот. Герод, разбирая дела, четко различал подозрительных людей — скорее всего, членов шайки или их агентов — и крестьян, которые везли кинжал или топор для самообороны в дороге. Последние немедленно освобождались со всеми возможными извинениями. Но оружие им возвращалось только на выезде из города. Приметы подозрительных людей записывали при свидетелях, составляя список таких «непонятных» галилеян. Очень скоро правила стали известны всем. Даже караванщики, следующие в Иудею, Дамаск или Сирию, спокойно оставляли свое оружие на хранение стражам.

Намного больше стражи стало и на улицах города. При этом стражники перестали отворачиваться, увидев нечто подозрительное. За это тетрарх не миловал. Десятки желающих собрать «подать на освобождение Иудеи»полнили число сидельцев тюрьмы. Городские палачи впервые за долгие месяцы получили регулярную работу. Плети в их руках не останавливались, особенно в первое время, а клеймо делало преступника легко узнаваемым. Даже ночами отряды стражников патрулировали городские улицы и стены.

За месяц Героду удалось очистить город от разбойни-

ков и их присных. Их не казнили, но постепенно отрезали от возможности обирать горожан. Если ловили, то били плетью до полусмерти, клеймили. Город ожил. Постепенно под контроль были взяты все крупные города Галилеи. Но дальше дело продвигалось с трудом. Гоняться по округе в сотни стадиев, по горам за летучими отрядами разбойников было делом бесполезным. Да и какой смысл в этой погоне, если на смерть их может осудить лишь Синедрион, а он этого не сделает. Уже и так в Ерушалаим посыпались жалобы на «самоуправство и невиданную жестокость» тетрарха. Нужно было что-то придумывать.

Оставалось медленно выдавливать разбойников из Галилеи, лишая их поддержки местного населения, отрезая от источников пищи и золота. Гарнизон города возрос до тысячи человек. Хоть это и ложилось тяжким бременем на казну Антипатра и Герода, но давало свободу маневра. Впрочем, это же дало еще один неожиданный эффект. Жалование, которое Герод платил воинам, тратилось в городе. В Галилее появились люди, в поясах которых позвякивало серебро. Ремесленники, содержатели харчевен, мелкие торговцы получили покупателей, а Герод — рост налогов.

Следующая проблема была связана с безопасностью караванной торговли. Грабеж караванов, проходивших через Галилею, был едва ли не основным подспорьем разбойничьей армии Хезкияху. То, что караванов становилось все меньше, а значит, меньше дохода для самих же разбойников, ими не осознавалось. Зато это прекрасно понимал Герод. Для него это было постоянной головной болью. Ведь большая часть из этих караванов так или иначе принадлежала его семье, а подати от караванов должны были пополнять казну тетрарха Галилеи. Да и подати римлянам уходили регулярно.

В большом зале у стола Герод и его военачальники склонились над картой Галилеи и сопредельных областей

с отмеченными на ней караванными путями и главными городами. Докладывал начальник тайной стражи, недавно появившейся у Герода:

— Как сообщают лазутчики, главный лагерь разбойников расположен в горах на границе между Финикией, входящей в состав римской провинции Сирия, и Иудеей. Мы можем их просто зажать в горах, поставив усиленные посты здесь, здесь и вот здесь, — тыкал он в карту.

— Конечно, — иронично вскинул брови Герод. — И Хезкияху будет сидеть и ждать голодной смерти. Лагерь разбойников — это не Ерушалаим, который веками стоит на одном месте и будет стоять вечно. Они перевалили через горы здесь или здесь, и вышли нам в тыл. Или вообще ушли порезвиться в Сирию, пощипать тамошних крестьян.

— Господин! — заговорил новый начальник стражи Сепфориса Сысой бен Гедеон. — Их не намного больше, чем нас. Наши воины гораздо сильнее. Может быть, просто навалиться на их лагерь, окружить со всех сторон, да и пообрубить им их дурные головы?

— Да, — протянул Герод, — Мне тоже этот вариант очень нравится. Но на это мы пойдем в самом крайнем случае. Не стоит забывать, что перед Всевышним и царем они — только подданные, и к казни приговорить их может лишь Великий Синедрион. А там... сами знаете. Есть и другое обстоятельство. Не только толстые хозяева полей и пастбищ, грезящие о безраздельной власти, но и многие крестьяне верят, что Хезкияху — это новый Маккавей, царь-освободитель. Нам не нужна война со своими крестьянами.

— Господин тетрарх! — вмешался единственный «гражданский» участник военного совета, управляющий канцелярией, Барух. — Ремесленники и торговцы уже на нашей стороне. Они видят, что при твоём правлении их жизнь становится лучше. Да и освобождение от подати

на год для крестьян сделало свое дело. Горожане богатеют, покупают дары земли. А с них живут крестьяне. Думаю, что сегодня Хезкияху не сможет поднять войну, даже если очень захочет.

— Это хорошо, — ответил Герод, — но главной проблемы не решает. Как нам уберечь караванные дороги от разбойников, уничтожая только тех, кто уже сам напал первым? Кстати, передайте всем воинам: пленные нам не нужны. Казнить мы их не можем, а кормить их бесплатно у меня нет никакого желания.

Наступали сумерки. Слуги внесли в комнату светильники. Несколько светильников Герод повелел установить на столе, вокруг карты. Взгляды собравшихся опять склонились к исчерченному пергаменту. Герод же сел в кресло перед столом и уставился на светильники. Круги света скрещивались на столе, покрывая собой всю карту. Какая-то заноза воткнулась в память. Что-то из детства. Что? Герод вскочил. Присутствующие подняли головы.

— Костры! — почти крикнул Герод. — Набатеи, чтобы передать известие, зажигают сигнальные костры. У нас есть две тысячи воинов. Сколько нам нужно, чтобы контролировать города?

— Думаю, сотен семь-восемь, — ответил начальник стражи.

— Хорошо. Пусть еще триста воинов составят гарнизоны крепостей на границах. Остается тысяча. Вдоль всех караванных путей мы устанавливаем вышки или посты на вершинах скал так, чтобы они находились на расстоянии видимости. Сколько таких вышек понадобится?

— Сотни, господин! — растерянно бросил командир лучников.

— Может быть. Но думаю, что меньше. Ведь и разбойники нападают не везде. Есть места, где это происходит регулярно. Есть такие места?

Все опять склонились над картой.

— Вот она, самая опасная территория. — Герод очертил стилем круг. — Еще вот здесь. Вышек с кострами понадобится десятка два-три. По три воина на каждом посту. Итого — сотня. В округе создаем три укрепленных лагеря по римскому образцу. В каждом — по триста воинов. И главное — по шесть сотен коней.

— Господин! Где взять столько коней? — с некоторым испугом спросил глава канцелярии.

— Купить, — бросил Герод. — Так вот. Как только возникает угроза нападения, зажигается костер. В лагере, на сторожевой вышке, его видят. И сотня всадников выезжает и уничтожает всех нападающих.

— А если нападающих много? — спросил начальник всадников.

— Тогда... — Герод задумался. — Тогда в кострище подсыпается порошок из страны Серес за Парфией, и костер горит с разноцветными сполохами. Тогда выезжают две сотни. Да. Пусть еще в лагере тогда зажигают сигнал для других лагерей. Порошок я прикажу привести из Дамаска.

Лагерь и сигнальные посты построили менее, чем за месяц. И... начались трудные времена. Первое время костры загорались едва ли не каждый день. Боевой отряд выезжал. Успевал не всегда. Но постепенно сигнальные огни работали все лучше, а воины научились действовать быстро и... абсолютно беспощадно. Отряды разбойников не отбивали, как было прежде, а просто уничтожали на месте.

Нападения стали реже. Потом — намного реже. В Сепфорис потянулись караваны из ближайшей округи и более отдаленных областей. По древним караванным дорогам пошли уже не бесшабашные единицы, а большие караваны и просто группы торговцев. Область на севере начала приходить в себя, люди богатеть, а казна тетрарха наполняться. Героду уже не приходилось платить воинам,

каждый раз развязывая собственную мошну. Чтобы торговцы могли дать отдых усталым ногам, Герод стал устраивать в городах и близь лагерей укрепленные и охраняемые места остановок с горячей пищей и циновками для сна. Это тоже оказалось доходным делом. Постепенно ему удалось отдать все долги дому отца, полностью покрыть подати дому царя и римлянам. Да и казна тетрарха начала наполняться. Незаменимым помощником здесь стал Барух. Он понял и принял идею о том, что стричь барана стоит тогда, когда шерсть длиннее, а резать, когда жир нагуляет. Потому и делал все, чтобы богатели и жители, и тетрарх, да и сам управляющий. Не без того.

Но враг не исчез. После того, как разбойников и их присных изгнали из городов, в дом тетрарха наведалься важный и мрачный галилеянин. Уединившись с Геродом, он представился посланником властителя Хезкияху. Предложение было простым и понятным: сколько нужно Героду, чтобы он прекратил лезть в чужие дела, не мешая настоящим патриотам Иудеи, чьи предки воевали вместе с Хасмонеями? Получив же предложение осмотреть дом с внешней стороны, а проще говоря, проваливать, посланец заявил, что и сам Герод, и его семья заплатят за этот выбор своей жизнью.

Угрозы не особенно испугали тетрарха. Причин тут было множество: и воспитание в доме отца, где цель всегда ставилась выше личного блага да и самой жизни; и уверенность, что он сильнее и умнее своих врагов. Но было еще одно, в чем он боялся признаться даже самому себе: он был несчастлив в семье. Потому и не испытывал страх ни за нее, ни за себя. Сначала эта мысль просто не приходила ему в голову. Женившись по воле отца на дочери важного союзника из влиятельной идумейской семьи, Герод не питал к супруге ни малейшей симпатии. Впрочем, как и она к нему. Это был долг. Он честно исполнял его. Заботился о жене, воспитывал сына.

Но не любил ни ее, ни его. Теперь же он старательно гнал эту мысль от себя. Но она возвращалась снова и снова. Когда нет радости в доме, то нет радости и на душе.

Только в миг, когда вокруг все висело на волоске, сплеталось в невероятные узлы, он ощущал не страх, но радость, полноту жизни. В этот миг в ушах пел не ветер, но Его Песня! Несясь по дороге в погоне за врагами, отбиваясь от разящего меча, он жил; лаская жену или вкушая мир в семье, он только существовал. Он с тоской вспоминал долгие вечера и беседы с отцом, сказки и предания, рассказанные матерью. Радость, жившую под крышей дома Антипатра.

Но безрассудным он не был. Меры предосторожности были приняты. Дом-резиденцию обнесли стеной, на которой установили несколько сюрпризов для особо любопытных. Десяток телохранителей постоянно находился с его женой и сыном. Другой десяток путешествовал с ним по стране. И не зря. Покушения следовали одно за другим. То он едва успевал увернуться от брошенного с крыши камня, то в вовремя подставленный щит телохранителя впивалась стрела с отравленным наконечником, то в корзине с фруктами, купленной слугой на рынке, обнаруживалась змея.

Но, как и отец, Герод отличался терпением и упрямством. Он старательно выжимал врагов в горы, отрезая им один источник добычи за другим. По слухам, среди «армии» Хезкияху начался голод и разброд. «Соратники» разбегались. Идея борьбы с «чужаками» без добычи оказалась гораздо менее привлекательной.

Хезкияху метался по Галилее и Келесирии, чувствуя, как стягивается вокруг него кольцо. Он ненавидел идумейца. Ненавидел всех, кто с ним связан. Ненавидел уже и саму Галилею, продавшую свое первородство за чечевичную похлебку, за серебро чужака. Неужели они не понимают, что только он, Хезкияху, из рода изначально-

ных правителей, мудрецов и воинов, имеет от Всевышнего власть над Галилеей! Всякий чужак, а тем более посягающий на его власть, является врагом Галилеи и должен быть предан смерти. Едва чадающее в Ерушалаиме, пламя войны за свободу должно возгореться именно здесь, в Галилее. Смерть чужакам, смерть всем, кто общается с ними, помогает им, изучает их язык, платит им подати, радуется празднествам, устроенным ими.

Его нападения становились все более кровавыми. Он убивал крестьян, заподозренных в том, что они торговали с проклятым идумейцем. Его воины-повстанцы насиловали их жен и дочерей, жгли дома. За его спиной оставались разоренные жилища; там, где прежде звучал детский смех — изуродованные трупы и еще живые, но искалеченные и все более ненавидящие его люди. Хезкияху понимал, что это — отчаяние и конец. Идумеец перехитрил его. Он, Герод, будь проклято его имя, стал защитником и спасителем галилеян. Его имя славят на улицах и в домах. Лишь несколько почтенных семей во всей области, издавна связанных с ним, сохраняют верность правде.

Римляне, которым до коллик в печени надоели разбойники из Иудеи, подвели войска к границе. Повстанцы из Галилеи натывались не на ленивых и испуганных крестьян, а на легионеров, да еще огромных псов, которые загоняли людей Хезкияху, как диких зверей. Пойманных разбойников не просто бросали в тюрьму, а распинали на крестах, установленных вдоль дороги в Иудею. И тут сторонники из Синедриона уже ничем не могли помочь. Римлян они боялись. Да и здесь, дома, с каждым днем становилось все хуже. Неужели бесславный конец?

Нет! Он обязательно что-нибудь придумает. Не случайно из его предков вышло немало мудрых толкователей Священной Книги, софосов, как их называли эллинские собаки. Хезкияху решил избавиться

от идумейца другим путем. Десять женщин, чьи сыновья были в числе воинов-повстанцев и погибли при налетах на деревни и военные лагеря, расставленные проклятым тетрархом в самых неудобных для них, настоящих хозяев этой земли, местах, отбыли в Ерушалаим с жалобой царю Гиркану на жестокость тетрарха, приведшую к гибели их чад.

Антипатр прислал тогда с доверенным человеком Героду длинное письмо, описывая сколь сложно сейчас отводить такие удары от сына. Писал, что при дворе появился и вошел в силу дальний родственник жены Антипатра и матери Герода, Малих, ставший главным противником их дома и союзником Синедриона. Герод обещал быть осторожнее. Но события развивались иначе.

Они не успели. Когда Герод и его воины увидели сигнал и подсказали к поселению, разбойники уже всюду развлекались. На дороге перед домами лежали трупы мужчин и женщин со вспоротыми животами, отрубленными конечностями, выколотыми глазами. Герод не просто впал в ярость. Он почти забыл себя. Он резал и убивал всех, кто участвовал в налете. Потом, стянув к горам всех своих воинов, навалился на лагерь разбойников. Не ожидавшие прямого нападения, привыкшие к безнаказанности в Иудее, они не были готовы к схватке и почти не оказали сопротивления. Он убил всех. Помня о том, что Хезкияху принадлежит к одной из наиболее уважаемых семей, он поначалу хотел оставить тому жизнь, отведя на суд Синедриона. Но и это не вышло.

Глава разбойников выкрикивал проклятия в адрес тетрарха, его отца, римлян, греков, иудеев и всего мира, не оценившего величие Хезкияху. Герод спокойно, с некоторой брезгливостью смотрел на беснующегося «владыку Галилеи». Один из воинов подошел к нему и коснулся руки: посмотри, господин!

Герод видел много. Видел смерть, видел боль. Но тако-

го он не видел. Еще живые люди сидели и лежали на земле. У крестьянина были отрублены руки. Рядом с ним лежали горожанин с выколотыми глазами, женщина с отрезанной грудью. Этих людей было много. Вокруг них, еще живых, кружились жирные мухи. В глазах Герода потемнело. Он выхватил меч и рванулся к Хезкияху. Разбойник испуганно замолчал. Почти не осознавая себя, Герод поднял оружие. Голова разбойника скатилась на пол, руки в агонии заскребли землю.

За этот случай ухватились все враги дома Антипатра. Ну, и что, что Хезкияху убивал и грабил. Герод не имел право его убивать. Он — убийца. Теперь, сидя в кресле в своей резиденции в Сепфорисе, тетрарх держал в руках свиток с вызовом на суд Великого Синедриона в Ерушалаим. Рядом лежало письмо отца. До получения послания от Антипатра Герод проигрывал два варианта действий. Первый — самый простой: бежать в Сирию. Там наместником сидит двоюродный брат Цезаря, Секст Цезарь. Он лично выразил благодарность за разгром разбойников и восстановление порядка в Галилее, за возобновление безопасного сообщения между Ерушалаимом и Антиохи-ей. Он же приглашал Герода быть его префектом в Келесирии, граничащей с Галилеей, и Самарии, отторгнутой от Иудеи. Второй вариант — стянуть к себе всех друзей и союзников и пойти войной на Ерушалаим, отомстив трусливому Гиркану и ненавистному Синедриону.

Честно сказать, оба варианта были плохими. Точнее, не хорошими. В Сирии сидел не только римский наместник, но и Антигон, сын Аристобула, злейший враг Гиркана и Антипатра. И хотя дети его покойного брата Алек-

сандра воспитывались при дворе «дедушки Гиркана», обеспечивая лояльное поведение Антигона, надеяться на столь же лояльное поведение в отношении Герода не приходилось. Да и сама идея требовала более тщательной проработки, согласования с сами Секстом.

Второй вариант еще хуже. Не потому, что Герод мог не победить (эту мысль он даже не рассматривал); просто даже в случае победы рушилась его главная мечта, главная цель — обеспечить будущее Иудеи в новом и прекрасном римском мире. Великий Синедрион был одной из немногих цепочек, связывающих разделенных границами людей, живущих по Закону, данному Всевышним праотцу Моше. Его решения принимают иудеи во всех странах обитаемого мира. Герод мог победить, но стать врагом Иудеи.

В письме отца и было решение задачи. Да, нужно на время уехать. Но уехать победителем, а не беглецом. Правда, для этого нужно было ехать на суд Синедриона, в Ерушалаим.

Часть вторая. Отец и сын

Глава первая. Суд Синедриона

Синедрион заседал во дворе священников, отделенном от двора Израиля (туда мог войти любой иудей) колонной из тесаных камней — одном из самых величественных мест Храма, хотя сам Храм был лишь бледным подобием огромного комплекса древнего царя Шломо. Когда-то Хасмонеи дали клятву восстановить древний Храм во всем его великолепии. Но не вышло: в годы могущества они воевали, тратя деньги на оружие и наемников, а в последующие годы денег попросту не было. Впрочем, именно здесь хранилось все золото, которое они добыли в войнах и походах, выставлялись диковины из далеких стран. В случае нужды Первосвященник мог брать отсюда драгоценности для спасения народа. Правда, этот клад уже однажды ограбил римский полководец Красс — перед тем, как сгинуть в Парфии. Но запасы оставались.

В Совет входили мудрецы из наиболее уважаемых семей, наиболее влиятельных колен Израилевых — всего семьдесят один человек. Стать членом Синедриона мог только ученик члена Синедриона со столь же древней родословной, знающий Святую Книгу, предания народа, язык эллинов, арамейскую речь. Он должен быть полностью здоров и лишен увечий. Он должен безукоризненно соблюдать Закон и чураться всего «нечистого». Больные, увечные и «грязные» в высший Совет государства войти не могли, как не могли стать Первосвященниками.

В прежние эпохи в Синедрионе властвовал Первосвященник, но времена изменились. Сегодня в Высоком кресле наси (председателя) перед полукругом посвященных судей и их учеников сидел Иеуда бен Таббай. Большая часть Синедриона, сорок пять человек, состояла

из князей земли, именовавшихся саддукеями. Их и возглавлял бен Таббай.

Иначе смотрели на мир их противники, фарисеи: перед лицом Всевышнего они не видели различий между князьями и землепашцами. Фарисеи призывали жить в мире, принять мир, созданный Им, ибо только Он — Владыка и Царь народа. Остальные были лишь местоблюстителями; недолго. До прихода Мошиаха, свидетельствующего о царствии Его. Но фарисеев было меньшинство. Их голос, чтимый народом полей, здесь был едва слышен.

Царь и Первосвященник Гиркан был среди Совета только одним из почтенных и почитаемых. Он сидел выше наси и возглавлял Синедрион. Но это была видимость, так как все понимали, что Гиркан — лишь тень грозных владык Иудеи.

Гостем был здесь Антипатр, допущенный только после ритуального очищения. Впрочем, гостем совсем не желанным. Если Гиркана судьи терпели, жалели его, то отношение к Антипатру колебалось от равнодушия до ненависти. Вроде и причин нет... Антипатр к Синедриону относился с максимально возможной почтительностью (вот и сейчас остановил уже занесенный над головами мудрых старцев меч Герода), а ведь не любили его. Рядом с Антипатром, стоящим на границе двора священников и двора Израиля, была пустота. Только сын его, тетрарх Иерусалима Фасаэль, был рядом.

Возле кресла Гиркана сидел заросший волосами по самые глаза невысокий человек с невероятно широкими плечами и намечающимся животом. Он что-то шептал царю, а тот растерянно и боязливо переводил глаза с судей на Антипатра. Это был Малих, дальний родственник жены Антипатра, ныне поднявшийся до одного из советников царя, старательно оттесняя идумейца. Члены Синедриона разрешили ему присутствовать на суде,

найдя священнослужителей в каком-то из его дальних колен. Малих был неглуп и прекрасно понимал, что Антипатр с его огромной торговой империей, с его личными контактами с римлянами не очень нуждается в Гиркане, скорее наоборот.

Но он ждал, ведь в Риме все меняется очень быстро. Вчера сильнее Помпея и не было никого — он казнил и миловал, менял границы и перемещал тысячи легионеров по своей воле. А сегодня его нет. У власти — Цезарь, ценящий семью идумейца, благодарный ей. Да и ближние друзья Цезаря благоволят к Антипатру: к примеру, недавно в его доме принимали друзей диктатора — Марка Антония и Юния Брута (которые, кстати, так и не добрались до царского дворца). Но вечен ли Цезарь? А без поддержки римлян так ли силен идумеец?..

Первый удар Малих готовил долго. И теперь нанес. Нет, не по Антипатру (тот слишком могуществен) — по его любимому сыну Героду. Он долгими вечерами уговаривал судей, чтобы приговор «убийце» был смертным. Он следил, чтобы благодарственные письма из Галилеи не доходили до Ерушалаима, не ложились перед глазами членов Синедриона, а жалобы шли потоком и попадали, куда необходимо. Конечно, не все выходило. Проклятый идумеец силен. Но капля точит камень. Сегодня Герод предстанет перед Синедрионом и будет осужден. За спинами судей стояли жители славного города Ерушалаима. Понимал ли он, что убийство Герода, римского всадника — это смерть для тысяч иудеев? Наверное, понимал. Но ненависть к «конкуренту» была сильнее здравого смысла.

Время шло. По залу проносился шепот, мудрецы многозначительно переглядывались. От входа слышался шум. Наконец-то. Члены Великого суда с удивлением застыли. В зал входил Герод.

И опять Флавий думал об Ироде. Что-то не давало покоя историку, заставляло его вновь и вновь возвращаться мыслью к этому проклятому многими и прославленному многими человеку. Он не был на суде Синедриона, но слышал о нем. О нем вспоминали и рассказывали долго. Вспоминали по-разному. Менялись имена и последовательность событий. Менялись оценки. Но в одном они сходились: как все, что происходило в жизни Ирода, как все, что было связано с ним — суд был неправильный. Испуганные судьбы — и гордый, обличающий подсудимый.

Иосиф Флавий поднял голову. В парке шли какие-то строительные работы. Стук топора и крики раздражали, сбивали с мысли. Неряшливый вид, который недостроенная беседка придавала парку, нарушал внутреннюю гармонию, необходимую для работы. Он глубоко вздохнул и вновь склонился над пергаментом.

И вот когда Ирод, окруженный своим отрядом, явился в синедрион, он нагнал на всех такой страх, что никто из прежних его обвинителей не решился сказать против него ни одного слова, наступила минута всеобщего молчания, и все были в полном недоумении, что делать дальше. В таком положении один только человек, некий Самея, муж праведный и стоявший вследствие того выше всякого греха, поднялся со своего места и сказал: «Судьи и ты, царь! Ни я сам, ни ты, вероятно, никогда еще не видали, чтобы таким образом являлся в суд обвиняемый. Всякий, кому приходилось когда-либо являться сюда на судилище в качестве обвиняемого, являлся

сюда в смущении и с робостью, с видом человека, желающего возбудить нашу жалость, с распущенными волосами и в темном одеянии. Между тем и ты, любезнейший Ирод, обвиняемый в убийстве и с этой целью приглашенный сюда, облекся в пурпур, убрал по-праздничному свою голову и явился к нам в сопровождении воинов с целью перебить всех нас, если мы по закону осудим его, а самому спастись, совершив насилие над правосудием. Впрочем, я не стану обвинять Ирода, что он более занят ограждением своей личной безопасности, чем соблюдением закона: ведь вы сами, равно как и царь, приучили его к такой смелости. Однако знайте, что Господь Б-г всемогущ и что этот юноша, которого вы теперь желаете в угоду Туркану оправдать, некогда накажет вас и самого царя за это.

Так ли было дело или иначе, теперь уже не знает никто, кроме Единого, для которого нет времени, нет прошлого, для которого открыты все тайны. Флавий задумчиво глядел вдаль, и перед его взором был отнюдь не сад императорской виллы близ Вечного Города. В его глазах стоял зал Синедриона. Не в том, новом и великом Храме, построенном Иродом, а в старом Храме Хасмонеев, притулившемся к дому царя и огромной скале над городом. Перед глазами его был зал из обтесанных камней со скамейками для судей, с площадкой для народа Ерушалаима. Он не застал тот Храм, но слышал о нем. И сейчас слух воплотился в картину. Он видел, как на собрание Синедриона вошел воин в тоге римского всадника.

Во двор священников, где заседал Синедрион, вошел Герод в тоге римского всадника и пурпурной накидке тетрарха на плечах, с мечом на поясе. Он был в окружении двух десятков преданных ему воинов, облаченных в традиционные одеяния римских легионеров. Герод остановился в центре двора перед нами, воины стали полукругом между колоннами, как бы беря под охрану двор священников и Синедрион. Возле входа осталось несколько фигур в накинутых на голову темных плащах, покрывавших их с головы до ног. Нигде в древних книгах не говорилось, что вызванный на суд должен являться один. Не говорилось и то, что он не должен одеваться в парадные одежды. Просто обычно было иначе. Зал вздрогнул. Гиркан втянул голову в плечи. Одежда Герода не была случайной — он вполне откровенно показывал Синедриону свою неподсудность римского гражданина.

Герод с достоинством поклонился царю, председателю, судьям и народу, толпившемуся в отдалении.

— Великий Синедрион желал видеть Герода сына Антипатра? Я здесь, полный внимания и почтения! — громко, на весь зал провозгласил вошедший.

— Приветствуем тебя сын Антипатра, — выдал фразу Иегуда бен Таббай. — Ты обвиняешься в убийстве Хезкияху бен Гарона, совершенном без приговора Синедриона, и в смерти его людей, жителей Галилеи.

Среди судей прокатился шум. Герод посягнул на самое важное право Синедриона — судить за убийство. Народ за колоннами молчал. Молча взирали на зал воины Герода, которые за годы его правления превратились из кучи бражников и бездельников в настоящих бойцов, преданных своему вождю. Все ждали ответа Герода.

— И кто же мой обвинитель, почтенный нами?

К Героду рванулась женщина в черных одеждах. Но наткнувшись на жесткий, как кинжал, взгляд, застыла в нескольких шагах от ответчика, смутилась. Однако, взглянув на одобрительно кивнувшего ей Малиха, собравшись, продолжила, воздев руки над головой и завывая.

— Я обвиняю тебя, злодея и кровопийцу, врага народа Галилеи, в смерти наших детей, моего сына, что был с Хезкияху! Ты, Герод, умертвил его, незаконно, оставив меня и других матерей безутешными! Ты злодейски убил праведного вождя, Хезкияху бен Гарона! Ты заслуживаешь не одной, а десяти смертей! Пусть будет проклято твое имя! Пусть дети твои не знают покоя! Пусть...

Она села на пол, продолжая рыдать и проклиная Герода.

— Что ты скажешь на это обвинение, сын Антипатра? — произнес, наконец пришедший в себя наси.

— Я отвечу тебе, почтенный Иегуда бен Таббай. Подойдите, братья мои! — повернулся он к людям, до того бывшим почти незамеченными у дверей. Три фигуры приблизились к центру зала, одну из них вел воин. Зал застыл. Застыли судьи, застыли, вытянув шеи, люди Ерушалаима. Герод повернулся к женщине, все еще продолжавшей причитать.

— Ты говоришь, что я убил твоего сына? Я этого не помню! Ты говоришь, что я убил Хезкияху? И этого я не могу вспомнить. Я убивал, и буду убивать бешеных псов, посягнувших на жизнь соплеменников, на их дома, на их дочерей и жен. Покажите этой безутешной матери плоды дела рук ее сына и его начальника, — обратился он к людям под покрывалами.

Покрывала упали. Страшные, изуродованные лица предстали перед глазами Великого Синедриона. Плакальщица отшатнулась.

— Смотри! Смотри, женщина! Вдыхай запах смерти.

У Варнавы, жителя города Каны, твой сын и его товарищи отрезали руки. У Нехамы, дочери плотника из Сепфोरиса, повинного в том, что он не мог заплатить им дань, отрезали грудь. У крестьянина Матфея выжгли глаза. Они жгли и убивали иудеев, которых ты, царь, — он обернулся к Гиркану — отдал под мою руку. Смотрите, члены Высокого Суда, смотрите на деяния рук их. Я убивал их, когда они грабили караваны, жгли деревни и насиловали женщин галилейских. Чего же еще достойны эти псы, как не смерти?!

Внезапно он оторвал взгляд от лиц судей и поднял голову:

— Скажи, народ Ерушалаима!

Люди стояли ошарашенные. Еще живы были те, кто пережил падение города, насилие солдат, помнил горе близких.

— Смерти! Они не должны жить! Герод — наш защитник!

Люди шумели. В отличие от властителей, народ Иудеи и народ Ерушалаима относился к семье Антипатра с симпатией и почтением.

А Герод уже говорил судьям:

— Скажите и вы, судьи, виновен ли я в том, что защищал дома людей, врученных мне, их поля и достаток, и в том, что сделал дороги безопасными, а Галилею — зажиточной? Ответьте, судьи! Не древние ли завещали нам платить тем же, чем заплачено нам — око за око? Ответьте, судьи!

Синедрион молчал. Судьи опустили глаза. Далеко не все они жаждали крови Герода. Большая часть их прекрасно осознавала, что казнь римского гражданина — это война, к которой Иудея не готова. Осознавали они и то, что Герод прав. Но признать это было мучительно. Совершенно невозможно.

Внезапно поднялся Малих, до того заморожено сле-

дивший за событиями, происходившими в зале:

— Судьи и ты, царь! Сегодня вы помилите Герода-идумеянина, а завтра сами окажетесь беззащитными. Он не помилит вас, если решит, что вы мешаете ему. Подумайте!

Он почти кричал, выплевывая слова, с ненавистью глядя на притихших членов Синедриона и совсем поникшего Гиркана. Неужели он проиграл?! Нет! Нет! Все было выстроено так тонко и точно! Он переломит ситуацию! Герод будет осужден!

Тут из рядов судей поднялся Шемайя, один из самых мудрых учителей и толкователей Закона:

— Братья! Решение наше должно быть мудрым. От него зависит будущее страны, будущее народа и Храма. Осудив Герода, сына Антипатра, мы будем несправедливы к тем людям, чьи дома он защищал, кто славит его на дорогах и площадях. Был ли убит Хезкияху в схватке или казнен? Обвинитель говорит, что тетрарх его казнил без приговора Синедриона. Ответчик говорит, что убил его в схватке, защищая свой народ. Слово против слова. Но, оправдав Герода, мы нанесем удар по нашим традициям, по тем семьям, которые были и будут основой народа. Как он будет ходить по улицам городов, где живут родственники тех, кто пал от его руки?

Потому я предлагаю следующее: пусть римский всадник, — эти слова он произнес на латыни, — Герод, сын Антипатра на три года поедет к тем, кто взял его под свою руку. Его должно изъять из народа. И лишь когда он очистится, он может вернуться в Иудею.

Старец смолк. Судьи, напротив, загомонили. Похоже, приговор пришелся им по душе. На том и остановились.

Герод не победил и не проиграл. Он приговорен к изгнанию, но без ущерба для чести. Ему дано время на очищение. Значит, не закрыт путь в Иудею. Синедрион тоже выпутался из неприятной ситуации, не казнив Геро-

да и не помиловав его. На это и был расчет Антипатра: караваны пошли по очищенным дорогам от моря до моря. Дом Антипатра усиливался с каждым из них. Галилея славилась своего поверженного тетрарха...

Не выиграл и Малих. Напротив, его влияние на конец напуганного Гиркана снизилось.

Герод же, поклонившись членам Синедриона и царю, вышел за колонны вместе со своими людьми. Завтра он покидал Ерушалаим. Но сегодня он переночует в родительском доме. Услышит благодарственную молитву, вознесенную отцом к престолу Всевышнего, отведаст плодов земли вместе с братьями и родителями, навестит сестру... Последний теплый вечер и — дорога.

Перед входом в Храм его встречала толпа жителей города, любивших Антипатра и радовавшихся успехам его сына. Она обступила Герода. Ремесленники и купцы, крестьяне и проповедники говорили ему добрые слова, трогали за плечи. Герод старался ответить каждому, никого не оставить без внимания.

Вдруг толпа расступилась. От ступенек дворца к Героду подошла девочка в яркой, богатой одежде, с серебряным обручем на черных, как смоль, вьющихся волосах. Она была в том дивном возрасте, когда женское начало уже просыпается в юном теле, но женская душа еще дремлет. В эти годы поступки человека еще дышат чистотой. Подойдя к воину, уставившись на него во все глаза, она неожиданно спросила:

— Это ты — Ирод-убийца?

— Нет, — засмеялся неожиданному вопросу Герод. Кто другой, наверное, нарвался бы на меч за подобное, но в устах девочки это выглядело смешно.

— Нет. Я Ирод — защитник народа.

— Странно. Мне говорили по-другому. Хотя... — она обошла его кругом — ты не похож на злодея. Может, мне соврали? Они мне часто врут.

— Может, — согласился Герод. — А ты кто, красавица?

Вопрос показался девочке невероятно веселым. Ее смех колокольчиком зазвенел над толпой и Храмом.

— Я? Я — Марьянма, внучка царя Гиркана, дочь Александра, — прыснула она и побежала обратно, во дворец.

Странно. Дочь врага. Внучка Аристобула II, брата и соперника Гиркана. А ненависти нет. Скорее... нежность, что ли? Смешная девчонка. Герод сел на коня и сквозь толпу медленно направился к дому Антипатра. Встреча вмиг забылась — слишком многое ждало его впереди. Но теплый ветерок вдруг коснулся его души.

В изгнание с Геродом уходил и его отряд, возросший до тысячи воинов (сейчас они собирались в Сепфорисе). Уходил управляющий Барух, ставший незаменимым советником. А в Ерушалаиме оставались отец и братья, оставались друзья. Но оставались и враги.

Малих метался по комнате. Как долго он шел к власти! С каких низов ему пришлось начинать! Идумейцы из рода наследственных правителей никогда не узнают, каково это — унижаться перед сильными и гордыми, угождать, льстить, чтобы продвинуться к заветной цели, к власти. И везде путь ему заслонял проклятый идумеец. Это его славили грязные торговцы с улиц Ерушалаима. Это он смог без войны присоединить к Иудее столько, сколько царь Яннай всеми своими походами. И, самое страшное, что это правда. Но что это меняет? Для настоящих мужчин цель всегда одна — власть. Он, Малих, был уверен, что они с Антипатром похожи. Очень похожи, просто тот более удачлив. И сегодня он смог его переиграть, оттеснить от места возле царя. Кругом подлецы и завистники.

Его не принял Гиркан. Испуганные саддукеи сторонятся его. Этот так и не ставший взрослым трусливый старик, которого зовут Первосвященником, опять вцепился в свою няньку, Антипатра. Все! Все против него! Но ничего. Если Всевышний не хочет наказать идумейца, то его накажет гнев Малиха. Он зазвонил в колокольчик. Занавеска раздвинулась, и в комнату вошел слуга.

— Позови ко мне... — Малих задумался. — Позови... Нет. Приведи ко мне Гедеона, что сидит в подвале.

— Повинуюсь, господин!

Через полчаса в комнату вошел в человек в разодранной и грязной одежде. Его сопровождал воин. Малих брезгливо отодвинулся в сторону от вошедшего.

— Ты звал меня, господин?

— Да. Ты мне нужен. А ты — он повернулся к воину — можешь убираться.

Воин вышел.

— Ты не выплатил мне долг. Завтра и ты, и твоя семья будут проданы в рабство. Но можно решить наш спор и иначе.

В глазах должника мелькнула надежда.

— Как, господин?

— Я прощу тебе все долги и даже награжу. Завтра тебя переведут в комнаты для слуг. Ты сможешь омыть свое тело. Тебя будут кормить. Дадут целые одежды. Потом ты пойдешь к управляющему домом Антипатра и наймешься к ним в услужение. Ты понял меня?

— Да, господин. А зачем?

— Молчи и слушай! Так вот. Когда ты почувствуешь, что стал в доме своим, то вечером пойдешь гулять в сторону Сионских ворот. Там зайдешь в третий дом от левой башни.

— И что там будет, господин?

— Там тебе объяснят, что нужно делать. Но помни, что твоя семья остается у меня. Бойся меня прогневать!

Теперь ступай.

Опустив голову, несчастный вышел. Малих же, напротив, пришел в самое доброе расположение духа. Зачем все усложнять, если проблему можно будет решить одним ударом. Даже если этот несчастный попадется, то он будет молчать о Малихе. Значит, можно будет послать еще кого-то. Главное, план намечен. Если Герод выкрутился, то за все заплатит Антипатр. Обязательно заплатит. А сам Малих займет подобающее его талантам место. Малих зажмурился от удовольствия.

В доме Антипатра шло празднество. Дети, жена и домочадцы провожали любимого сына и брата в трудный поход, радовались избавлению от напасти, благодарили Единого. Светильники рассеивали сумрак в украшенном мраморной колоннадой зале, в центре которого за столами возлежала семья Антипатра. Старый музыкант, проживший всю жизнь в этом доме, неторопливо перебирал струны, не мешая разговору, который вел отец со своим семейством.

Многочисленные домочадцы, дальние родичи, доверенные лица, уже давно ставшие родней, воины, отдавшие свой меч эпитропу Иудеи — каждый стремился сказать доброе слово Героду. Именно от этого на душе у сына Антипатра щемило. Все как-то слишком напоминало поминовение усопшего. Герод подозревал виночерпия. Выпил чашу крепкого вина с острова Крита. Сам наполнил еще одну. Легче не становилось.

— Сын мой, Герод, — на арамейском языке сказал отец (на этом древнем наречии дома говорили редко — гораздо чаще звучали эллинская речь и латынь, да

к Всевышнему обращались на его языке; но домашним языком оставался греческий, как и во многих домах иудейской знати).

— Сын мой, Герод, пройдем в дальнюю комнату, — сказал отец, поднимаясь.

Дальней комнатой во дворце Антипатра называли помещение для встреч хозяина с самыми доверенными и тайными своими людьми и гостями. Герод удивился, но пошел вслед за отцом.

Когда плотный полог прикрыл дверь (едва ли не единственную дверь в их доме), отец сел в кресло, указав сыну место напротив, и начал:

— Хотя мы и не смогли победить, не убивая, но ты сделал много, сын мой. Я доволен тобой. Я знаю, что ты пытался его не убить. Но, наверное, это было невозможно. Да и не нужно. Главное дело сделано. По крайней мере, лет двадцать в Иудейских горах и в Леванте дороги будут безопасными. Nabatei, наши родичи, ведут караваны в Дамаск. Мы теперь можем водить их в Финикию. Торговать с Тиром и Сидоном. Но про Дамаск тоже забывать нельзя. Через него идут пути в Иран и Армению, а оттуда товары идут в страну Птолемеев и на Запад.

— Я знаю это, отец.

— И я знаю, что ты знаешь, — улыбнулся Антипатр. — Но сейчас речь пойдет о том, о чем ты не знаешь. Ты едешь не только служить Великому Риму, служить хорошо. Ты едешь как глава нашего дома, дома Антипатра. Я становлюсь стар. Сил все меньше. Уже шесть десятков лет светит надо мной солнце. Пора думать о том, кто возглавит наш род после моей смерти.

— Отец, я не хочу слышать о твоей смерти! — вскричал Герод.

— Смерть — это такая же часть нашей жизни, как и любая другая. Мы готовимся к празднику совершеннолетия, планируем свадьбу, военный поход или торговую

делку. Так же разумный человек планирует свою смерть. Не перебивай, сын. С тобой пойдет мой доверенный советник, Нафанаил. Он знает все о предприятиях нашей семьи, о тайных запасах товара и золотых слитках, о политических союзах и договорах. Теперь все это будешь знать ты.

Герод склонил голову в знак понимания и почтения: — Я понял, отец!

— Это не все. Слушай дальше. Для того, чтобы торговля с Келесирией была удачной, ты должен создать там наши торговые представительства. Но лучше, чтобы никто не знал, что они принадлежат нам. Люди завистливы. Попробуй то же сделать и в Дамаске. Наша торговля должна стать главной в Сирии. Тем самым возрастет и наше политическое влияние. Это твоя главная задача, Герод. Ты должен с ней справиться.

— Отец, а почему не Фасаэль? Он — старший сын... — спросил Герод.

— Фасаэль чист и благороден. Он верит людям и не видит предательства. Он останется в Ерушалаиме. Для него ничего не изменится. Следить за нашими делами в Иудее и Идумее буду я. А Ферарос будет мне помогать с Александрией. Фасаэль будет мне помогать здесь. Он не сможет выстоять в мире, где слишком быстро меняются правила. Мой наследник — ты, Герод. Наш разговор закончен. Все ли ты понял?

— Да, отец, я понял свою задачу. Я исполню ее. — Герод поклонился человеку, которого в душе почитал рядом с Всевышним.

— Тогда иди, посиди с матерью и домочадцами. Забота о них тоже может скоро перейти к тебе.

Они обнялись. Герод с удивлением увидел в глазах всегда спокойного и уравновешенного Антипатра слезы.

— Иди, сын.

Ранним утром, едва солнечные лучи коснулись стен Ерушалаима, всадники во главе с Геродом уже выезжали из Дамасских ворот. Несмотря на ранний час, у ворот вновь собралась толпа горожан, выкрикивающих славу Героду. Пожалуй, никогда еще изгнанник не провожался так из изгнавшего его города. Начинался новый этап его жизни. Каким он будет? Ответ знает только Всевышний. Но он, Герод, жив и полон сил. Он едет во главе верных ему воинов, а там, где холмы Ерушалаима сливаются с бездонным небом, звучит, крепнет и разливается его Песня. Песня о Великой Судьбе народа, о войнах и схватках, победах и утратах. Звонит его Песня Героя.

Глава вторая. Римский магистрат

Путь в Антиохию был небыстрым. Из Иудеи уходил большой караван. Воины, слуги, поверенные люди и просто друзья, решившие разделить с Геродом изгнание, растянулись по дороге на сотни шагов. Только семья Герода оставалась в Иудее. Дорис с сыном отправлялись в другую сторону от Ерушалаима. Их тоже сопровождали слуги и воины. В принципе, ничего необычного в этом не было. Антипатр тоже отправлял в грозные годы семью к тестю в Набатею. Но Герод решил, что они возвращаться не будут. Это понимала и Дорис, тоже не горевшая страстью к сыну Антипатра. Этот очаг не грел. Они расставались навсегда.

Герод ехал в Сирию. Из письма Секста Цезаря он знал, что ему предлагается править на земле, примыкающей к Иудее, в Финикии. Здесь он должен исполнять обязанности префекта, представителя наместника. Под его началом будут пять когорт, расквартированных в этой части провинции, под контроль Герода передут знаменитые города-порты Финикии, а также город Дамаск. Но резиденцией и центром власти Герода должен стать некогда отторгнутый у Иудеи город Самария, где расположена лишь одна усиленная когорта римлян. Дополнительной обязанностью станет должность финансиста и сборщика податей на этих территориях.

Но, хотя Самария была совсем не далеко от Ерушалаима, сначала предстояла поездка в Антиохию, к наместнику. Там должно состояться официальное вступление в должность нового римского магистрата, всадника Герода. Оставив большую часть своих спутников в Самарии, Герод вместе сотней воинов направился в город на Оронте.

Сирия некогда была ядром державы Селевкидов. Да и Антиохию построил Селевк. На перекрестке торговых путей, среди плодородных земель, орошаемых рекой, среди рощ и холмов был воздвигнут невероятный город, росший и богатевший, как по волшебству.

Но боги завистливы, а слава быстротечна. Гигантская держава постепенно пришла в упадок. На севере укрепились армянский правитель Тигран и его родственник, понтийский царь Митридат Евпатор, а восточные территории захватили потомки кочевников-дахов, парфяне. Когда-то их предки смогли уничтожить армии двух великих царей Персии из династии Ахеменидов. Отрубленную голову основателя династии Кира царица Томирис опустила в бурдюк с кровью, чтобы тот «напился вволю». Из сотысячной армии царя Дария в Персиду вернулось менее десятка тысяч теней воинов, исхудавших, раненых и напуганных. Конные отряды дахов выкашивали врага. Неистовому Македонцу удалось отеснить их в пески, за крепость Александрию Эсхату. Но уже через полстолетия после гибели Александра македонские царства востока стали одно за другим переходить под власть дахов, ставших именовать себя парфянами, то есть царственными.

Парфяне казались особенно опасными. Их царство мало напоминало утонченные и изысканные монархии потомков диадохов. Да и армяне и понтийцы были люди высокой культуры. С ними было можно договариваться.

Парфяне были дикарями. Да, сильными дикарями. Дикарями, проживавшими в роскошных дворцах, но дикарями-воинами. Их союзы равных возглавлял самый сильный. Убить его, когда он ослабевал, было делом отнюдь не зазорным. Даже если убийцей был родной сын или брат. Они всегда держали слово воина, а особенно данное воину. Но легко изменяли слову правителя. Их конные армии просто растоптали гоплитов

Селевкидов. Все, кто не был воинами, для парфян были рабами. Третьей категории людей в мире просто не водилось. Правят сильнейшие и равные. Над ними стоит самый сильный, умный и удачливый воин. Все остальные — только прах под ногами парфянской конницы. Подкупить их было почти невозможно, умиловить — бессмысленно.

Однако последний удар по гибнущей империи нанесли римляне, столь же неистовые воины, как и парфяне. Но, в отличие от новых владык Востока, они умели ценить не только силу, но и искусство управления. Поэтому, даже проигрывая порой в битвах парфянам, римляне теснили их. Помпей захватил Сирию и Киликию, разбил парфян, отобрал у Птолемея Финикию и утвердился в Антиохии. Дворец Селевка произвел на него такое впечатление, что он сделал его своей резиденцией на долгие годы.

После поражения при Каррах римского триумвира Марка Красса казалось, что великая распутница востока, красавица Антиохия вновь сменит хозяина. Но легат Красса Гай Кассий Лонгин смог собрать остатки римских легионов и разбить наступающую парфянскую армию, оторвавшуюся от тылов. В числе его воинов был и отряд, возглавляемый еще молодым Антипатром. Он, Кассий, и остался наместником в провинции. Позже его сменил Помпей. После смерти Помпея и победы Цезаря провинцию возглавил его брат Секст. Кассий, сторонник Помпея, прощенный и приближенный Цезарем, отбывает на Сицилию.

В отличие от Гая Цезаря, который провел в битвах всю свою жизнь, Секст больше был известен как финансист и правовед, хотя и успел поучаствовать в войне в Иберии. С Гаем, диктатором Рима, их связывало не только родство, но и дружба. В Сирии он готовил базу для запланированного Цезарем похода на парфян, остающихся

последней противостоящей Риму на востоке великой державой. Секст обожал восток, много путешествовал по римской Африке, Азии и Египту, пока не осел в Антиохии по воле своего родича-диктатора.

И пока старший Цезарь готовился к последней схватке с противниками в Африке, Секст собирал налоги в Сирии. Легионеры его не любили. Зато обожали и сами сирийцы, и гражданские магистраты. Причина была проста. Политикой в Риме традиционно занимались сенаторы; торговля же, включая откуп государственных налогов, была сферой лиц всаднического сословия. Если у наместника в провинции могли быть разные интересы, то у откупщиков — лишь один: выкачать из подвластной территории больше денег.

Секст боролся с публиканами-откупщиками, теми, кто, внося определенную сумму подати, потом выколачивал из населения последние медяки. Легионеры активно помогали публиканам, сами имея от этого неплохой доход. Секст пытался умерить аппетиты и откупщиков, и солдат. Но выходило не особенно хорошо. Только легионеры стали ненавидеть его так же, как прежде ненавидели сирийцев, которых они обдирали. Да и сам Секст, утонченный образованный нобиль, был чужим для воинов, жизнь которых протекала в лагерях и походах.

Герод бывал с отцом в Антиохии. Уже тогда огромное впечатление произвели на него дворцы провинциальной знати, теснящиеся в роще Дафны возле дворца наместника. Впечатлял и сам дворец, одновременно укрепленный, способный самостоятельно держать осаду, изящный, как детская игрушка и удобный, как старые калиги. За тройным кольцом стен располагался сад (туда выходила колоннада дворца) с гимнасием и термой, залом для философских бесед и уединенными залами для отдыха. От дворца и храма Артемиды, покровительницы города, сравнимого по красоте с афинским Парфеноном,

к городским воротам шла обсаженная деревьями дорога. По ее бокам на многие стадии раскинулись виллы богатых провинциалов и живущих в Антиохии римских граждан.

Сам город даже после Александрии производил впечатление. Почти полмиллиона жителей располагались в четырех кварталах, каждый из которых был обнесен мощной стеной. Между кварталами шли главные улицы, как и в Александрии, пересекавшиеся под прямым углом, — чистые и широкие, украшенные колоннадами и общественными зданиями. Здесь располагались не только места для прогулок, но и самые дорогие лавки, постоянные дворы, харчевни. Улицы сходились на главной площади, окруженной галереей. Внутри главной городской стены, вздымавшейся на пятьдесят локтей вверх, защищенной сотней башен, располагался речной порт.

И хотя путь Герода лежал во дворец к наместнику, он предпочел сначала отправиться в город. В Антиохии у дома Антипатра торгового представительства пока не было. Потому Герод и сопровождающие его всадники подъехали к постоянному двору, занимавшему огромное здание с комнатами для гостей, помещениями для скота, складом для товаров и даже небольшой термой. Разместившись, омыв тело и переодевшись в римское платье, отдохнув на мягкой перине, он, наконец, отправился к наместнику.

С собой он взял лишь десяток охраны, остальным приказав ждать у дороги. Боевой меч на его поясе был заменен парадным, модным у антиохийских щеголей и абсолютно непригодным для сражения.

Отдохнувшая и перекусившая кавалькада вновь выехала через Дафнийские ворота. Во дворец их пропустили почти сразу. Не пришлось долго ждать Героду и в приемной наместника. Не прошло и пяти минут, как молчаливый секретарь пригласил пройти в зал.

В зале, за столом, заваленном бумагами, сидел молодой римлянин немногим старше самого Герода, и что-то писал. Услышав шаги входящего, он поднял голову:

— А, сын Антипатра? Рад знакомству с тобой. Уже вся Сирия гудит о том, как ты лихо расправился с разбойниками в Галилее. Да и подати за твоё правление уплачены изрядные.

— Благодарю тебя, наместник, за добрые слова, — почтительно склонил голову Герод.

Секст не знал Герода. Почему-то он представлял себе некоего дикого князька столь же дикого племени, которому его родич за помощь дал гражданство Рима. Но перед ним был вполне привычный римский юноша. Крепкий воин, с умным и волевым лицом. Единственное, что не соответствовало моде, была борода. Римляне в ту эпоху предпочитали брить лицо. Но и это не придавало облику гостя дикости. Напротив. Особое обаяние. Секст был даже несколько разочарован. Он любил восточную экзотику. Вежливый ответ на идеально правильной латыни, выдававший долгие уроки с лучшими риторам, тоже не вписывался в портрет, уже нарисованный младшим Цезарем. Впрочем, тем лучше. С нормальным человеком и общаться проще.

— Ну, что ж. Великий Рим доволен тобой, всадник Герод! Примерно то же тебе предстоит и сейчас, на римской службе. Дороги в Самарии и Келесирии должны быть безопасны, подати — собираться вовремя. Еще одно. В провинции неспокойно. А Парфия рядом. Нужно готовить опорные пункты по стране, где будут формироваться союзные силы, способные противостоять парфянам. Обучение и боевая готовность легионеров и вспомогательных сил тоже на тебе. Справишься?

— Приложу все силы, Цезарь! — прямо глядя ему в глаза, ответил Герод.

— Хорошо. Все документы тебе оформят в канцеля-

рии наместника. Там же получишь деньги на содержание легионеров. Остальное — твое усмотрение. Можешь идти.

— Позволь перед прощанием поднести тебе небольшой подарок, наместник, — склонил голову Герод.

Это тоже вполне входило в римские традиции. Интересно, что он подарит. Не иначе, как «подарок в виде золотых монет»? — внутренне усмехнулся Секст. — Хоть что-то в нем от варварского князька есть...

Герод повернулся к входу и хлопнул в ладоши. Вошедший слуга нес в руках золотой поднос, на котором стояла ваза невероятной красоты, сделанная из какого-то белого, словно изнутри светящегося материала, расписанная красками небывалых цветов. Что-то подобное Секст видел в Александрии. Но эта была намного больше и изящнее. У римлянина, большого ценителя искусства, перебило дыхание. Он бросился к вазе, бережно, как первенца, взял ее в руки. Он понимал, что нужно сказать что-то вежливое в ответ на подарок. Но отвести взгляд от этого чуда было выше его сил. Наконец, он пришел в себя.

— Благодарю тебя, сын Антипатра! — почти прошептал он — Это поистине сказочный подарок для ценителя! Ты должен увидеть мою коллекцию. Я собирал ее с ранней юности. Там есть вазы из Испании и Скифии, изделия персов и жителей страны Инд.

— И я благодарю тебя, наместник, за честь лицеизреть твоё собрание.

Они долго осматривали собрание Секста. В основном говорил хозяин. Герод изредка вставлял в его эмоциональную речь свои замечания, остроумные соображения, заставлявшие улыбаться римского патриция. Словом, расстались они друзьями. Перед прощанием Герод вновь склонил голову в поклоне.

— Дозволь, Секст, просить о милости

— Конечно, дорогой Герод. Все, что в моих силах.

— Можно ли сделать так, чтобы откупщики не касались тех территорий, где ты доверишь мне представлять Великий Рим и его наместника?

Секст хмыкнул. Мысль была неожиданной. — А кто будет вносить подати, столь необходимые Риму?

— Я гарантирую, что их не станет меньше, а поступать они будут столь же регулярно.

— Хорошо. Я попробую, — наконец, сказал Секст после раздумья. — Публиканы будут протестовать в Риме. Ну, ничего. Пока во главе Великого Рима находится Гай, думаю, мы справимся. Действуй. Но податей не должно быть меньше.

Герод поклонился и вышел из комнаты. Да. Секст произвел на него куда менее сильное впечатление, чем его Великий брат. Но мир стоит принимать таким, каким он есть. В конце концов, союз заключен не с Секстом, а с Римом. Да и семейные дела нужно делать.

Герод вышел из дворца и кликнул своих сопровождающих.

— Пора. Все документы готовы. Отправляемся.

Самария — город с мощными, хотя и обветшалыми стенами — стоял на высоком холме. Холм был настолько высок, что с городских башен было видно море на горизонте. В прежние века этот город, столица Северного царства, славился дворцами и рынками, торговал с финикийцами и арабами. Рядом с Самарией возвышался храм, конкурирующий с Ерушалаимским Храмом. Но сегодня все было иначе. Храм был разрушен Хасмонеями, а основные пути переместились. Nabateyские караваны

шли в Дамаск, минуя Самарию, караваны с товарами из дальних стран за морем шли из Александрии и Тира по прибрежным дорогам в Антиохию. Город ветшал.

Некогда он конкурировал с Ерушалаимом и Дамаском. Теперь в нем было чуть более десяти тысяч жителей. Здесь, во дворце прежних владык Израильского царства, северного осколка державы древних царей, расположился Герод. Место чудесное. Вот руки бы к нему приложить — был бы город не хуже Ерушалаима, а то и Антиохии. Стянуть сюда караванную торговлю, построить свой порт. Наладить ремесло, чтобы было чем торговать. Да хоть из того же Дамаска переманить ремесленников. Поправить здесь лет десять. Только где же взять эти десять лет?.. Ладно, пока буду делать то, что возможно. Так думал Герод, вступая под своды своей новой резиденции.

Больше недели обживались на новом месте. Пришлось повозиться, расселяя свою возросшую личную армию, размещая советников и канцеляристов, слуг и домочадцев. Дел хватило всем. На девятый день, когда солнце только показалось на горизонте, Герод выехал в Финикию. Путь недолгий. А вот сделать там дел предстояло немало. Потому с собой Герод взял пятьсот лучших воинов, Нафанаила и Баруха.

Встреча прошла без восторгов и слез. Хотя слава Герода и достигла этих мест, римский трибун, возглавлявший военные силы Финикии, совсем не рад был появлению начальника. Но Герод умел, если считал это нужным, склонять людей на свою сторону. В качестве финансового агента наместника Секста Цезаря он привез с собой жалование за два месяца, которое тут же было роздано легионерам. Не остался в убытке и сам трибун. Вместе с тем, Герод тут же потребовал ежедневных занятий в войсках, от которых в спокойной Финикии римляне уже начали отвыкать.

Префект не только наблюдал за воинскими упражне-

ниями, но тренировался вместе с легионерами, штурмовал учебные крепости, заставлял тренироваться и римских воинов. Сталкиваясь с ним в учебных поединках, римляне быстро уяснили, что слава бывшего тетрарха Галилеи совсем не дутая. А воины его не уступают даже триариям.

По вечерам Герод часто уединялся в палатке с военачальником римского отряда. Разговор шел об охране дорог, о сборах податей, о быте воинов и его организации. Герод внимательно слушал, давал советы. Военный трибун по-новому смотрел на своего молодого начальника.

Однако больше времени Герод проводил в торговых кварталах Тира и Сидона. Он помнил старую притчу о том, что торговцу нужно говорить не «дай», а «на». Но это «на» должно быть очень тонко подано, чтобы за него ухватились и, что важнее, чтобы оно принесло пользу тебе самому.

Долгие беседы с уважаемыми купцами, главами самых богатых торговых домов дали сразу два результата. Первый результат — Герод понял, почему казна наполнялась плохо, а народ стонал от гнета сборщиков податей. То, что откупы — зло и главная причина разорения провинций, он знал и ранее. Собственно, потому он и попросил Секста защитить его от откупщиков-публиканов. Но теперь перед его глазами встало Зло во всем его величии. Откупщики собирали втрое и вчетверо больше, чем платили в казну. Понятно, что уважаемые купцы лукавили перед собратом, ставшим римским чиновником. Что-то проходило мимо мытарей. Но беда была совершенно реальной.

Меры будут приняты. О них и думал Герод все дни с тех пор, как покинул Ерушалаим, о них он и советовался с Барухом и Нафанаилом. Итак, тысячу талантов он должен отослать из Финикии и Самарии в казну провинции. Это огромные суммы, почти пятнадцать миллионов римских сестерциев. Но это по силам выплатить Героду.

Теперь считаем собственные расходы. Оплата воинов и мытарей, хранение и провоз. Положим еще сто, ну, двести тысяч серебряных кругляков. Что-то должно остаться самому Героду. Итого, двадцать миллионов сестерциев. По словам торговцев, пополаны вытрясли из Финикии почти пятьдесят миллионов серебра. Значит, можно почти в два с половиной раза снизить налоги, выплачивая все, что требует Рим и Антиохия.

Но есть и вторая задача. Он не только римский чиновник, но и представитель дома Антипатра. Значит, снижать подать стоит не всем. Те, кто покупает товары у купцов, которых контролирует Герод, должны платить мало. Остальные же — не больше, чем прежде. Но и не меньше. Меньше подать, дешевле товар. Легче найти покупателя. Об этом и беседовали за чашей холодного вина во дворцах торговых владык Финикии. Из Самарии и из Дамаска пойдут к ним караваны с товарами дальних стран, принадлежащими дому Антипатра. Как и те, которые покупают купцы из этого дома. Так решил Герод. Те же торговцы, что будут продолжать торговать помимо него, будут вынуждены получать меньше.

Три месяца провел Герод в Финикии. Организовал защиту дорог, охрану портов и рынков, безопасность на улицах. Его слава победителя галилейских разбойников помогала не меньше, чем доблесть воинов или дисциплина римских легионеров. Весть о возможном снижении податей и условия этого снижения взбудоражила купцов. В конце концов, они согласились с условиями новой торговли. Зато взвыли купцы славного города Дамаска. Значительная часть товаров, поступавших сюда, тоже выводилась через финикийские порты. Для них новые правила торговли были чреваты убытками. Герод поспешил в Дамаск, оставив Баруха с сотней воинов в Финикии. В его задачу входило создание собственного торгового дома, который бы представлял интересы Герода.

В Дамаске Герод был лишь квестором, т.е. финансовым агентом наместника. Потому воинские проблемы города и округа его не волновали. Представившись легату расквартированного легиона (как оказалось, знавшего Антипатра), Герод занялся делами торговыми и эрарными.

Купцы Дамаска тоже могут пользоваться предложенными льготами. Но только если покупают товар у его дома и продают его «правильным» купцам. Причем касается это только той части маршрутов, которые идут на запад и северо-запад. На остальных направлениях у дома Антипатра нет интересов. Постепенно многодневные переговоры дали результат. Торговые пути были намечены. Тем более, что пряности с юга были не единственными товарами, которыми торговали дамасские купцы. В Дамаске Герод тоже оставил своего поверенного с сотней воинов. Цепь, выстроенная Геродом, начала работать.

Собранные налоги отвезли в Антиохию. Их было даже больше. Секст лично благодарил Герода, написал в Рим о его уникальных талантах. С учетом поступлений из Дамаска и из Самарии, удалось отправить почти двадцать миллионов сестерциев. Двести талантов осело в подвалах Самарии. Люди тоже получили жалование, да и римские legionеры обижены не были. Год был удачен. Торговля дома Антипатра возросла больше, чем на треть. А это уже многие тысячи талантов. Правда, не все они в золоте и серебре. Что-то уже вложено в новые ткани, лекарства, пряности, оружие и драгоценные камни, наемные сотни и корабли.

Усталый до последней степени, Герод возвращался в Самарию. Выезжали ранней весной, а возвращались уже в глубокую зиму. От моря неслись шквальные ветры, прорываясь сквозь горы; дожди заливали округу. К стенам древней столицы отряд Герода подъехал, больше

всего напоминая изгнанников или бродяг — вода лилась с них ручьями. Уже во дворце Герод почувствовал недомогание.

В глаза будто засыпан песок, раскалывается голова. Постоянно хочется лечь. Горячее купание на время принесло облегчение, но к утру он впал в забытие. Советники и друзья теснились в соседней комнате, а у постели Герода лекарь давал ему целебное снадобье, менял холодные тряпицы на голове. Почти месяц Герод находился между жизнью и смертью. Но молодой организм выдержал. Жар спал. Медленно возвращались силы и жизнь. К концу третьей недели Герод приказал позвать советников. Те несмело приблизились.

— Что стряслось за то время, пока я тут отлеживал бока? — слабо улыбнулся Герод.

— Господин, беда! Кто-то распустил ложные слухи, что Цезарь погиб в Африке, а республиканцы победили. Легионы взбунтовались. Наместник убит. Глава бунтовщиков Квинт Цецилий Бас, легат Секста Юлия Цезаря, засел в крепости Апама близь Антиохии. Его осаждает другой легат, Антистий Вет. Но на помощь Басу идут кочевники и парфяне.

Герод упал на подушки. Всевышний, за что?! Все складывалось так успешно, так правильно! Он отдышался.

— Собрать все войска! Пошлите гонца к отцу и в Финикию. Пусть готовятся к выступлению. Всех военачальников ко мне.

И в этот момент тьма вновь накрыла его.

Еще месяц пролежал в постели Герод, временами впадая в забытие, временами мечась по кровати в бешенстве от собственной беспомощности. Помощь войсками Герода и его семьи не решила проблему Сирии. На выручку к мятежникам пришли парфяне. Теперь уже римляне оказались в положении загнанных зверей, запертые в Антиохии. Взять город парфяне не смогли. Их отряд ушел за реку. Но вскоре большие события вытеснили из круга внимания и этот эпизод.

В Риме был убит Цезарь. Убийцы, не будучи готовы противостоять сторонникам диктатора, отступили на восток. В Антиохию прибыл Гай Кассий Лонгин, утвержденный Сенатом в качестве наместника всех восточных провинций. Он и воспитанник диктатора, Юний Брут, были душой заговора против Цезаря, лидерами республиканской аристократии. Теперь Кассий готовился к последней битве.

Его популярность в легионах была столь велика, что еще до утверждения Сенатом сего наместничества большая часть войск, в том числе те, что успел собрать бунтовщик Бас, перешла на его сторону. Баса убили собственные солдаты. Поблагодарив за помощь и верность Риму братьев Герода, прибывших на выручку римлянам, он отпустил их, но велел пригласить к себе Герода и Антипатра.

Враги идумейцев от Александрии до Антиохии возликовали — конец пришел власти проклятых выскочек, власти ненавистного Герода и его отца Антипатра. Кассий — убийца их покровителя, Цезаря. Значит, убьет и его сторонников. Но Герод и Антипатр знали, что радость их врагов несколько преждевременна.

Для Гая Кассия, с младенчества отстаивающего права

и свободы римского патрициата, идумейцы просто не были предметом оценки и политических рассуждений. Это — один из инструментов в борьбе с настоящими врагами: пасынком Цезаря, Гаем Юлием Цезарем Октавианом и любимым легатом и сподвижником Цезаря, Марком Антонием. Сражаясь как противники в Мутинской войне, они смогли объединиться перед лицом общих врагов и заключить тайное соглашение вместе с Марком Эмилием Лепидом, Великим Понтификом Рима. Участники соглашения получили имя триумвиров и чрезвычайные права «для приведения в порядок государства». Идумейцы понимали, для чего их вызывает наместник, были готовы к этому разговору.

Кассий принимал их в том же дворце, где годом раньше Секст утверждал в должности Герода. Даже обстановка осталась прежней. Скорее всего, у Кассия просто не было времени заниматься этим. Его занимало другое. Республиканцы стягивали к Балканам все силы, какие могли собрать, до каких могли дотянуться. В это же время к Италии стягивались силы сторонников Гая Юлия Цезаря. В ситуации, когда решается судьба мира, заниматься «большой политикой» маленьких царств на востоке просто смешно.

Их принимали по одному. Антипатр предстал как прокуратор Иудеи, а Герод — как чиновник аппарата наместника Сирии. Первым зашел Герод. Поприветствовал, как полагалось подчиненному приветствовать командира. В этот раз Герод не стал играть в римлянина. Он был в обычной тунике, в сегментном панцире на перекрещивающихся поясах, именуемых балетусами, но без меча, лишь с кинжалом.

Кассий, высокий и коренастый мужчина с мясистым носом и грубым лицом, внимательно смотрел на префекта.

— Я много слышал о тебе, сын Антипатра. Много

хорошего и много плохого.

— Тем самым, господин, ты сам можешь сделать вывод обо мне, поскольку слышал обе стороны, — ответил Герод, смотря в глаза патрицию.

Патриций усмехнулся:

— А не боишься, что я велю просто казнить тебя? Ведь именно этого ждут все в твоей Иудее?

— Не боюсь, — спокойно ответил Герод.

— Почему?

— Во-первых, все мы в руках Всевышнего. Раз Он так решил, значит — такая моя судьба. Во-вторых, если бы ты решил так поступить, я уже был бы на голову короче, а не имел бы счастье беседовать с тобой. Ну, и в-третьих, вряд ли все в Иудее ждут моей смерти. Скорее, ее ждут те же люди, что ждут и твоей смерти не меньше, чем моей.

— А ты умен, иудей. Умен и не труслив. Редкое сочетание для сирийца, — проговорил Кассий. — Это сочетание может позже сослужить пользу Риму. Или стать опасным. Посмотрим. Пока же ты мне нужен как квестор, ответственный за сборы податей с Финикии.

— Слушаю тебя, господин, — склонил голову Герод.

— Я знаю, что ты собрал и отправил подати из Финикии даже в большем объеме, чем требовал наместник. Это оценили в Риме. Но обстоятельства сложились так, что мне нужно еще.

— Господин, это непросто, — проговорил Герод. — Караваны еще не вернулись, а с крестьян много не выжмешь.

— Я, наверное, невнятно говорю, иудей, — Кассий нервно дернул подбородком. — Мне нужно еще десять миллионов сестерциев с твоей Финикии. Можешь продать в рабство всех ее жителей, можешь разорить их. Делай все, что хочешь. Но через месяц десять миллионов серебряных монет должно поступить в мою казну. И горе всем вам, если этого не случится. Ты знаешь, меня зовут

Гай Кассий. Я не бросаюсь обещаниями. Но сделав это, ты заработаешь признание Рима. А оно, как ты тоже знаешь, превращается в золото очень легко. Или во что-то, что ценнее золота.

— Я понял, господин! Я выполню поручение. Я могу идти?

— Иди.

Близким образом протекала беседа с Антипатром. Только сумма была чуть меньше. Вечером в одном из домов близ дворца наместника отец и сын держали совет.

— Мне не нравится этот патриций, — начал Герод. — Он спесив и злобен, как члены Синедриона.

— Он испуган, сын, — ответил Антипатр. — В Италии уже собираются ветераны Цезаря — под знамена Марка Антония, которого мы принимали в нашем доме. Это — великий воин и добрый человек. С ним пасынок и наследник Цезаря, Октавиан. Кассий не уверен в своей победе.

— Может, потянем время? — спросил Герод.

— Не успеем. Они сойдутся в лучшем случае через полгода. За это время Кассий, действительно, продаст в рабство и финикийцев, и иудеев, разорит их города. Да и нам снести головы он тоже успеет. Нужно дать. Но дать так, чтобы он больше не стал требовать.

— Как это, отец? — не понял Герод.

— Все же ты еще многого не понимаешь, — вздохнул Антипатр. — Помнишь, как воевал с тобой галилейский разбойник?

— Плохо воевал. Трусливо, если я смог его разбить.

— Я не о том. Он писал письма в Синедрион. Что на самом деле происходило в Сепфорисе, не знал никто из судей. Но письма создавали образ, который им заменил знание об области.

— Мы будем писать письма?

— Нет, сын. Письма будут писать другие люди. Это будут доносы о нашей жестокости при сборе налогов. Они для Кассия, который скоро уедет в Эфес, куда стягиваются легионы из восточных провинций, будут знаками выполнения его воли. Вникать в дела провинции он не будет.

Герод рассмеялся. Как просто! Его отец — самый мудрый человек на свете. Они, дом Антипатра, заплатят этот побор. Их земли, в отличие от соседних стран, останутся целыми и неразграбленными. Им не придется продавать в рабство детей, закладывать ростовщикам общественные здания и золотую посуду. А письма создадут «правильное» впечатление у римлянина, который по воле злой судьбы оказался наместником. Он решит, что дом Антипатра выжал все из подвластных территорий и не потребует больше.

Через месяц во дворец наместника близ Антиохии вступал Герод, сопровождаемый вереницей носильщиков с кожаными мешками за спиной. Кассий ждал его.

— Наместник, здесь семьсот талантов, — столько, сколько ты повелел собрать с Келесирии и Иудеи.

— Ты — верный друг Рима, — усмехнулся патриций, довольно глядя на мешки с серебром. — Но и пес ты изрядный, не знающий жалости.

— Я выполнил твое поручение, — ответил с поклоном Герод.

— Да! Клянусь Юпитером, да! Ты можешь просить награду. Подумай до завтра. Разрешаю. Но торопись, вечером завтрашнего дня я отбываю в Эфес.

Патриций в благодушном настроении отпустил

финансиста. Он смотрел на серебро, но представлял марширующие легионы, боевые корабли, представлял смерть Антония и Октавиана. Они сами сделали свой выбор. Рим не будет пресмыкаться перед царем как какие-нибудь египтяне или сирийцы. Во всяком случае, до тех пор, пока жив Гай Кассий Лонгин. А этот иудей может быть полезен. Не забыть бы о нем в Риме.

Герод вошел во двор виллы, где остановился перед визитом к наместнику. Что-то было не так. Слуги отводили взгляд, старались не попадаться ему на пути.

Из дома вышел Барух с красными, заплаканными глазами. Слезы текли из его глаз.

— Герод! — он зарыдал.

— Что случилось? Что с тобой?!

— Со мной... Антипатр... Его нет.... Из Ерушалаима прибыл караван. Антипатр отравлен. К наместнику едет его убийца, Малих. — Советник обнял Герода, и слезы их смешались.

Глава третья. Поминовение Антипатра

В зале, где собрались самые близкие соратники Герода, звучали слова поминальной молитвы. Горели свечи, не рассеивая, а, наоборот, подчеркивая тьму, подступавшую к сердцу каждого присутствующего. Антипатру были не просто верны. Его любили, как любят старшего друга, отца, наставника, его боготворили, как боготворят защитника и помощника в трудную минуту. Его слова запоминали. А теперь... теперь его нет.

Его проседи не превратятся в седины, его голос больше не будет звучать в зале Совета и за пиршественным столом, в шуме боя и в доверительной беседе. Его нет. Пустота в душе Герода будто всасывала в себя все сущее. Было холодно в нагретой комнате. Было безразлично. Боль, горе потери выдавливало все другие мысли и чувства.

Впрочем, нет. Одно чувство оставалось. Жажда мести! Отец ушел к Всевышнему не в постели, окруженный любящей семьей и друзьями, но пал жертвой людской подлости и ненависти. Мечь была тем, что заставляло Герода вновь и вновь возвращаться к ненавидимому им в тот момент миру. Мечь! Когда стихли звуки молитвы, он почти шепотом сказал:

— Друзья! Прошу всех пройти ко мне. Отец да упокоится с миром!

Герод и все собравшиеся в комнате для переговоров в доме близь Антиохии знали, что совсем недалеко здесь живет посольство из Ерушалаима, возглавляемое проклятым Малихом. Они знали, что пока Фасаэль с Гирканом возносили молитвы над телом Антипатра, Антигон, враг

Гиркана, идет на Ерушалаим со своим войском, чтобы захватить дворец и Храм. Знали, что саддукеи и все сильные мира сего приветствуют его появление. Знали они, что не пройдет и месяца, как с Гирканом случится беда. Какая? Не все ли равно. Важно, что на опустевший престол взойдет новый царь — Антигон. Но знали они и то, что не бывать этому, пока в их жилах течет кровь.

— Друзья! — начал Герод. — Волею моего отца я принимаю на себя ответственность за дом Антипатра. А потому... — он помедлил — а потому завтра же ко всем, верным мне и нашему дому войскам отправятся гонцы. Место сбора — Самария. Время — неделя. Герод сын Антипатра идет на Ерушалаим! Вы — со мной?

— Да! — почти хором ответили соратники.

— Это будет не просто месть, но восстановление дела Антипатра. Мы не можем отдать город и Храм, для которого он столько сделал. Время слов кончилось. Начинается время мечей. К воинам, друзья! И пусть огонь горит в груди каждого, идущего со мной!

Герод встал. Встали и его соратники. Дел много. Нужно спешить.

— Бранн, подожди, — вдруг бросил Герод.

Великан застыл. Они остались вдвоем.

— Малих не должен жить. Он не должен вернуться в Ерушалаим. Но ты вернуться должен. Ты меня понял?

Наемник кивнул.

— Золото, люди, оружие — все в твоём распоряжении.

— А Кассий?

— Кассию сейчас не до Иудеи. Завтра он отбывает к войскам.

— Я понял, Герод. Все сделаю. Ты выезжай, а я через два дня нагоню тебя на пути к Самарии.

Солнце только начало клониться к закату, когда к дому, где остановилось посольство из Иудеи, подъехали римские воины во главе с центурионом — огромным, светловолосым мужчиной со шрамом на щеке. Спустившись с коня, центурион вытащил свиток:

— У меня послание от наместника к главе посольства, почтенному советнику Малиху, — сказал он стражникам у дверей. Слова «почтенный советник» он нарочито выделил пренебрежительным тоном, давая понять, как он, римский воин, относится к варварским советникам.

Стражники посторонились.

— Где мне найти его? — уронил легионер.

— Он пребывает в опочивальне, почтенный воин, — промямлил стражник.

— Хорошо. Вытащим его из кровати. Пошли! — приказал он подчиненным.

Римляне вошли в дом, но уже через четверть часа вышли. Не торопясь сели на коней и поехали в сторону дворца наместника.

Из комнаты Малиха ни доносилось не звука. Зная вспыльчивый характер нового фаворита повелителя Антигона, слуги не решились его беспокоить. Лишь поздно вечером слуга решился открыть дверь в комнату Малиха. Огонь светильника выхватил страшную картину: советник сидел в кресле, держа собственную отрубленную голову на коленях. Ужас и непонимание застыли в мертвых глазах. Слуга закричал.

Войско приближалось к Ерушалаиму. Штурмовать с отрядом в пять тысяч человек обнесенный тремя стенами город со ста тысячами жителей нечего было и думать. Но Герод и не собирался штурмовать столицу своей страны. Он шел спасать ее монарха, оказавшегося в заложниках у мятежников. Об этом говорили его лазутчики на городском рынке, об этом шептались люди возле домов. Его ждали.

В это же время из противоположных ворот выезжали сторонники Антигона со своим отрядом. Они понимали, что удержать город они не смогут. Понимали, что проклятые потомки водоносов и горшечников просто откроют ворота идумейцу, а его воины покосят воинов князей мира, как свежую траву. Они не успели даже убить этого недоноска Гиркана и антипатрово отродье Фасаэля — слишком стремительным был бросок идумейца. Они рассчитывали на месяц подготовки, на помощь армии Антигона. Но прошло две недели, и ненавистный Герод уже у стен, а разбитая Геродом армия Антигона бежала на восток. Ничего. Судьба переменчива.

Антигон отправлялся за Евфрат в Ктесифон, столицу Великой Парфии. Римляне надежд не оправдали. Они предали его отца. Предали и самого Антигона. Теперь ставка будет сделана на латников парфянского царя.

Но то, что было несчастьем для Антигона и сильных домов, стало праздником для жителей города. От самых ворот воинов Герода встречала толпа горожан. Они радовались ему, как дети, потерявшие и вновь обретшие отца и защитника. Он плакали по Антипатру и клялись в верности его сыну. Разве не это — лучший памятник погибшему отцу? — вдруг подумал Герод. — Будут ли меня поминать также? Что останется после меня?

Но времени на раздумье не было. За домами показался царский дворец, где его уже ждали брат и верные Гиркану царедворцы. Герод спрыгнул с коня и обнял старшего брата. Его полные боли глаза оказались рядом с глазами Герода.

— Брат... Отца больше нет, — только и смог выдавить Фасаэль.

Герод прижал голову брата к груди.

— Мы мужчины, брат! — сказал он, невольно копируя интонации отца. — Отец завещал нам свою цель и заботу о семье. Мы не можем предать ее!

— Я знаю. Но в душе нет ничего. Даже желания жить. Мать надела траурные одежды и никого не желает видеть. Она тоже хочет умереть.

— Этому не бывать. И ты, и мать должны жить в память об отце, должны жить, чтобы через сотни лет люди помнили об Антипатре. Дела вытесняют боль. Пойдем, брат.

Они вошли во дворец. Гиркан ждал его в царском зале. Герод подошел к уже старому и сгорбленному царю, преклонил колено и поцеловал подол его одеяния.

— Приветствую тебя, царь Иудеи!

— И ты будь благополучен, Герод! Как же я рад тебя видеть в это страшное время! И знай, что я любил Антипатра, как самого близкого друга, — поспешно добавил он.

— Я постараюсь заменить его, насколько хватит моих сил, — ответил Герод. — Прости, царь, но я должен повидать мать.

Герод поклонился и вышел.

Гиркан слаб. Он вцепится в любую няньку, которая даст ему возможность не думать о правлении, не размышлять о близости катастрофы и тщетности бытия. И так же легко сменит ее. Но и Фасаэль — не опора. Отец не смог передать ему своей силы. Не случайно он не хотел отпус-

кать его от себя. Силен духом младший брат, Иосиф. Но и он еще нуждается в опеке. Слишком самонадеян. Ферарос же полностью погружен в удовольствия, любовные утехы, торговые дела и не желает знать ничего, кроме них.

Знакомое юное создание заступило ему дорогу.

— Здравствуй, Ирод, защитник народа! — приветствовала его девушка. — Почему тебя не было так долго? Дедушка Гиркан плакал и звал тебя. А дядя Антигон писал мне, что ты ешь маленьких детей. Только он обманывал. Я знаю.

— Я спешил, принцесса Марьянма! Как только смог, прибыл в Ерушалаим! А маленьким детям я предпочитаю больших овец. Особенно на обед, — почтительно, хотя и с иронией, как и положено старшему в отношении младшей, ответил Герод.

— Я тоже скучала по тебе, — вдруг выпалила принцесса и выбежала прочь.

Опять Герод почувствовал странное теснение в груди, такое неуместное в столь трудный час.

Но через миг он уже забыл о чудном видении. Слишком много дел. Герод посетил мать. Нежностью и почтением он смог заставить Кипру поесть, сменить одеяния, омыться. Лишь когда из постели послышалось равномерное дыхание спящего человека, Герод вышел в зал дома Антипатра. Здесь его ждала семья. Ждали советники и воины, купцы и близкие друзья — те, кто и составлял опору дома.

Почти неделю во время ежедневных собраний Герод только слушал. Торговая держава Антипатра была велика. Чтобы принять решение, нужно было знать слишком много, услышать слишком многих. Через неделю он уже сам вел совет семьи.

Начал говорить Нафанаил, один из самых близких советников отца, переданный им Героду.

— Времена трудные. Римляне схватились в Македонии. Не сегодня, так завтра войска Антония и Октавиана сойдутся с армией Кассия и Брута. Кто победит, знает лишь Единый. Армия наследников Цезаря меньше, но намного лучше обучена. Ее основу составляют ветераны Великого Римлянина. Но Кассий — сам великий полководец. И он сумел собрать сто тысяч воинов в Азии. Ему помогли парфяне. Для нас эта война — беда. Кто бы из них не победил, римляне будут слабее, а значит, угроза со стороны Парфии усиливается. К царю Парфии, Ороду, бежал Антигон. Царь милостиво принял его. И это тоже плохо.

— Как дела с торговлей? — спросил Герод.

— Здесь, хвала Единому, все в порядке. Караваны идут. Купцы Финикии и Дамаска стараются брать наши товары. В обратную сторону идут вина и масло, оружие и прочные ткани для палаток кочевников. Пошлины Самарии и Финикии дали нам еще триста талантов, а доходы с торговли составили за год две тысячи талантов.

— Это хорошо. Сколько воинов мы можем собрать к Ерушалаиму?

— Кроме тех, которые охраняют караваны — восемь тысяч мечей, — это уже Бранн, ставший главным военачальником дома.

Братья Герода сидели молча. Так было и на советах, которые проводил Антипатр.

— Теперь слушайте меня, люди дома Антипатра, — начал свою речь Герод. — Нужно принимать меры, чтобы трудные времена не стали еще труднее. Можем ли мы выстоять одни против войска парфян? Нет. Можем ли мы рассчитывать на помощь римлян, когда они сошлись в великой битве между собой? Опять нет. Потому — Нафанаил, постепенно и незаметно переведи основные торговые потоки на Александрию. Ферарос (брат встрепенулся), ты поедешь в Александрию. Нужно, чтобы у нас

там был свой торговый дом со складами, друзьями и союзниками. Советник Симон тебе поможет.

Худощавый иудей важно кивнул головой, а Герод продолжал:

— Вы возьмете все, что будет нужно для этого: золото, коней, людей, товары. Этнарх Александрии сделает ваш путь легким. За это мы простим ему треть его долга нашему дому. Пусть в нашем александрийском доме хранится четверть всех запасов дома Антипатра. А сам дом пусть, кроме пряностей, начнет активнее внедряться в торговлю зерном. Ты начал это дело, брат, тебе и продолжать.

— А остальное золото? — спросил Барух, бывший с Геродом еще в Галилее.

— Ты спросил правильно. Еще четверть пусть хранится в нашем представительстве в Аскелоне. Оставшиеся части разделим между Идумеей и Ерушалаимом. В Идумею поедешь ты, Иосиф. С собой возьмешь пятьсот воинов. Но после того, как сокровища будут надежно укрыты, ты поедешь в крепость Масаду. Будешь готовить ее к осаде. Она должна стать нашей надеждой в черный день.

— Ты думаешь, что такой день настанет? — спросил младший брат.

— Я хочу, чтобы мы были к нему готовы. Да, Нафанаил, нужно очень постепенно найти торгующих в Дамаске и Тире купцов, которым мы можем полностью доверять. Если нам придется покинуть эти места, они должны продолжить нашу торговлю. Это возможно?

— Это трудно. Купец ищет выгоду. А союз со слабым — плохая сделка. Лучше я сделаю «купцами» наших людей, посажу их в Тир и Дамаск, велю вести караваны от Красного моря.

— Хорошо. Еще пошли нашего человека в Эфес. Пусть начнет обустраивать торговлю в этих краях. Я знаю, что будет трудно. Но это важно. У него тоже должно

быть все, чтобы начать дело и успешно его развивать. Теперь про воинов. — Герод обернулся к Бранну. — Пятьсот воинов пойдут с Иосифом. Триста — с Фераросом. Еще пятьсот воинов пусть сидят в Самарии. Столько же в Финикии. Двести воинов, как лазутчиков, отправить в сторону Антиохии и Ирана. Этих отберешь сам. Тысяча клинков пусть ждут нас в Идумее. Остальных стянуть к Ерушалаиму.

— Я понял, Герод.

— Да, еще. Фасаэль, сколько воинов у тебя в Ерушалаиме?

Фасаэль словно вынырнул из омута, не понимая, что хочет от него брат.

— Брат мой, тетрарх Ерушалаима, сколько воинов есть в Священном городе?

— Ну, тысяч десять будет, — далеко не сразу ответил Фасаэль. — Но это совсем слабые, ненадежные воины.

— Нужно из них сделать хоть пять тысяч надежных, таких, которые смогут отстоять город, если возникнет такая опасность. Да, последнее. Воля Всевышнего непостижима умам смертных, потому нужно готовиться к любому развитию событий. Пусть половина богатств семьи, что находятся здесь, будут превращены в драгоценные камни, а камни уложены в мешки. Пусть все это хранится в подвале нашего дома и при хорошей страже. Две тысячи воинов должны быть готовы в течение полчаса выступить по команде. Пусть все члены семьи, что находятся в Ерушалаиме, не покидают дом, не сказав управляющему, где их можно будет быстро найти.

— Герод, ты ждешь беды? — спросил Иосиф.

— Я хочу быть к ней готовым. Отец возложил на меня ответственность за дом и семью. Я хочу быть уверен, что я буду чист перед его памятью, что я сделал все. Это и будет лучшим поминовением Антипатру.

Часть третья.

Дом Герода

Глава первая. Беглец

Бедя не заставила себя ждать. При Филиппах сошлись армии республиканцев (или освободителей, как они себя называли) и соратников Цезаря. Долгое сражение клонилось то на одну, то на другую сторону. Республиканцам удалось сильно потеснить порядки Октавиана, но удар отрядов Антония во фланг смял наступающих, отбросил их. Гай Кассий, решивший, что битва проиграна, бросился на меч. После этого отступление республиканцев переросло в бегство. Брут, второй лидер сенатской партии, тоже покончил с собой. Судьба Республики была решена. Но война продолжалась. Победителям было не до далеких восточных провинций, тем более, дотла разоренных Кассием.

Однако иначе виделась ситуация из дворца парфянских владык. Бежавших с поля боя при Филиппах воинов ласково принимали в Ктесифоне. При содействии царя Орода бывший легат Брута Квинт Лабием смог собрать войско и начать наступление в Киликии и Пергаме. На юг начали наступление парфянские войска, ведомые царевичем Пакором. Ослабленные римские легионы оттеснялись в горы, уничтожались. Вместе с Пакором шел претендент на Ерушалаимский престол, царевич Антигон. К нему примкнули и отряды его сторонников из иудеев.

Герод узнал о продвижение Пакора, когда тот только подходил к Антиохии. Знал он о сорока тысячах воинов, идущих с царевичем, и двух легионах, противостоящих им. Он приказал стянуть все силы к Ерушалаиму, понимая невозможность защиты Самарии. Шесть тысяч воинов Герода, десятитысячный гарнизон, который Герод при содействии своих помощников хоть немного обучил навыкам сражения — вполне достаточная сила, чтобы

отстоять город.

Понимал это и Пакор: тройная стена, построенная еще Антипатром и Геродом, сильный гарнизон, любовь населения и вера его в счастливую звезду Герода... Потому он и решился на игру. Из временной резиденции царевича в Ерушалаим прибыло посольство. Сын царя царей, как официально именовали себя парфянские владыки, вызывал царя Гиркана и сыновей Антипатра на суд по жалобе Антигона.

Он обещал неприкосновенность своим гостям. Послы были вежливы и почтительны. Герод, пытаясь убедить вновь испуганного до смерти Первосвященника в том, что это ловушка, выходил из себя. Царь впервые за всю жизнь решил проявить непреклонность. По вечерам из ворот крыла дворца, где остановилось посольство, выходили люди, плотно укрытые плащами. Таясь по переулкам, они пробирались во дворцы владык колен Израиля, дома членов Синедриона из саддукеев. Все это видел Герод, но не видели или не хотели видеть Гиркан и Фасаэль. Они решили отбыть вместе с посольством. Герод не поехал. Перед расставанием Гиркан призвал Герода к себе.

— Герод, друг мой, у меня плохое предчувствие, — начал царь.

— Царь, — уже безо всякой надежды просил Герод. — Не езжай к Пакору. Это смерть.

— Я знаю, но должен попробовать уладить все без крови. Это мой долг царя. Но сейчас я о другом. Я хочу, чтобы ты взял в жены мою воспитанницу и внучку, принцессу Марьямну, заботился о ней так, как отец твой, Антипатр заботился о твоей матери Кипре.

— Но она из рода Хасмонеев.

— Я знаю. Потому и хочу, чтобы последние члены моего рода не исчезли в этой войне. Заботься о ней и ее брате. Обещаешь?

— Царь, я сделаю все, что в человеческих силах. Но захочет ли этого сама Марьянма?

— Захочет. Я говорил с ней. Я ее дед, и в отсутствии отца я вправе решать ее судьбу.

— Ты предлагаешь мне руку принцессы из дома Хасмонеев?

— Да. Ты согласен?

— Царь! Это великая часть для меня.

— А теперь ступай. Свое согласие на ваш брак я написал. Тебе его вручат. Я же должен подготовиться к путешествию, обратиться мыслями к Всевышнему.

Герод понял, что это прощание. На следующий день царь и тетрарх отбыли на суд парфянского царевича. Младший брат, Иосиф, во исполнение приказа старшего брата тут же отбыл в Масаду. А сам Герод начал готовиться к обороне. Но события развивались слишком быстро. Уже через неделю в город прибыл тайный вестник из ставки парфян. Фасаэль был заключен в темницу и там покончил с собой. Гиркан с обрезанными ушами, что лишало его прав на престол, в цепях увезен в Вавилон.

Герод велел запереть ворота и расставить воинов на стены. Но не прошло и недели, как войска Пакора подошли к городу и окружили Ерушалаим. Не приближаясь на опасное расстояние, где их могли достать защитники города, они обстреливали Ерушалаим с помощью метательных машин. Впрочем, результат этих обстрелов тоже был довольно скромным. Обе стороны выжидали. Город тем временем бурлил. Кто-то склонялся к мысли, что парфяне не хуже римлян, а Антигон тоже из рода Хасмонеев и вполне может заменить Гиркана, который лишился права на престол.

Соратники Герода думали иначе. Но за пределами военных отрядов убежденных сторонников битвы до конца становилось все меньше. Несколько удачных вылазок в лагерь парфян на время поднимали настроение

жителей осажденного города, но общей ситуации не меняли. Парфяне жгли окрестные деревни, оливковые рощи. Все это со стен города видели жители, и решимости это им не добавляло. Было понятно, что ситуация развивается в крайне неблагоприятную для дома Антипатра сторону. А помощи ждать неоткуда.

Герод стоял на башне у ворот, ведущих в Самарию. Было раннее утро. Солнце едва освещало порядки противника. Здесь парфян было меньше. В основном были видны отряды врагов из иудеев, сторонников Антигона. Внизу башни слышался шум:

— Господин! Господин! Изменники открыли Яффские ворота! Парфяне уже на улицах города!

Это он и предполагал. Город слишком большой, а люди разные. Многим Антигон ближе Герода. Кто-то ненавидит его так, что готов на что угодно. Они, готовые отдаться любому, кто избавит их от антипатридов, нанесли свой удар. Герод бросился вниз:

— Быстро выставить заслон на прорыве, всех остальных ко мне. Ты и ты, со мной во дворец.

Во дворце он успел собрать свою мать, дочь Гиркана Александру и внуков царя, девушку, так странно беседовавшую с ним, и ее малолетнего брата. Семья, домочадцы, воины и множество жителей города ринулись в сторону, противоположную от Яффских ворот. Остатки войска Герода должны были сдержать, насколько можно, парфян и уходить ночью. Воины быстро раскидали бревна, раскрыли ворота, войско Герода рванулось к врагам. Те тоже не ожидали столь стремительного удара, отступили. Беглецы не стали ввязываться в битву и бросились прочь.

Дорога на Масаду заполнилась бешено скачущими конями, повозками, бегущими мужчинами и женщинами. Оставив три сотни воинов в заслоне, Герод устремился к крепости. Он понимал, что погоня будет. Понимал и то, что она не может быть особенно многочисленной.

Пакору и Антигону важнее удержать город, чем догнать Герода. Вдруг дорогу огласил вой:

— Госпожа! Госпожа!

К Героду подскакал всадник из отряда, сопровождающего свиту матери:

— Господин! Госпожа Кипра упала с коня и расшиблась!

Герод бросился к колонне. Мать!

Женщина лежала на земле. Голова была запрокинута. Дыхания почти не было слышно. Герод бережно взял тело немолодой женщины, отнес его до ближайшей повозки, положил на мягкие тюфяки. Колонна остановилась. Герод понимал, что им нужно бежать. Понимал и то, что гонка просто убьет мать. Он разрывался. Вдали уже показался столб пыли — это приближалась погоня. Решение родилось сразу.

Повозки с женщинами и безоружных мужчин — за спины. Пустые повозки — вперед. Перевернуть. Лучники — за повозки. Пехота — за лучников. Конница — скрыться за холмами. Все заняло считанные мгновения.

Когда стремительные отряды конницы приблизились к войску Герода, перед ними предстала дощатая стена. Кто-то успел остановиться, но большинство продолжило бег. Навстречу им метнулись сотни стрел, десятки всадников упали на землю, под копыта надвигающихся преследователей. Вновь взлетели стрелы. В погоне не участвовали латники, потому стрелы легко находили уязвимое место. Герод разделил лучников на два отряда. Пока один стрелял, второй готовился. Поток стрел, не останавливаясь, лился на парфян и их союзников. Сотнями они падали с коней. Десяток всадников, все же перемахнувших через заграждение, попал на копья тяжелой пехоты, стоящей за стрелками.

Преследователи, осознав, что попали в засаду и потеряли уже не одну сотню воинов, так и не добравшись

до врага, попытались повернуть назад, но в тыл им ударила конница Герода. Герод рубил врагов, упиваясь собственной яростью, горем, болью за смерть отца, брата и несчастья матери. Клинья сомкнулись, перемолов тысячи парфян и их иудейских союзников. Жалкие остатки отряда преследователей, охотников, ставших жертвой, бежали в сторону Ерушалаима. Войска Герода не стали их преследовать.

— Господин! Ваша мать пришла в себя! — подскакал к нему вновь всадник из свиты, когда Герод, наконец, остановился и опустил меч.

Герод бросился к повозкам. Кпира уже сидела, облокотясь на подушку.

— Мать! Ты благополучна? Цела? — Герод целовал руки женщины, давшей ему жизнь.

— Все хорошо, сын мой. Мы можем ехать дальше, — как ни в чем не бывало, величаво ответила мать.

Движение возобновилось. Сражений больше не было. Небольшие отряды парфян, рыскавшие по пустыне, не рисковали нападать. Самых наглых отгоняли залпами лучники. Шли всю ночь, а к утру показалась Масада, возвышавшаяся на плоской скале, господствующей над местностью. Оставив в крепости мать и самых усталых и раненых воинов, Герод поспешил далее. Иосифу было поручено дожидаться воинов, которые поодиночке и небольшими группами должны были бежать из Ерушалаима, а потом прорываться в Набатею. Оставив там мать со свитой, больных и слабых, Иосиф должен был отбыть в Идумею, где дожидаться возвращения брата.

Сам же Герод вместе с верной тысячей воинов, Марьямной, ее братом, Аристобулом и самыми близкими советниками выехал в Александрию. Но и это был не конечный пункт путешествия. Он должен был быть в Риме. В конфликте с великой державой у маленькой Иудеи, ее изгнанных властителей шансов нет. Если за нее

не вступится другая великая держава. Тем более, одного из триумвиров Герод знал давно. Антоний бывал у них дома, долго и охотно общался с отцом, часто беседовал и с самим Геродом. Аскелон был ближе. Но корабли, стоящие в Аскелоне, были малы. Они предназначались для плавания на острова, изредка — в Малую Азию. Да и отряды Пакора уже приближались к стенам Аскелона. В Александрии стояли мощные квадриремы и квинкваремы — самые крупные корабли, способные выдержать любое путешествие, а три легиона римлян и двадцать тысяч гоплитов обеспечивали ее безопасность.

Дорога до Александрии была немного дольше, но спокойнее, чем бегство в Масаду. Она пролегла по территории дружественных племен и по идумейской земле. Но Герод спешил. Если Антигон сможет укрепиться, то сместить его, заменив на Аристобула-младшего, будет очень не просто. В Набатее он пытался вернуть долг, который числился за монархом. Но был встречен на границе войском, глава которого сообщил ему, что царь не желает видеть Герода, способного поспорить царство с Парфией. Возможно, долгие переговоры смогли бы дать благоприятный результат, но Герод не мог ждать долго.

Все более понятно становилось то, что лишь заступничество римлян может спасти дом Антипатра, да и саму Иудею вырвать из рук парфян. Он решил ехать в Рим. Путь в Рим лежал через Александрию. Туда и отправился изгнанник. Через пустынные пространства и холмы, заросшие жесткой пустынной травой, Герод упорно пробивался в Александрию; караван из ближних людей и тысячи лучших воинов шел и шел через пески.

Герод все чаще останавливался у повозки, в которой ехала Марьянма, рассказывал смешные истории, старался скрасить тоску долгого путешествия по бесплодным холмам. Девочка реагировала на шутки, но что-то томило

ее. Она порывалась спросить и одновременно боялась. В один из дней, когда караван уже завершал переход, а передовой отряд высматривал место для ночлега, девочка, уже несколько минут угрюмо смотревшая на Герода, вдруг спросила:

— Дедушка Гиркан сказал, что ты теперь мой муж и будешь обо мне заботиться. Это правда?

— Я обязательно буду о тебе заботиться, принцесса, — ответил несколько смущенный Герод. — Но мужем твоим я стану, только если ты сама захочешь.

Девочка приняла важную позу и задумалась. Вытерпев пару минут, она, повелительно взглянув на мужчину рядом, торжественно произнесла:

— Тетрарх Герод, я, принцесса Марьянма из рода Хасмонеев, согласна стать твоей женой.

Но забывшись, вдруг перешла к своей обычной манере разговаривать.

— А еще я хочу ехать на лошади и ночевать в твоей палатке.

— Принцесса, моя палатка намного меньше и неудобнее, чем шатер, который служит местом ночлега для тебя. А женой моей ты станешь, когда на престол в Ерушалаиме взойдет твой брат, Аристовул. Хорошо?

— Аристовул, неуклюжий маленький мальчишка! — засмеялась принцесса. — Как он может быть царем?

— Он — мужчина из рода Хасмонеев. Значит, он может быть царем. Когда же он вступит в пору зрелости, то станет и Первосвященником. А чтобы он стал мужчиной и мудрым правителем, я буду рядом с ним. Буду помогать ему, как помогал царю Гиркану мой отец, Антипатр.

— А дядя Антигон? Мы его прогоним?

— Обязательно прогоним. Для этого мы и поедем к нашим друзьям в далекий город Рим.

— В Рим плывут по морю, а мы едем по пустыне. Так

в Рим не доберешься.

— В Рим плывут только большие корабли. Мы поедем в город Александрия, к царице Клеопатре. Попросим у нее большой корабль.

— Мама говорит, что Клеопатра — плохая женщина. Она думает, что я еще маленькая. А я знаю. Она спит со всеми мужчинами, которые ей нужны.

— Почтенная Александра, твоя мать, не вполне права. Давай оставим эту тему.

— С тобой она тоже будет спать. Ты красивый. Только ты не соглашайся. Ты же теперь мой муж? Так?

— Хорошо, принцесса, я обязательно откажусь разделить ложе с царицей Египта, — рассмеялся Герод, прощаясь.

Герод отъехал от повозки и направился к своим войнам. Нужно было обустроить лагерь, распорядиться о приготовлении пищи. Да и просто подумать. Положение становилось все более напряженным. Иосиф успел прорваться в Набатею, надежно спрятав там Кипру и дочь Гиркана, мать Марьямны Александру. Но Иудея и Идумея подверглись нашествию парфян. Главные крепости были разрушены, вытоптаны поля, угнан скот. За свое воцарение Антигон расплатился с Пакором караваном золота. Говорили о тысяче талантов золота, отданных новым владыкой Иудеи. Можно было не сомневаться, что запасы Храма и дворца перекочевали за Евфрат. Все подвластные ему земли были обложены налогом в пользу победителей-парфян. Еще немного, и Иудею нужно будет не отвоевывать, а возрождать заново.

Нужно спешить. Только Рим остается надеждой. Только Антоний. Потому нужен корабль, который домчит его в Вечный город, нужно место, где он сможет спокойно оставить свою невесту и близких людей. Таким местом и будет Александрия. По крайней мере, Герод на это очень надеялся.

Иосиф Флавий сидел на берегу моря. Волны нескончаемой чередой набегали на скалистый берег, рассыпались в мириадах всполохов и откатывались назад, в бесконечную синеву, подсвеченную дневным светилом. Флавий думал о человеке, чья жизнь была ему глубоко неприятна, враждебна. И, тем не менее, захватывала, притягивала, манила. Он вновь и вновь думал об Ироде, проклинаемом и прославляемом; Ироде, чья жизнь шла против всех ожиданий, всех молений. В эпоху, когда все думали только о смерти, распаде, когда ждали всеобщей гибели, он решил бороться. Он решил закрыть глаза на все страшные пророчества, на все проповеди мудрых толкователей Святой Книги. Почему? Зачем? Зачем брести против течения в половодье, когда знаешь, что победить невозможно. Ведь знал же? Знал. И тем не менее шел. Жил своей неправильной жизнью. И она была — неправильная, невозможная, но невероятно яркая жизнь. Что-то должно было жечь его, толкать на все эти немыслимые деяния. Что? Честолюбие! Наверное, оно. Он мнил себя выше и чище других. Наверное, так.

Иосиф вспомнил о пересудах, которые ходили о визите Ирода к царице Египта, Клеопатре. О том, что та добивалась Ирода, о том, что Ирод отказал ей. Правда ли это? Похоже, что нет. Думаю, что сам Ирод, или ближние его не смогли преодолеть искушения украсить свою биографию эпизодом о «домогательствах» царственной куртизанки. Наверное, было все банальнее.

Парфяне угрожают уже и границам Египта. Римляне, решающие вопрос о власти, никак не могут помочь. В этих условиях Ирод — вполне реальный и сильный союзник, за которым стоят тысячи мечей и слава победоносного военачальника. Скорее, Клеопатра предлагала

ему не постель, но место полководца. Любому другому это предложение могло бы показаться привлекательным. Три римских легиона, собственные силы — вполне достаточно, чтобы отбить натиск парфян. Но Ирод грезил об Иудее, его Иудее, спасенной вопреки желанию ее самой. Потому, отговорившись необходимостью согласовать свои действия с Антонием, он отбывает в Рим.

Флавий выводил:

Затем, однако, Ирод все-таки считал более разумным удалиться в Египет. Тогда он прибыл в какое-то святилище (где он оставил небольшой отряд своих приверженцев), а на следующий день в Ринокоруру. Когда он прибыл туда и находившиеся там корабельщики не захотели повезти его в Александрию, он обратился к начальствующим лицам. Принятый последними с почтением и сопровождаемый ими к городу, он прибыл туда и был там удерживаем Клеопатрой. Однако Клеопатра не смогла уговорить его остаться у нее, потому что он вследствие наступления зимы спешил в Рим, тем более, что из Италии приходили вести о тамошних смутах и больших политических переменах.

Флавий оторвал глаза от пергамента и уставил взгляд на море: вечная вереница волн, набегающих одна за другой на берег, вечный бег и вечное стремление. Флавий представил корабль, несущийся по этой неостановимой синей пустыне в неизвестные просторы. Он видел этот корабль, несущий Ирода к столь желаемым и столь непонятным ему берегам. К берегам Великого Рима.

Герод смотрел на волны, бегущие вдоль мощного тела его корабля, несущегося к берегам Италии, к воротам Великого Рима. За спиной остались переговоры с царицей Клеопатрой, едва не завершившиеся открытым конфликтом, долгие уговоры Марьямны остаться в Александрии во дворце представительства дома Антипатра. Гораздо охотнее оставался любитель книжной мудрости, ее брат Аристокбул, быстро нашедший себе среди иудеев Александрии учителей и наставников. В прошлом осталась и буря, вынесшая его корабли вместо вожаемой Италии на берег острова Родос. Впрочем, эта же буря позволила ему избежать столкновения с кораблями Секста Помпея, пиратствовавшими в тех водах.

Герод мог отправиться на попутном корабле, но решил построить свой собственный. Причин тут множество. Не последняя из них — необходимость произвести впечатление на своих покровителей, римлян. Он придет не просителем, а союзником. Не подданным, но гражданином Рима. Для этого пришлось отправлять гонца в Эфес, где теперь тоже было одно из представительств дома Антипатра. Вложенные некогда средства вернулись сторицей. Корабль был куплен. На остаток средств Герод повелел построить на Родосе колоннаду Ирода. И граждане Родоса славил его имя. Что ж, когда-нибудь и это пригодится.

Путь лежал в Брундизий, ближайший порт Италии. Здесь совсем недавно примирились Октавиан с Антонием, составив силу, о которую разбились армии заговорщиков. Здесь сходились сухопутные дороги и морские пути Апеннинского полуострова. Сюда стремился Герод.

После штормов, потрепавших триеру, при прохождении мимо Пелопоннеса, после долгого дрейфа по Адри-

атике, наконец, на горизонте показались отмели Италии. Низкие берега порта образовывали огромную гавань, напоминающую рога оленя, откуда и возникло название самого города. Сам город в тот период насчитывал более ста тысяч жителей. Огромная гавань вмещала десятки (если не сотни) кораблей. Портовые районы тянулись на много стадиев. Тяжелый запах от складов с кожами, от гниющих остатков продуктов, выбрасываемых в прибрежные воды, от морских водорослей слоился над водой и кораблями, между которыми пробиралась триера Герода.

Итак, он, гражданин Рима, ступил на итальянскую землю. Магистрат города принял Герода в своем доме со всем возможным уважением. Дом был далек от роскоши александрийских дворцов. Тем не менее, после долгого путешествия Герод и его спутники были рады ночлегу под крышей на мягкой постели, посещению терм, пиру, который дал в их честь римский магистрат. Они не видели, как в час, когда они располагались для недолгого отдыха, из дома магистрата выехал всадник и помчался по дороге в Вечный город. Он вез письмо новому владыке Рима, Марку Антонию.

Два дня провел Герод в городе на самом краю Италии. Видел огромные корабли с зерном, прибывающие из Египта, видел суденышки с сушеной рыбой, переплывавшие пролив из Сицилии. Видел тысячи разных торговцев, заполнявших городской рынок, склады и дороги, вереницы рабов, несущих тюки с товаром. К исходу второго дня хозяин передал Героду письмо от Антония с приглашением в его виллу близ Рима. Через час небольшой отряд всадников уже мчался по дороге, окрестности которой еще несли следы гражданской войны.

Марк Антоний медленно потягивал вино из серебряной чаши, разглядывая письмо из Брундизия. Он думал. В принципе, у него остались самые добрые воспоминания от общения с семейством из далекого Ерушалаима. Будь он молодым легатом, когда вместе с проконсулом Габинием они приводили к покорности восставших туземцев, он кинулся бы на помощь еще более молодому сыну Антипатра. Но времена изменились. Тут нужно подумать, насколько полезен сегодня изгнанник Герод. Его визит можно сделать поводом для того, чтобы взять себе все восточные провинции, как тот же Кассий. Скажем, для помощи верному союзнику Рима и восстановления спокойствия.

Со времен веселой юности Антоний не любил Рим, важных и самодовольных сенаторов, каждый из которых считал себя пупом земли, носился со своими предками, своей образованностью. Волею судьбы и великого Цезаря Антонию пришлось общаться с ними. Любви к отцам отечества это не добавило. Гораздо больше он любил дружескую компанию, душевную беседу, общество прекрасных и, что важно, доступных женщин. Даже армейский лагерь был ему роднее, чем форум и сенат. Пусть Октавиан спорит и дружит с ними. Он — их. Плоть от плоти. Хоть и вырос в неизвестности, пока Юлия, сестра Цезаря, не взяла на себя заботы о воспитании мальчишки. Антоний другой. Он не встает на котурны, не репетирует ночами речи, как этот выскочка Цицерон. Он живет и любит жизнь. Любит радость, которую дарит вино, друзья, любимая. А остальное? Так ли это важно? Впрочем, власть тоже штука неплохая. Она — путь ко всему тому, что он любит. Да и возможность быть сильным и благородным, помочь другу в беде — разве это не здорово? Нет.

Определенно. Ироду он поможет.

Антоний позвонил в колокольчик. Показался слуга-грек.

— Как только прибудет посланец из Иудеи, Герод или иначе Ирод, сразу ве́ди его ко мне. Понятно?

— Да, господин!

— Вот и молодец! А пока ве́ли подать еще вина. Этот сосуд опять оказался слишком маленьким.

Не успел Герод и его спутники подъехать к изгороди, окружающей виллу Марка Антония, как ворота открылись, навстречу вышел невысокий и важный грек-управитель:

— Господина зовут Герод сын Антипатра?

— Да, — несколько удивился такой поспешности и осведомленности Герод.

— Великий Марк Антоний ждет тебя. Твоих спутников я провожу.

— Благодарю тебя, добрый человек, — ответил Герод и, спешившись, в сопровождении управителя направился по желтой песчаной дорожке, идущей мимо усаженных ровными рядами деревьев, к главному входу, отделенному от парка рядом колонн. За ними пошел один из сопровождающих Герода с сумой на плече.

Герод прошел через богато украшенный атрий, управляющий указал ему на перистиль. Взяв у сопровождающего суму, Герод шагнул за занавес. В комнате, за столом, на котором рядом с кувшином фалернского вина лежали свитки, сидел хозяин. Судя по блеску его глаз, фалернское ему было намного интереснее свитков.

— А, малыш-Герод! Как я рад тебя видеть! — гигант

вскочил с кресла и сгреб в охапку совсем не маленького Герода.

— Приветствую тебя, благородный Антоний! — несколько с трудом выдавил из себя потерявшийся в объятиях Герод.

— Ладно, ладно, — Антоний весело рассмеялся. — Дай посмотрю на тебя! Воин! Настоящий римлянин! О тебе уже говорят в Вечном городе. Отец был бы горд тобой!

Тон Антония изменился. Он уже знал о смерти Антипатра.

— Рассказывай. Что происходит на востоке? Подожди. Сейчас выпьем отличного вина с дороги... — Антоний сам наполнил чаши. — Вот. А теперь рассказывай.

— Рассказ мой нерадостный, Великий Антоний, — начал Герод. — Антипатр, мой отец, погиб. Восток захвачен. В Азии бесчинствует враг Цезаря Квинт Лабие. В Сирии стоят войска царевича парфян Пакора, в Иудее — его ставленника Антигона. Царь Гиркан отстранен от власти. Мой старший брат Фасаэль погиб. Мой младший брат, Иосиф, с частью воинов скрывается в Идумее. Другая часть пока стоит на границе с Египтом. Но нас слишком мало, чтобы противостоять парфянам. Мы ждем помощи Великого Рима, твоей помощи, Антоний.

Герод нагнулся к суме, лежащей возле стола. Вынул оттуда меч в простых кожаных ножнах, но с рукояткой, украшенной огромным рубином. Антоний внимательно посмотрел на сына своего приятеля. Герод поднялся из кресла и склонил голову.

— Это — наша святыня, меч моего отца, Антипатра. Он защищал нас все эти годы, спасал от бед. Сегодня мы молим тебя, Марк Антоний, о помощи и просим принять меч защитника.

Антоний взял меч из рук Герода, продолжавшего стоять со склоненной головой. Меч походил на гладий,

обычный римский меч, но полотно лезвия отличалось. Тусклый блеск выдавал работу оружейников Дамаска. Он взвесил меч в руке. Балансировка идеальная. Но ведь дело не в ней. Это память об отце. Мальчишка вручает ему, Антонию, власть над собой, молит о помощи. Да, Антоний любил радости жизни, ценил те удовольствия, которые следуют на цепи за властью, но он ценил и другое. Дружба, доверие — это не менее важно. Где-то в самой глубине было и любованье собой, высоким и благородным, спасающим несчастного юношу, пострадавшего за верность Риму. Антоний встал. Обнял Герода.

— Мальчик мой, Великий Рим не оставит в беде своего гражданина, а Марк Антоний не бросит сына своего друга. Завтра мы едем в Рим.

Глава вторая. Рим

Огромный город, крупнейшее во всей Ойкумене скопление людей, дворцов, лачуг, площадей и всего, что делает город городом, обнесенный мощными стенами. Таким был Рим, когда к нему подъезжал Герод, сопровождая самого могущественного человека Вечного города, триумвира, Марка Антония. Подъехав к Палантинскому холму, они направились к одному из дворцов, в изобилии окружавших форум, сердце римской державы.

— Здесь живет Гай Цезарь Октавиан, наследник Великого Цезаря. Нужно, чтобы он стал твоим сторонником, Герод, — проговорил Антоний. — Он — наглый и самодовольный мальчишка, но лучше, чтобы он был нашим сторонником, чем врагом. Ты понял меня?

— Понял. Я сделаю все, как ты сказал, — ответил Герод, поднимаясь по лестнице к входу в главное здание.

В просторном зале, украшенном мозаикой, обставленном золоченой мебелью и картинами, развешанными по стенам, их встретил невысокий худощавый юноша, совсем не героической внешности. Его подозрительный взгляд перемещался с Антония на Герода и обратно. Наконец, губы растянула улыбка, но глубоко посаженные глаза оставались холодными.

— Приветствую тебя, Марк Антоний, и тебя, гость! Рад вашему визиту. Что за дело привело вас в мой дом?

— Здравствуй, Гай! — откликнулся Антоний — Это Герод, сын моего друга, прокуратора Иудеи Антипатра. Он приехал просить помощи Рима против парфян, захвативших его страну.

— А. Это то самое семейство из Иудеи, которое столько раз выручало нас на этой не особенно гостеприимной окраине, — уже теплее улыбнулся Октавиан.

— Великий Цезарь даровал нашей семье права римских граждан. Мы стараемся верно служить Риму, — с поклоном ответил Герод. В этот раз он был одет в римскую тогу, а на переплетенных ремнях легионера висел гладий в простых ножнах.

— Что ж, это достойный ответ. А не ты ли помог собрать деньги нашему врагу, Кассию, Ирод сын Антипатра, гражданин Рима?

— Я выполнял распоряжение наместника провинции, будучи римским магистратом, подчиненным ему.

— Оставь, Гай! — вступился Антоний. — Что он мог противопоставить Кассию? А то, что парень хорошо понимает в том, как добыть деньги, это признают все. Да и воевать умеет. Думаю, сейчас нам это очень пригодиться.

— Это так. Но у парня сегодня нет ни страны, из которой можно черпать подати, ни воинов, которыми он смог бы ее отвоевать, — проговорил Октавиан задумчиво. — Это так, Ирод сын Антипатра? — обратился он уже непосредственно к Героду.

— Во многом ты прав, наследник Великого Цезаря. Но не во всем, — спокойно ответил Герод, глядя прямо в глаза триумвира.

— И в чем я не прав?

— Сегодня Азия для Рима почти потеряна. Парфяне вошли в Киликию и Понт, подходят к границам Египта. Их ставленники сидят на тронах Коммагены и Иудеи. Но парфяне — грабители. Население бежит от них. Поддержите меня сегодня. И завтра я соберу армию. Ее не хватит, чтобы освободить Иудею и Келесирию, но хватит, чтобы отвлечь силы врага, в то время как римские легионы начнут наступление в Азии.

— И что дадут Риму эти разоренные провинции? — уже несколько спокойнее промолвил Октавиан.

— И здесь не все просто, Гай Цезарь Октавиан. Сегод-

ня провинции разорены. Но пройдет год, и поля опять дадут урожай. Особенно если это будет год без войны. По дорогам пойдут караваны торговцев, а это пошлины. Из портов выйдут корабли. Азия — это курица, несущая золотые яйца. Дай только возможность их выносить.

— Хорошо, Ирод сын Антипатра, а что ты хочешь от Рима?

— Я — гражданин Рима! Я прошу признать меня представителем интересов Рима в статусе прокуратора Иудеи и сопредельных странах, прошу разрешить мне начать набор наемников на территории державы. Если будет возможность выделить для освобождения страны хотя бы несколько легионов, то, клянусь, вы не пожалеете о своей щедрости. Мой отец был самым верным сторонником Рима на всем востоке. Я заменяю его. Я знаю, насколько сложно сейчас вам — тем, кто решил взять на себя избавление государства от вражды, ссоры, взялся построить мир. Но, поверьте, более верного помощника у вас не было и не будет.

— А кто, по твоим рассуждениям, должен сесть на престол твоей Иудеи? Ты же не хочешь быть царем?

— Тут мое желание играет самую незначительную роль. Мой род не относится к священным коленам народа Иудеи, к его царям. Но в моем обозе и под моей опекой живет потомок царского рода Хасмонеев, Аристобул. Его я и хотел посадить на трон.

— Сколько ему лет?

— Ему сейчас десять лет. По иудейским законам он не может быть царем и первосвященником. Но я пока буду опекуном молодого царевича и позже возведу его на трон.

— А ты хитер, Ирод сын Антипатра, — усмехнулся Октавиан. — Мальчишка на троне, а ты у власти? Так?

— Так. Только у власти не я, а Великий Рим. Я же только его представитель.

— Хорошо. Я спрошу прямо: что это даст триумвиату?

— Столь же прямо попробую и ответить, почтенный Октавиан, наследник великого Цезаря. Я обеспечу закупку фуража и провианта для войска, направляющегося в Азию. А могучий Антоний обеспечит поступление золота из восточных провинций на пользу римской державы. Я буду его верным помощником и проводником в этом нужном деле.

Оба триумвира удивленно взглянули на провинциала из далекой Иудеи. Деньги стали в последнее время их кошмаром. Легионеры требовали обещанного золота и земли. Сын Помпея, Секст, укрепился в Сицилии и теперь блокировал порты Италии. Но необходимый для борьбы с ним флот тоже требовал денег. Конфискация имущества заговорщиков не сильно поправила положение — только самые зияющие дыры в бюджете триумвиров были закрыты. А тут появляется изгнанник из далекого царства на богами забытой окраине, готовый взять на себя изрядную часть расходов.

— И где ты возьмешь средства на это? — Не выдержал Антоний.

— Когда дом Антипатра был в силе, мы одалживали большие суммы купцам из Пергама и Эфеса. Сегодня пришло время им заплатить по счетам.

Лицо Октавиана приняло уже совсем дружелюбное выражение, да и Антоний выглядел крайне довольным.

— Ты получишь поддержку Рима. Так, Марк?

— Ну, мне-то этот парень совсем не чужой. Если и ты поможешь, то сенаторы примут то решение, которое нужно.

Герод в ходе разговора переместился из разряда просителей в разряд союзников, хоть и не самых значимых.

— Тогда у меня остался последний вопрос, Ирод сын Антипатра: зачем тебе все это? — спросил Октавиан.

— Что, прости? — не понял Герод.
— Ну, смотри. Ты не беден. Верно?
— Ты прав, наследник Великого Цезаря. Хотя я не так богат, как нобили Рима.

— Так вот, — продолжал Октавиан. — Ты богат. Ты — римский гражданин. Зачем ты ввязываешься в эту кровавую игру с непредсказуемым финалом? Почему бы тебе не поселиться в какой-нибудь Капуе или в Иллирии, как, скажем, наш друг Тит Помпоний Атик, купить себе дом, сад и жить в свое удовольствие? Ответ важен. Я должен понимать (и, думаю, Марк согласится со мной), что движет нашим союзником?

Герод задумался. Не то, чтобы вопрос был сложен или застал его врасплох. Об этом же не раз спрашивал его Ферарос в Александрии, да и купцы в Финикии и Дамаске никак не могли взять в толк, зачем Антипатру и его сыну-наследнику нужна эта жизнь, таящая постоянные угрозы, чреватая несчастьями и потерями. Ведь куда завиднее праздная жизнь богатого римлянина. Скорее, он искал слова, чтобы объяснить это своим покровителям.

— Это трудный вопрос, триумvir, — начал он после паузы. — Я родился в Иудее. Когда я закрываю глаза, я вижу город среди желтых холмов, покрытых жесткой травой, я вижу его жителей. Эти люди вскормили меня, там я впервые произнес слова молитвы, впервые взял в руки меч, ощутил первый поцелуй на губах. Возле стен Ерушалаима есть роща, где мой отец Антипатр любил сидеть со мной и братьями, рассказывать о том, как нам жить, как отличать черное от белого.

Мой отец завещал мне беречь эту землю, как берегут мать. Но сберечь ее, сделать ее народ счастливым можно только под эгидой Великого Рима. Это — тоже одно из убеждений, завещанных отцом. Иначе нас раздавят, перемелют более крупные народы. Наши следы затеряются среди холмов, а имя исчезнет. Могу ли я вкушать бла-

га в мирной Капуе, зная, что люди, доверившиеся мне, зовущие меня, страдают? Смысл моей жизни — отвечать за этих людей перед миром, перед судьбой. Иначе и сама жизнь мне не нужна. Не знаю, почтенные триумвиры, ответил ли я на ваш вопрос, но я старался.

Антоний одобрительно посмотрел на своего подопечного. Хорошо сказал парень. Иной сенатор лучше бы не сказал. Каков? Октавиан замолчал. Что-то такое было в пафосных и сбивчивых словах иудея, что заставило дрогнуть струны души самого триумвира. Что-то нашло созвучие. Этот иудей в чем-то был большим римлянином, чем те патриции, которым завтра надлежит решить его судьбу. Но промелькнувшая на миг вспышка во взгляде Октавиана, сразу погасла.

— Спасибо, друг Герод, — опять спокойным и каким-то бесцветным голосом проговорил Октавиан. Думаю, днями надлежит созвать Сенат. А до тех пор все обсудить. Ты согласен, Марк?

— Конечно. Я с тем и пришел.

— Что ж, завтра все и решим.

Антоний и Герод покинули дом Октавиана, холодный и чужой, несмотря на все его великолепие.

— Ладно, Герод, — сказал Антоний, когда они проходили мимо портика, опоясывающего форум. — Гай всегда был каким-то холодным и болезненным. Будто и не кровь у него в жилах. До сих пор удивляюсь, что Гай Юлий Цезарь сделал его своим наследником. Наверное, он обьелся устрицами в тот день, когда писал завешание. А мы с тобой пойдем в мой городской дом, и ты увидишь, что не все римляне похожи на Октавиана.

Пирушка у Антония затянулась за полночь, что было вполне в обычаях старшего из триумвиров. Еще будучи совсем молодым человеком, он успел промотать на таких пирушках огромное состояние. Герод не был большим любителем пиров, но понимал их важность. Здесь, на пирах под переливы арф, пируэты танцовщиц и возгласы пирующих, составлялись политические союзы, заключались договоры, воплощавшиеся в перемещениях легионов, выдвижении кораблей и во многом другом, столь необходимом для него сегодня. Не исключением была и эта пирушка.

Уже привычный зал с выложенным мозаикой полом, яркими светильниками на стенах, гигантским кабаном, запеченным целиком. Он венчал целую череду блюд с пирожками, оливками, колбасками, запеченной рыбой и сложными паштетами. Гости Антония провозглашали тосты за хозяина дома, не чураясь самой откровенной лести. Герод старался держаться в тени, хотя хозяин и уложил его на почетное место справа от себя. Впрочем, понимая, что в этом кругу нужно быть своим, он шутил, декламировал греческие и латинские стихи, внимательно выслушивал и кивал хозяину, проявлял живую заинтересованность речами Антония с его тягой к неумеренной похвальбе, гостям. Словом, по общему убеждению, показал себя воспитанным мужем и отличным собеседником. Это и было нужно Героду.

Неожиданно разговор принял не вполне желательное для Герода направление. У уже изрядно напробовавшихся самых разных сортов греческого, итальянского и даже испанского вина гостей вдруг родилась «мудрая мысль».

— А почему мы должны отдавать царство какому-то мальчишке? Как там его... Аристобул? — вдруг восклик-

нул покровитель искусств и знаменитый оратор Валерий Мессала.

— Точно! — поддержал кто-то из гостей. — Он еще и племянник этого изменника Антигона. Пока мальчишка посидит под Геродом, а там тоже начнет в сторону парфян смотреть.

— Он — кроме предателя Антигона — единственный представитель царского рода. Другого претендента могут не принять, — попытался объяснить Герод. Но разгоряченные гости не желали его слушать.

— И правда, зачем нам какой-то дикарь на троне на границе с Парфией? Да еще и возможный изменник? — не унимались пирующие.

— И верно, посадим царем Ирода! — шум за столами продолжался, заглушая и звуки музыки, и шум фонтана. — Он — римский гражданин, верный, воспитанный в римском духе.

Наконец, шум голосов донесся до уха хозяина дома. Антоний приподнялся на локте, оглядел гостей мутным взглядом, словно пытаясь сообразить, о чем, собственно, идет речь. Потом, поймав глазами Герода, воскликнул:

— Мой друг, сын моего друга будет царем Иудеи! Это правильно, почтенные сенаторы! Думаю, это решение сенату и стоит принять!

Гости, многие из которых принадлежали к членам сената, громогласно выражали согласие с мнением Антония, серьезно осложняющим жизнь будущему владыке Иудеи. В отличие от собравшихся римлян, он отлично понимал, как отнесется иудейская аристократия к царю, назначенному римлянами. Куда проще было бы оставаться в тени Хасмонеев. По крайней мере, сейчас. Но, похоже, переломить ситуацию уже поздно. Где-то он упустил момент. Да и римлян, по понятным причинам он устраивает больше, чем Аристобул. Он — римский гражданин, что уже обеспечивает его лояльность. Он не принадлежит

к родовой знати, а значит, не сможет начать «оглядываться в сторону». Их позиция понятна. Сложнее понять, есть ли выбор у самого Герода.

Уже после того, как основная масса гостей отбыла домой, а хозяин и наиболее верные приверженцы Бахуса заснули непосредственно на пиршественном ложе, Герод смог уединиться в комнате, предоставленной ему, чтобы обдумать и взвесить все, что произошло. Итак, два самых могущественных человека Рима заявили о своей поддержке. Правда, поддержка может оказаться чрезмерной. Вместо статуса прокуратора он может получить статус царя, создающий гораздо больше хлопот. Но отказаться сейчас опасно. Слишком неопределенно положение Герода. Александрийское и Эфесское представительства продолжают приносить доход. Но впервые его дом оказался без территориального ядра, без опоры и ответственности за народ. Во всяком случае, впервые на памяти самого Герода.

Из Иудеи его вытеснил Антигон, поддержанный парфянским принцем Пакором. Отношения с новым царем Nabatei тоже совсем не простые. Долг он не вернул, хотя и принял мать и будущую тещу, а также тех жителей Иудеи, которые решили последовать за Геродом. Караваны через Nabateю идут, но их стало ощутимо меньше. Война не располагает к торговле. Все сложно. Впрочем, Герод, как и его отец Антипатр, не ждал, когда обстоятельства сложатся благоприятно, а действовал в тех условиях, которые есть. Значит, и теперь стоит поступить так же. Скоро в новом здании Сената, построенном Юлием Цезарем, решение будет принято. А дальше...

Герод закрыл глаза и увидел холмы вокруг Ерушалаима. Бесконечная гряда холмов, переходящих в иудейские горы, высокие стены города с башнями и широко раскрытыми воротами. Все это он помнил. Но картина менялась. Дороги прорезали холмы то тут, то там. Настоящие

дороги, а не тропы для караванов. Вдоль дорог он увидел сады, разбитые стараниями сотен людей, дома с белыми стенами, увитыми виноградной лозой. Увидел радостных и спокойных людей, сидящих возле домов, идущих по дорогам, увидел огромные караваны с товарами, отправляющимися к морю. И над всем этим высился купол Храма, нового Храма, построенного им, Геродом. А там, где купол соединялся с невероятно синим небом, летела, наливаясь силой, его песня, Песня Героя.

День заседания Сената не принес неожиданностей. После появления Антония и Октавиана сенаторы расселись на свои места, а триумвиры уселись между консулами. Слово взял Мессала. Представив собранию Герода, он рассказал об обидах, причиненных ему парфянами, о предательстве Антигона, об опасности парфянского нашествия в Азии и о долге Великого Рима перед своими союзниками.

После краткого выступления самого Герода, по существу повторявшего уже сказанное Мессалой, слово взял представитель одного из старейших римских родов Луций Сепроний Атрацин. Будучи другом Цицерона, врага триумвиров, внесенного в проскрипционные списки, и приятелем Антония, он находился в сложном положении. И потому старался не раздражать владык Рима. Его предложение было явно согласовано с обоими триумвирами.

Для блага государства он предлагал предоставить Октавиану власть в Италии, Галлии и Испании — для наведения порядка, а также борьбы с пиратами, действия которых нарушают связи Италии и провинций. Анто-

нию же вручалась власть над восточными провинциями и право набора войска для войны с Парфией. Ирода он предлагал признать царем Иудеи. Причем под его властью будет не только урезанная территория, которой сегодня управлял Антигон, но и те земли, которые Герод контролировал некогда в провинции Сирия. Иными словами, Самария, Пера, Десятиградье, приморская полоса, Галилея и Идумея, включая дорогу на Эйлат, потенциально передавались под власть нового правителя и союзника Рима. Правда, их еще нужно было отвоевать. Пока же он должен был собрать войско и связать часть парфянских сил, не давая им всем сосредоточиться против Антония.

Заседание длилось недолго. Отцы Отечества согласились со всеми предложениями Атрацина. Из Сената Герод выходил вместе с двумя триумвирами. Причем, не только Антоний, который уже полностью признал Герода «своим сыном», но и Октавиан смотрел на царя Иудеи более, чем благосклонно.

Герод не стал задерживаться в Риме и после пира, обязательного по случаю принятия судьбоносного решения, и теплого прощания со своими могучими покровителями отбыл в Брундизий. Впереди было не просто много дел, но невероятно много. Впереди были набор воинов, схватки с могучими врагами, беды и потери. Но там, вдали, где небо касалось моря, лежала его самая прекрасная почти утраченная возлюбленная — Иудея. И он, Герод, будет с ней. Копыта коней выбивали мерную дробь по камням дороги, а в душе Герода росла и звучала песня, перед его глазами рос Храм над городом среди холмов.

Глава третья. Война

На этот раз путешествие обошлось без бури, хотя зимние ветры и не жаловали. Когда вдали показались берега, возник вопрос о месте высадки. Высадиться в Иудее было бы красиво, но не особенно осмысленно. Территорию страны плотно контролировали отряды Антигона и переданные ему парфянские всадники. Можно было ехать в Александрию, где оставались Марьямна с маленьким Аристобулом. Но там была и Клеопатра, не простившая Героду отказа от места ее военачальника или отказ от постели. После долгих раздумий и совещаний с приближенными Герод выбрал в качестве временного пристанища прибрежную крепость на самой северной оконечности Иудеи — Птолемаиду, называемую местными людьми Акко или Акра.

Год назад крепость без сопротивления сдалась парфянам. Но за год изменилось многое. Из-за бесконечных грабежей и насилия парфяне, как и их ерушалаимские сторонники, в глазах местных жителей стали воплощением темных сил. Небольшой гарнизон, состоящий из итурейских союзников парфян, не особенно задумываясь о сопротивлении, бежал из города, как только воины Герода высадились близ крепости.

Едва успев расположиться в Акко, Герод разослал гонцов ко всем своим сторонникам в Галилее, где еще помнили его правление, в Самарии, в Наботее. Корабли полетели в Александрию и Эфес, созывая всех, кто был верен дому Герода, дому Антипатра, к нему. С первыми же кораблями прибыли Барух и Бранн. Барух прибыл на «круглом» купеческом судне с запасами зерна, бобов, фуража для лошадей. Герод обнял верного советника.

— Вот. Теперь мы и с царством. Только, боюсь, его долго придется отвоевывать, — приветствовал Барух царя Иудеи.

— Да, назваться царем — дело не самое хитрое. Вот как нам дальше быть — куда интереснее.

— Я к тому же. Следом за мной идут корабли из Александрии и Херсонеса. Там еда, оружие, деньги. Это все, что мы успели собрать. Думаю, на первое время должно хватить, — отчитался советник.

Герод онемел. Он только собрался отдавать приказания, а они уже отданы и исполнены.

— Мы сильно потратились?

— Пока все идет из текущих доходов. Золото и драгоценности дома Антипатра мы не трогали.

— Хорошо. Найди, где складировать все, что будет прибывать. И пусть у складов стоит охрана. Нас еще немного.

Следом за Барухом прибыл Бранн, а с ним — сотни наемников из страны Германии, таких же огромных и рыжих, как он сам. За ним следом тоже шли корабли, но не с продуктами и оружием, а с воинами. Через несколько дней стали стягиваться добровольцы из сторонников нового царя Иудеи. Их принимали, тщательно проверяли и... отправляли учиться воевать. Герод с самого начала заявил, что ему нужны настоящие бойцы, способные биться и в строю, и в одиночку.

Когда через месяц большой отряд, посланный Антигоном, приблизился к крепости, ее гарнизон уже перевалил за тысячу воинов. В результате карательная экспедиция отбыла восвояси без особого результата. А отряды все шли и шли. Герод собирал не только сторонников. Не менее важны были сведения как военные, так и торговые.

Антоний с помощью денег Герода быстро переправил армию на восток, но сам предпочел остаться в Афинах,

постигая мудрость учителей философии и красноречия. Ходили слухи о его очередной любовнице, общество которой он предпочел сражению с парфянами. Впрочем, это были только слухи.

Во главе армии стал легат Антония, поднявшийся из самых низов армии — Публий Вентидий. Тем временем, сам Пакор вернулся в Парфию. Но в Сирии оставалась сильная армия парфян и их местных союзников. На границе Сирии и Киликии действовала армия, составленная из остатков войск Кассия во главе с Лабиеном. В Иудее Антигон смог мобилизовать отряды всех аристократов, усилить их парфянской конницей и итурейскими лучниками. Из Ерушалаима были выселены все жители, подозреваемые в симпатии к дому Антипатра, а гарнизон города — более десяти тысяч воинов — бдительно охранял стены. Стояли гарнизоны и в крупнейших городах Иудеи. Но за стенами городов власти не было совсем.

В Галилее вновь укрепились разбойники, промышленные на дорогах. Процветали грабежи и в других областях страны. Боевые отряды Ерушалаимских владык и Парфии, временами налетавшие на деревни «для сбора дани и защиты от разбойников» только добавляли страданий простым людям, народу с полей.

Силы Герода постепенно росли. Кроме армии наемников и добровольцев, собиравшейся возле крепости Акра, были отряды Ферароса, стоящие в Идумее и Газе, и отряды Иосифа, закрепившегося в Масаде и на границе Набатеи. Ожидалась помощь от Вентидия. Но пока оттуда только шли требования о присылке вспомогательных войск. Обстановка на севере оставалась сложной.

Заманив в ловушку легионы Лабиена, Вентидий смог рассеять их. Сам Лабиен погиб. Столь же успешными были его действия и против парфян. Однако на границе Парфии стояла армия царевича Пакора, и римлянин не решался идти на помощь Героду. Да и не считал это

особенно важным. Громкие победы в Сирии, отражение возможной парфянской угрозы были куда интереснее, чем разоренная дотла Иудея. Герод решил действовать на свой страх и риск. Он организовал регулярное снабжение своей армии хлебом, фуражом, оружием, серебром. Все это взял на себя Барух. Организовав тыл, Герод перешел в наступление.

Сосредоточив в Акре к зиме до семи тысяч мечей, он за одну ночь в буран перебросил их к стенам столицы Галилеи, Сепфориса. Ранним утром на гарнизон города вместе с ветром и песком посыпались воины Герода. Растерянные сторонники Антигона были буквально размазаны по стене. Когда в открытые штурмовым отрядом ворота вошла армия, все было уже кончено. Остатки гарнизона бежали в горы. Сепфорис вновь стал временной столицей Герода.

Как только буран стих, а воины смогли согреться, вытрясти песчинки из одежды и перевести дух да по распоряжению царя накормить горожан, жестоко страдающих от голода, Герод выслал разведчиков к горам. Вести были неутешительными: разбойники и остатки гарнизона Сепфориса засели в пещерах близ озера Кинерет. Пещеры на отвесных скалах. Вниз спускаются по веревкам. Похоже, что из пещер есть выходы в Сирию. Штурм пещер, да еще зимой, почти невозможен.

Выслушав разведчиков, Герод собрал совет. Были командиры тысяч. Был Бранн, ставший главным мечом дома Герода.

— Друзья, — начал Герод. — Мы должны не просто взять город и удержать его. Нам нужно полностью очистить Галилею. Я знаю, что штурм пещер, где укрепились разбойники, невозможен. Тем не менее, мы должны их уничтожить. Какие есть мысли?

— Господин! — начал один из командиров отряда. — Мы подведем всю армию к горам и по веревкам подни-

мемся в пещеры.

— И потеряем там половину воинов, — прервал его Герод. — Предложение смелое, но не мудрое.

Присутствующие замолчали. Вдруг голову поднял Бранн.

— Герод, а далеко ли до пещер сверху?

— Да нет, локтей десять, но там же совершенно отвесная скала... Постой! Цепи! Мы на цепях спустим воинов в деревянных телегах. Бранн, ты наш спаситель и самый мудрый из воинов! — воскликнул Герод.

На следующий день они выступили. Преодолев расстояние до озера, они поднялись на гребень и стали крепить к деревянным коробам мощные цепи. Сами цепи крепились к скалам над пещерами и лебедкам, на которых их предполагалось спускать. Шум привлек внимание разбойников. Но, будучи уверенными в своей безопасности, они не придали ему особого значения. Напротив, из пещер слышались шутки об «ослах, желающих научиться летать».

Правда, вскоре шутки прекратились: деревянные кораба с воинами вдруг оказались перед входом в пещеру. Сотни дротиков было брошено в ее тьму, десятки криков огласили окрестности озера Кинерет. Не прошло и часа, как отряд Герода полностью оказался в пещерах. Разбойников убивали повсюду. Небольшие очаги сопротивления безжалостно подавлялись. К утру основная масса была уничтожена. Галилея вновь стала основой власти Герода. В пещерах нашли и изрядные запасы презренного металла, столь нужного новому царю Иудеи.

Но годы войны не прошли даром. Когда воины Герода вступали в Сепфорис, жители города падали на колени перед ними с криком: — Хлеба! Господин, дай хлеба! Вместо плодородной и богатой провинции он получил область с населением, умирающим от голода. Эту беду Герод должен решить первой. Путь решения нашелся сам

собой. Когда отряд возвращался в Сепфорис, воины везли с собой четыре большие телеги, груженные добычей. Серебро, золото, драгоценные камни и должны помочь Галилее.

Прежде всего надо закупить зерно. Где? Конечно, в Александрийском представительстве. Уже через три-четыре недели хлеб будет в Галилее. Пока же Герод распорядился поделиться уже имеющимися запасами. Вести раздачей пришлось Баруху, которого знали в Галилее практически все. Когда призрак голодной смерти отступил, Герод решил изменить и порядок раздач. Хлеб теперь выдавался или в долг (если берущий мог гарантировать его возврат), или за работу. Крестьянам выдавались семена на посев. У кочевников Арабии закупался скот. Отряды Герода обеспечивали безопасность территории. Люди, получающие пищу, участвовали в постройке крепостей и дорог. Впрочем, Герод настоял, чтобы жалование им тоже выплачивалось.

Вымирающая область постепенно превращалась в кипучий мир, где в каждом месте что-то сажалось, возводилось, прокладывалось. Тем временем римские войска готовились к вторжению парфянской армии во главе с царевичем Пакором. Вентидий, продолжавший в отсутствие Антония командовать всеми силами римлян, стягивал войска к границам Парфии. Главную угрозу для римской пехоты, составлявшей основную часть войска, была латная конница парфян. Закованные в латы воины и их кони, выстроенные клином, просто пробивали римский строй, давили пехоту. Строй всадников, если он успевал набрать достаточную скорость, был непобедимой силой. Не меньшую угрозу составляли парфянские конные лучники. Потому открытые равнины представляли для римлян особую опасность. Было понятно, что парфяне ударят в районе одной из них. Но где? Близ Антиохии? В направлении Дамаска? Где-то еще? Держать под кон-

тролем все направления было просто невозможно.

И здесь Вентидий решил «помочь» Пакору. Через лазутчиков и с помощью демонстративного перемещения войск он создал уверенность, что слабее всего защищено направление к портовому городу на Евфрате Селевкии Зевгмы. Наживка была заглочена. Десятки тысяч парфянских воинов сосредоточились в этом месте, началось наведение понтонной переправы. Но течение Евфрата в этом месте было коварным. Трижды мост разрушался; строительство его длилось более месяца. Тем временем Вентидий смог стянуть значительные силы к городу.

Сама переправа для парфян стала тяжким испытанием. Отряды легких лучников римлян с берега обстреливали незащитные колонны всадников. Сотни и сотни падали в мутные воды великой реки. Разъяренные до последней степени всадники кинулись в погоню за стремительно убегавшей легкой кавалерией римлян. Только добраться до горла этих детей гиены, по вине которых бессмысленно погибли лучшие воины! Только бы догнать!

Но римляне Вентидия применили на этот раз традиционную парфянскую тактику: заманить врага в ловушку с помощью притворного отступления, а потом ударить всем войском. Когда до гряды холмов, из которой, казалось, римляне уже не выскользнут, оставались сотни шагов, с высот ударили тяжеловооруженные римские легионы. Рассеянных всадников крушили по всему полю. Римская конница отрезала путь к отступлению. Сражение быстро превратилось в побоище. Больше десяти тысяч лучших парфянских воинов сложили свои головы на поле у Селевкии. Среди павших был и сам царевич Пакор. Победителям достался огромный обоз парфянской армии, на свою беду успевший переправиться на другой берег Евфрата. Лишь малая часть воинов смогли уйти за Евфрат; кто-то пробивался в Иудею.

И хотя Герод по распоряжению Вентидия привел почти пять тысяч мечей, на его просьбу о помощи в освождении его царства был получен резкий отказ. В распоряжение Герода передавались два легиона, что против почти полусотни тысяч мечей Антигона были не слишком большим подспорьем. Сам же Вентидий, установив контроль над Сирией, вместе с основной массой войск направился на город Самосату, центр Коммагены — царства, ставшего на сторону парфян.

Герод отбыл, не солоно хлебавши, в Сепфорис. Ходили слухи о взятке, которой Антигон нашел способ поклониться римскому военачальнику. Могло ли это быть? Могло. Вентидий не был богат, да и шансов на политическую карьеру, несмотря на победы, у него было немного. Но могло быть и иначе. Вентидий вполне мог считать, что Антигон в Иудее никуда не денется, поскольку отделен от Парфии территорией, контролируемой Геродом и его войсками, а Коммагена может стать новым направлением удара парфян. Так или иначе, но Герод оказался временно один. Впрочем, предаваться унынию у него просто не было времени.

Наведя порядок в Галилее, он быстрым броском овладевает Самарией, переезжая туда. Отряды его младшего брата Иосифа занимают Перу, восточную часть бывшего государства Хасмонеев. Другой брат, Ферарос, восстанавливает сеть крепостей вокруг территории, контролируемой Антигоном. В море господствовал римский флот. По существу, для Антигона единственная связь с внешним миром осуществлялась через дорогу, охраняемую древней крепостью Иерихон, где продолжал стоять парфянский гарнизон. Караваны с пряностями вновь пошли по полностью контролируемой Геродом земле к финикийским портам. В процветающие области севера началось бегство крестьян из Иудеи. В этих условиях Герод попытался вызвать Антигона на переговоры.

Но попытка решить вопрос миром не увенчалась успехом. Герод направил Антигону послание с предложением отречься в его пользу и отбыть в Парфию вместе со всем своим двором и приближенными, забрав все, что тот в состоянии увезти. Не то чтобы Герод был настроен особенно великодушно в отношении Антигона (он помнил, что именно Антигон был виновником смерти Фасаэля, поддержал убийцу отца), но в тот момент, как ему казалось, это был вариант, который бы устроил всех: тысячи людей остались бы жить, сторонники Антигона сохранили бы лицо, а он, Герод, приобрел бы легитимность в глазах иудейской аристократии. Однако ответ не оставлял вариантов для политики: Герод объявлялся захватчиком и самозванцем, а война против него — священной войной за свободу. Что ж, этот вариант тоже просчитывался.

Если в прямом столкновении у войска Антигона было явное численное преимущество, то и в экономической мощи, и в выучке воинов преимущество уже переходило к Героду. Да и собрать все силы в одном месте для правителя Иудеи было опасно. Низы все более ненавидели освободителя, откровенно пренебрегавшего ими. Они хотели есть, пить, растить детей, а совсем не сражаться с Геродом, который, как говорят, дает такую возможность тем, кто уже оказался под его рукой.

Восстания вспыхивали все чаще, заставляя держать значительную часть воинов в малых крепостях, рассредоточенных по территории страны. А источников для существования и продолжения борьбы становилось все меньше. Даже сокровища Храма уже не спасали, тем более, что их оставалось совсем немного, ведь территория страны оказалась почти отрезанной от мира. Мира, где по какому-то недоразумению жаловали не Антигона, наследника великих царей и воина-освободителя, а полукровку из Идумеи.

Ситуация складывалась почти безвыходная. Герод не может взять Ерушалаим, завладеть Иудеей, но и Антигон не в состоянии прорвать кольцо, выстроенное Геродом. Об этой ситуации и собирался говорить Герод со своими приближенными и друзьями в древней столице царей Израильского царства, городе Самарии. Но разговор пошел совсем не в ту сторону.

Первым поднял «неприятную» тему Барух. После обсуждения текущих дел, прохода караванов, сбыта, доходов и расходов, передвижения войск, подготовки нового пополнения и тому подобных вечных проблем, он вдруг спросил: — Прости, Господин! А что нам Иудея и Ерушалаим? Эта страна разорена. Торговые пути давно обходят Священный город. Аристократы Иудеи никогда не признают тебя. Даже если на словах будет иначе, они будут плести интриги, заговоры. Зачем это тебе? Даже римляне, похоже, смирились с Антигоном. Мы уже контролируем север и восток, полностью распоряжаемся на юге. Наши караваны идут по нашей земле, наши поля принесут в этом году богатый урожай, а в Иудее поля не засажены, сады вырублены. Господин, зачем тебе Иудея?

Неожиданно Баруха поддержал Бранн: — В самом деле, Герод, в Иудее мы в любом варианте положим много людей. Ерушалаим — мощная крепость с сильным гарнизоном. Они понимают, что милости от нас ждать не приходится, потому драться будут до последнего. А прибыли там немного. Скорее, вкладывать придется. Зачем нам это?

Герод ответил не сразу. Он встал, прошел к террасе, отделенной от зала колоннадой, посмотрел на оживающую весной природу, зеленеющие поля внизу, за стеной.

— Да. Все правильно. Иудея сегодня бедна, несчастна и никому особенно не нужна. Вы полностью правы. Если рассуждать разумно, тратить огромные средства, губить

армии для обретения клочка пустой земли — глупая затея. Только здесь я, похоже, совсем не разумный человек.

Представьте, твоя любимая женщина отдана другому мужчине. По любви ли, по приказу, но ей владеет другой. Ему она стелет постель на ночь и будит утром, с ним сидит во время трапезы, едет в его повозке во время путешествия.

И, наверное, с этим можно было бы смириться, если бы он окружал ее заботой и любовью, которой она достойна. Но ты знаешь, что она несчастна, что она голодает и страдает, что она ненавидит своего господина. И ты знаешь, что ты мог бы ей дать то, что она заслуживает, дать ту любовь, которой она достойна. Смогли бы вы устоять перед искушением, отнять любимую у злого и неблагодарного господина?..

Поймите, Иудея — моя самая большая любовь в жизни. Любовь, завещанная отцом. Ради этой любви я пожертвую всем, что имею. Да и самим собой тоже. Один мудрый фарисей сказал: если не я за себя — то кто за меня? Но если я только за себя — то кто я? Я — за Иудею. Это мой выбор. Я понимаю, что это моя любовь и моя жизнь. Поэтому хочу, чтобы каждый из вас выбрал, со мной он или нет?

Когда-то, в прошлой жизни, молодой Герод уже ставил перед своими людьми и перед своими друзьями подобный выбор. Но тогда, в Галилее, выбор был между трусостью и смелостью. Сегодня выбор внешне такой же. Но на самом деле — намного более сложный вопрос. Готовы ли они пойти за другом в пропасть, быть может, пойти на смерть? Готовы ли они помогать ему в деяниях, с обыденной и разумной точки зрения нелепых, вредных? Готовы ли они пожертвовать собой ради Герода и его мечты? Готовы ли сделать эту мечту своей?

Молчание затягивалось. Молчал даже брат, Иосиф, привыкший слушаться Герода, как некогда слушал Анти-

патра. Наконец, встал Бранн.

— Герод! Любовь — чувство достойное мужчины и воина. Любовь к родной земле — вдвойне достойное чувство. Много лет прошло с тех пор, когда я отдал свой меч вашему дому, поклялся в верности. Мои волосы из рыжих уже становятся белыми. Мне поздно менять пристрастия. Я с тобой!

— Ты уже задавал мне когда-то этот вопрос, господин, — подал голос Барух. — И я ответил. Тогда тоже ставки были велики. Мы справились. Справимся и сейчас. Я с тобой.

— Спасибо, друзья! Я был уверен, что могу на вас положиться.

Тут встал старейший советник дома, Нафанаил.

— Прости, господин! Я уже очень стар. Я не сомневаюсь в твоей победе, но хочу прожить остаток дней где-нибудь там, где не звенят мечи, а смеются дети.

— Что ж, это твой выбор, — ответил Герод. — Ты имеешь на него право. В городе Эфес ты найдешь все, к чему стремишься. Я хочу, чтобы через пять дней ты уже направлялся туда. Здесь может стать жарко.

— Брат, — подал голос Иосиф, — честно скажу, что мне не нравится затея с Иудеей. Я ее не понимаю. Мы уже сейчас владеем территорией большей, чем владел Гиркан II. Но именно ты сегодня глава нашего дома. Поэтому я остаюсь с тобой до самого конца.

— Спасибо, брат! — обнял Иосифа Герод.

После этого высказывались уже все. Совсем немногие решили выйти из игры и отбыть с Нафанаилом или куда-то еще. Оставшиеся поклялись в верности новому царю Иудеи.

Когда собравшиеся расходились, Барух вдруг попросил разрешения задержаться. Оставшись наедине с Геродом, он заговорил:

— Господин мой, царь Иудеи, я верю, что помыслы

твои благородны. Но понимаешь ли ты, что далеко не все будут думать так. Твои предки издавна торговали с востоком и западом. Ты видел другие города и другие миры. Ты можешь их сравнивать. Но большая часть твоих будущих подданных никогда не покидала своих селений. Эти люди живут бедно, но они привыкли так жить. Они пасут своих тощих овец и коз, собирают небольшие урожаи на своих клочках земли. Это и есть их мир. Так жили их родители и деды. Они не будут понимать тебя. Они счастливы в своем мире. Готов ли ты к этому, Герод?

Они привыкли, что коены из Ерушалаима брезгуют ими и воспринимают это не как оскорбление, а как естественное положение вещей. Они всегда слушали их. Они всегда слушали твоих врагов. Все, что ты будешь делать, твоими врагами будет подано как святотатство и гордыня. На тебя навесят все грехи, которые только смогут придумать. Ложь, пересуды, сплетни, недомолвки — все пойдет в ход. И люди, ради которых ты сегодня готов пожертвовать собой, будут верить не тебе, а им. Готов ли ты к этому, Герод?

Твои враги захватят твое будущее, а люди с полей, народ Иудеи, будет, как всегда, безмолвен. Готов ли ты? Я своего решения не меняю. Но не хочу, чтобы поменял его ты сам, натолкнувшись на злобу со стороны тех, кому хочешь помочь. Готов ли ты идти в своей любви до конца?

Герод молчал. Он гнал от себя эти мысли. Старался не думать о том, что сейчас внятно проговорил старый друг. Готов ли?

— Да, Барух, готов! — со вздохом ответил он. — Моя любовь — главный столп моей жизни. Без нее мне останется только ублажать плоть, то есть жить, подобно животному. А это не жизнь. Я готов. Хотя, может быть, плата за это будет слишком велика.

Южная ночь уже набросила покрывало над Самарией. Огромные звезды расцвели небо. Вечная странница

поплыла над полями. Туда, к морю. Герод и Барух смотрели на небо, на землю, вдыхали запах цветущих трав, слушали несмолкаемое пение цикад... И не было в мире ничего прекраснее.

Уже привычное течение будней государства Герода было прервано двумя событиями, следующими одно за другим. Первое событие было радостным, волнительным, хотя и давно ожидаемым. Из Александрии со своим братом прибыла давно ожидаемая невеста, принцесса Марьямна. Царица Клеопатра, как могла, затягивала ее отъезд, стремясь сделать царевну способом давления и на Антигона, и на Герода. В идеале бы просто присоединить эти территории к Египту. На худой конец, заставить и того, и другого выполнять ее, Клеопатры, указания. Но в конце концов доводы и увещевания Клеопатры кончились. Тогда в дело пошла сила и хитрость. Она просто запретила своим кораблям везти царевну, а своим стражам — выпускать ее из города, ссылаясь на дурную погоду и плохие предзнаменования. Но дом Герода уже имел собственные силы в Александрии. Тайные сборы, протекающие во дворце Ферароса, неизвестный корабль, вечером вышедший из гавани — и вот Марьямна уже направляется в Акру.

Ранним утром от ворот прибежал запыхавшийся гонец. Почти растолкав стражу, он кинулся к Героду:

— Господин! Принцесса Марьямна прибывает в Самарию!

Герод вскочил. В душе сладко и непривычно защемило.

— Быстро! Коня! Готовьте пир! — крикнул Герод, уже

вылетая из дворца.

— Подожди, господин! — остановил его Барух. — Так нельзя! Неужели ты хочешь предстать перед прекрасной принцессой Марьямной дикарем с окрестных гор?

Герод ошарашено осмотрел себя. Да. За делами он как-то забывал следить за своим царственным обликом. Обреченно махнув рукой, он отдался заботам придворных, которых что-то много развелось в Самарии.

Через пару часов по дороге в Акру следовал отряд из воинов в сверкающих латах во главе с Геродом, волосы которого скрепляла золотая диадема. За воинами ехали слуги с подарками для принцессы и ее родни. Герод сжимал поводья, все еще растерян и не вполне понимающе глядя на простирающиеся меж холмов поля и виноградники. Вдали показался небольшой караван. В груди воина и правителя вдруг застучал огромный молот, кровь хлынула к лицу. Он мучительно пытался вспомнить правильные слова, которые придумал Барух для приветствия принцессы и невесты. Но мысли путались. Образ Марьямны заслонял их. Когда до повозок оставались шаги, с одной из них вдруг соскочила девушка и бросилась к всадникам:

— Герод!

Воин прыгнул с коня и, сделав шаг навстречу, застыл: не смешная девочка-подросток, но прекрасная, точно греческая богиня с сияющими глазами, полными слез, к нему бежала Марьямма. Их пальцы сплелись. Глаза встретились. Мир остановился. Он просто перестал существовать.

— Марьямма!

— Герод!

Свадьба, долгая и величавая, как и положено свадьбе царя Иудеи с принцессой из дома Хасмонеев, стала для молодых бесконечной мукой, десятью казнями египетскими. Казалось, что любимые родственники и гости, в том числе правительница Египта Клеопатра, специально затягивают церемонию, чтобы помучить молодых людей. Казалось, что друзья говорят слишком много, а священник буквально засыпает над Книгой Книг.

Но все когда-нибудь кончается. Наконец они остались вдвоем. Только вдвоем. Люди, Самария, Иудея, Рим — все это смыла великая страсть, оставив на земле лишь два влюбленных сердца. Бескрайняя звездная ночь, напоенная запахом трав и пением птиц, стала им покрывалом. Мир сжался до границ ложа, где сплелись тела Герода и Марьямны. Все вокруг отступило, стало неважным. Они, двое, были миром, и мир был с ними и в них. Песня Героя сменилась нежным напевом Великой Любви.

Пробуждение их было совсем не таким, как хотелось бы Героду, как мечталось Марьямне. Из-за занавеси раздался громкий шепот Бранна:

— Герод, прости! Они все боятся и послали меня. Там срочный гонец из Сирии.

— Будьте вы прокляты, все гонцы в мире! — ласково отозвался Герод таким же шепотом. Тем не менее, вылез из-под покрывала, прикоснулся губами к плечу еще спавшей жены и начал одеваться.

— Что тут у вас стряслось? Мир перевернулся? Мошиах прибыл? — буркнул он, выходя в зал, всем своим

видом изображая крайнее недовольство.

— Герод, ты почти угадал, — проговорил Бранн. — В Сирию прибыл Антоний! Он вызывает тебя!

Пожалуй, впервые Герод подумал о своем друге и покровителе с тихой ненавистью.

Часть четвертая. Царь Иудейский

Глава первая. В Ерушалаим

Герод ехал по улицам верхнего города в Ерушалаиме. В окружении всадников в сверкающих латах, приближенных, он сидел на коне, одетый в богатую хламиду из тонкого хлопка, расшитую золотой нитью, с золотой диадемой, украшавшей голову. Встречные расступались перед ними. Кто-то кричал приветствия, кто-то отводил глаза.

Город еще носил следы яростного сражения, которое почти два месяца шло на его стенах, на его улицах. То здесь, то там виднелись следы пожаров, разбитая посуда, проломленные стены домов, обрывки тканей. На земле еще оставались пятна крови. Сторонники Антигона, понимая, что пощады им ждать не приходится, сражались яростно, до конца. Последних защитников войска Герода рубили уже на ступенях Храма. Здесь погибли и все члены Синедриона, поддержавшие Антигона. Могло быть еще хуже. Римляне, союзники Герода, по традиции того времени кинулись грабить город. Лишь угроза именем Антония и обещание большей доли добычи позволили новому царю вытеснить их за стены.

Герод вспомнил недавнюю — а сколько случилось всего с той поры! — встречу с Антонием.

— А, малыш-Герод, — приветствовал его Антоний, когда тот вошел в консульскую палатку в центре лагеря. — Вот сейчас справимся с Самосатой и займемся тобой. Как там твой Антигон? Еще с ушами?

— Пока с ними, — в тон ему ответил Герод, обнимая огромного римлянина. — Хотя, по мне они гораздо лучше смотрелись бы отрезанными и высушенными.

— Тут уж не поспоришь, — рассмеялся Антоний. — Ладно, ты с чем пожаловал? Ты же пустой не приезжаешь.

Знаю я тебя.

— Ты прав, Марк! Я с подарками. Но сначала о тебе. Все ли благополучно? Как идет осада?

— Да как сказать, — недовольно проговорил римский полководец. — Паршиво идет. Вентидий поначалу совсем хорош был. Как он парфянам дал жару! Они аж до Ктесифона бежали. А потом как-то скис. Легионеры спят на ходу. Я его назад отослал. В Рим. Вот смотри, что у нас есть.

Антоний с Геродом прошли к столу, где возле светильника лежал развернутый пергамент с планом местности.

— Городишко этот мы обложили. От реки отрезали. Но армяне держатся отлично. Да и крепость хороша. Царь Коммагены Антиох стянул сюда всех, кто остался. Наказать его надо. А тянуть нам нельзя. Парфяне оправятся. Вот и думаем с Гаем Сосием, моим легатом, как нам эту задачу решить? Ты ж его знаешь. Он у меня на пиру был в Риме. Скоро подойдет.

Герод, в пол-уха слушая Антония, смотрел на пергамент. Да, крепость хороша. Со стороны реки и низменности стены выше, чем в Антиохии. Простреливается все. Не подойдешь. Сверху стены слабее. Зато здесь позаботилась сама природа: горы плотно облегали крепость, спускаясь вниз крутыми уступами. На вершине и стояли стены с башнями. Единственная дорога к воротам, ведущая с запада, со стороны гор, простреливалась с этих башен на всем протяжении.

Римские лагеря располагались по всему периметру города-крепости. Большая часть сил и самый большой лагерь, где, собственно, они и находились, располагались на равнине у реки. Здесь было сосредоточено восемь легионов. Несколько лагерей по три-четыре легиона находились с юга и севера от столицы Коммагены, не позволяя подвозить туда припасы и тревожа защитников частыми атаками. С наиболее защищенной, горной,

стороны находился только один лагерь с двумя легионами. Собственно, особых действий там и не предвиделось.

В палатку зашел Гай Сосий, давний друг и соратник Марка Антония.

— Привет тебе, Марк! Ирод, здравствуй! Опять штурм провалился. Мы уже почти забрались на стену, но эти собаки подтянули отряды с западных стен и отбились. Три сотни легионеров отправились к Плутону!..

Не спрашивая разрешения, он налил себе чашу вина, выпил. Налил еще одну. Только после этого подошел к столу.

— Похоже, что общего штурма не избежать. Крепость возьмем. Но сколько людей положим... — он грустно закатил глаза.

— Вот такая у нас жизнь, малыш-Герод, царь Иудейский, — невесело глядя на Герода сказал Антоний.

— Марк, я не настаиваю на своем плане, но можно его изложу? — тихо проговорил Герод.

— Говори. Хуже от того не будет. Только давай горло промочим. Душно здесь, в Азии.

Военачальники выпили еще по чаше.

— Так что там у тебя?

— Я привел две тысячи воинов, обученных для войны в горах. Вот мне и пришлось в голову: а если ударить со стороны гор, где Антиох не ждет. Мои воины перед рассветом поднимутся на скалы вот здесь и здесь, — он показал пальцем место на карте. — Там стена не выше человеческого роста.

— Зато скалы почти отвесные.

— Спору нет. Но наемники по ним взберутся, а войск там тоже совсем чуть-чуть. Захватим башни, откроем ворота и впустим легионы. Ну и будем держать оборону. А тем временем нанесут удар основные силы. И зажем Антиоха между молотом и наковальней.

— А что, — после молчания проговорил Антоний, —

почему бы не попробовать? Сил у нас достаточно. Можем и рискнуть. Тем более, что голову под меч сунут твои головорезы, друг Герод.

— Я понимаю. Но, надеюсь, что меч будет тупым, а голова будет не глухой.

— А ты что думаешь, Гай? — обратился Антоний к Сосию.

— Знаешь, Марк, это, конечно, глупо. Невероятно глупо. Настолько, что может получиться. Надо попробовать. Только я бы перебросил с севера и юга по легиону в западный лагерь. Ночью, перед самой атакой. Тогда бы с запада вошла сила, против которой заслон уже не выступишь. Кроме того, пока воины Герода будут карабкаться по скалам, два легиона стоит подвести в эти распадки. Отсюда до ворот — пара стадиев. Добегут быстро. Я думал про эту авантюру, но с отрядом Герода может получиться веселее.

— Коли так, то за дело. Ты, Сосий, подробно все продумай и вечером собери всех легатов и трибунов. Каждый должен понимать, что ему делать. Теперь ты, Герод. Временно назначаю тебя командовать западным лагерем. Готовь своих людей к ночи. Пусть поспят, чтобы на скалах их не сморило. Все! За дела!

— Подожди, Марк! Я же обещал подарки! — рассмеялся Герод.

— Да к псам твои подарки! Дел много.

— Солнце еще за полдень не перевалило. Успеем. И подарки хорошие.

— Ладно, — буркнул Антоний. — Что у тебя?

— У твоей палатки стоят повозки. В них — жалование легионерам за два месяца службы. Ну, или премиальные воинам-победителям, как решит благородный Антоний.

Оба римлянина замерли. Первым очнулся Антоний.

— Герод, ты умница! Это сейчас очень кстати! Я послал мытарей по городам, но там все ноют, что денег

нет. Дескать, Кассий и так всех разорил. Ничего, сейчас возьмем Самосату, заплатят, как родному отцу. Но твои деньги сегодня — просто спасение. Слушай, а давай, когда все успокоится, ты у меня все налоги будешь собирать. У тебя они не спрячутся. А?

— Спасибо, Марк! Мне бы с Иудеей справиться. Ну, Сирию я еще потяну. Остальное — много это.

— Ладно, потом и посмотрим. Сирию? У тебя вкус к деньгам. Как думаешь, Сосий?

— Что тут думать! Герод молодец и настоящий друг. А желающих собирать налоги всегда много. Я пошел собирать командиров.

— Давай. И ты, Герод, ступай, только квесторов ко мне пришли и скажи, чтобы охрану у повозок поставили. И, главное, чтобы все было тихо...

Баграт стоял на западной стене в самую неудачную стражу, под утро. Луна уже закатывалась, но солнце еще не залило серым светом долины между горами. Темно, хоть глаз выколи. И спать хочется страшно. Проклятые римляне вместе с парфянами. И почему людям не хочется жить мирно у себя дома?.. Баграт облокотился на копье и опять погрузился в свои мысли.

— Эй, не спи совсем! — крикнули с соседней башни.

— Да не сплю я, — злобно откликнулся Баграт. Им там, в башне, хорошо. Костер, наверное, развели. Греются. А ему вышагивать на ветру по стене. Ветер этот проклятый. Шумит по кустам. Кажется, что кто-то крадется. Хотя кто может красться по таким кручам? Баграт подошел к невысокому парапету. Облокотился на него и опять задумался. Он вспомнил дом, большой сад вокруг дома.

Беседку, где собирается вечерами вся семья. Сон начинал одолевать. Он не услышал, как в пяти шагах от него по краю парапета звякнул крюк с прицепленной к нему веревкой. Он не увидел, как по веревке очень быстро, один за другим, забрались несколько воинов в незнакомой одежде. Он ничего больше не увидел.

Бранн метнул кинжал, вошедший в спину задремавшего стражника. Герод подхватил тело, чтобы не было шума. Поднявшиеся за ними воины быстро спустили еще несколько веревок, по которым немедленно стали подниматься наемники. Миг — и они уже возле входа в башню. Краткая возня, вскрики, лязг металла — и все стихает. То же происходит и у соседней башни. Теперь к воротам. Медленно крадась вдоль стены, воины Герода пробирались к огромной, в четыре этажа, надвратной башне. Еще немного, и начнется рассвет. Это нам совсем не нужно. Так. Вот и ворота. Возле ворот горел костер, у которого сидел десяток стражей. Над костром висел котелок с каким-то варевом, начинавшим булькать и издавать манящий съедобный аромат.

Воины Герода разделились: часть начала продвигаться к входу в башню, а другая часть достала из-за спины луки. Засвистели стрелы, воины у костра стали падать один за другим. Кто-то пытался отбежать, но стрелки были быстрее. Кто-то успел подать сигнал опасности. Дверь в башню открылась. Из нее выскочили воины и тут же пали, напоровшись на мечи наемников Герода. В не успевшую закрыться дверь ворвались десятки ночных гостей. Внутри послышались крики, лязг мечей.

Герод и Бранн бросились к воротам. Нужно спешить. Еще несколько минут, и к башне начнут стягиваться войска осажденных. Воины спешно разметали завал у ворот, сбросили огромные бревна, подпиравшие их, и широко распахнули створы. В тот же миг с окрестных скал стали спускаться на веревках воины, втягиваясь в ворота. Их

становилось все больше. Герод выстроил порядок: сотня, захватившая башню, оставалась в ней (только луки из ее бойниц теперь смотрели в другую сторону); три сотни тяжеловооруженных воинов стали на площадке возле ворот, образуя первую линию; остальные сотни выстраивались за ними. За спинами тяжеловооруженных бойцов, на возвышении у стены стояли лучники и пращники. Западная стена была выше остальной части города, поэтому отряды, стремящиеся выкинуть нежданных гостей, были вынуждены атаковать снизу вверх. Вот и они. Из переулков вывалились первые шеренги бойцов противника, тут же оказавшись под ливнем стрел со стен и башни. Воины падали, но новые отряды продолжали движение по телам павших соратников. Передний строй Герода метнул пилумы. Ряды противника остановились, новые жертвы упали под ноги товарищей. Поток стрел не прекращался.

Гарнизон Самасаты пытался прорваться к отрядам захватчиков по стенам. Но там были заблаговременно оставлены заслоны в башнях с закрытыми входами. Бой на стенах шел, но продвижение войска Антиоха было остановлено.

Перед воротами воины Рима и Коммагены уже сошлись в рукопашной схватке. Но небольшое пространство не позволяло использовать преимущество в численности. Строй воинов Герода держался и даже немного теснил противника. В этот момент за воротами стал слышен дробный топот тысяч бегущих людей, и в город стали вливаться римские легионы.

— Ну, Герод, молодец! Сегодня ты у нас победитель! — поднял чашу Антоний, начиная празднество.

— Я только один из воинов армии Великого Антония, — со смирением ответил Герод.

— Да ладно! — захохотал Антоний. — Раз я сказал молодец, значит, молодец! И город взяли. Хоть цитадель они и отстояли, а мир хороший подписали. Дань Антиох заплатит. Куда он денется? Да и к парфянам теперь не переметнется. Давайте, друзья, — обратился он к соратникам, — выпьем за моего друга, Герода!

— За Герода! — подхватили десятки глоток.

— Спасибо, друзья! — ответил Герод. — Но я хочу выпить за хозяина этого застолья, который не бросает друзей в трудную минуту, который не забывает о них во славе и могуществе! За Марка Антония!

Воинское братство радостно подхватил тост Герода, славя своего полководца на самые разные лады. Герод знал, что Антоний честолюбив и ему приятно это славословие. Но дело было не только в том, чтобы польстить Антонию. Герод помнил о своем деле. Теперь, когда Марьямна стала его женой, он больше, чем когда-либо рвался в Ерушалаим. Тост напомнил Антонию о его обещании. И не зря.

Уже через три дня после победного пира Герод уезжал во главе не только своего отряда, но во главе двух легионов. Еще шесть легионов под командованием Сосия должны были отправиться через неделю.

Улицы Ерушалаима были пусты, встречные прохожие испуганы. Население пока не решило, как оно относится к новому хозяину, царю Героду, еще помнило ужасы осады. Да и самих жителей стало намного меньше. Верные или просто расположенные к нему люди или сами бежали вслед за Геродом, или были выселены Антигоном. Оставшиеся относились к новому царю или безразлично, или враждебно. По крайней мере, настороженно. Понятно, что вслух никто роптать не смел — двадцать тысяч воинов Герода вошли в город, да и лагерь римлян стоял у его стен. Но симпатии горожан, как в прежние годы, Герод не ощущал. В душе властителя было пусто и холодно. Не добавляли тепла и вид разрушенного и разграбленного дома Антипатра и дворец царя со следами осады. Он помнил побежденного Антигона на ступенях дворца, его слезы и просьбы о спасении. Герод уже готов был пойти на глупость, но Сосий оказался намного жестче. С лающим смехом он предложил свергнутому царю оставить жизнь в качестве его наложницы, «Антигоны», после чего приказал легионерам заковать Хасмонея в цепи и отправить на суд к Антонию. В решении этого суда никто не сомневался.

Герод даже не решился пока перевезти сюда любимую Марьямну с братом, по которым очень тосковал. К Аристобулу он успел привязаться, полюбить его. Мальчишка был умный, образование получил в Риме и Антиохии, изучал Закон в Александрии. Герод сам часто заслушивался его беседами с учителями и священниками в редкие наезды в Самарию. Мальчик все больше напоминал ему Гиркана. Как и тот, он был не по годам мудр и, к несчастью, оторван от мира.

Гораздо сложнее складывались отношения с матерью

Марьямны, Александрой — красивой, немногим старше самого Герода женщиной. За годы, проведенные в Александрии, она единственная смогла сдружиться с Клеопатрой, полностью подпасть под ее влияние, перенять ее отношение и к Героду, и к Иудее. Она грозила стать источником беспокойства. Хотя пока создаваемые ею сложности стояли далеко не на первом месте. А вот Клеопатра могла и отчасти уже стала головной болью Герода.

Герод только слышал от Сосия рассказ про то, как прибывшая по приказу Антония царица Египта подплыла на невероятном, сказочном дворце-корабле, украшенном цветами. Как по кораблю плясали нагие танцовщицы, изображая нимф и дриад, а сама Клеопатра в костюме богини любви Афродиты протягивала руки в сторону корабля Антония. Сосий поведал, что сам Марк перешел на корабль Клеопатры и пробыл там три дня. Вернувшись, он отдал приказы войскам, магистратам и приближенным, а сам тут же отправился вместе с Клеопатрой во дворец, ставший его резиденцией.

Зная отношение к себе Клеопатры, Герод теперь мог ждать любого удара с этой стороны. Только неотложные дела не позволили ему прибыть в Антиохию. Но приказ о том, чтобы следить за всем, что происходит в столице Антония он отослал, как и письмо своему другу и покровителю. А дела и беды сыпались на нового царя, как вода из дырявого сосуда. Не дождавшись его возвращения, младший брат, Иосиф, решил перекрыть последний путь из Иудеи в Парфию, взять крепость Иерихон. Но поход был неудачен. Крепость устояла. Погибли тысячи воинов, в том числе и сам Иосиф. Их осталось двое братьев — он и Ферар в Александрии.

Еще не отзывучали последние слова поминальной молитвы, когда пришло известие, что Антигон все же решился на битву. Его армия численностью до тридцати тысяч воинов двинулась в направлении Самарии. Вновь

попрощавшись с любимой и матерью, Герод с армией двинулся навстречу врагу. Он понимал, что половина армии Антигона состоит из парфянской конницы. И это — самая боеспособная часть армии. У Герода в распоряжении было двадцать две тысячи пехотинцев, в том числе девять тысяч римских легионеров и около восьми тысяч всадников. То есть численно армии почти равны, но у Хасмонея в два раза больше конных бойцов. И каких! Пять тысяч катафраториев и десять тысяч конных лучников. На равнине они просто разметут войско Герода. А ждать Сосия с подкреплениями времени уже не было. Значит, решил тогда Герод, битва должна произойти не на равнине.

Отбросив наступающие войска стремительным ударом, заставив их отступить в сторону Ерушалаима, он нашел такое место — узкую лошину в Долине Ветров, на полпути между Иудеей и Самарией близ древнего поселения Исаны. Герод, перекрывая дорогу на север, успел раньше подойти к месту будущей битвы. Перегородив пространство между скалами щитами легионеров и обученных по римскому образцу наемников, он расставил на возвышенных площадках лучников и несколько легких метательных машин, захваченных в поход, так, чтобы они простреливали все пространство. Узость прохода не позволяла выстроить ряд более чем в пятьсот воинов. Конница же просто оказывалась в западне. А свою конницу Герод разместил со стороны Ерушалаима. Осталось заманить неприятеля. Эту задачу должен был решить отряд конных наемников, выдвинувшихся далеко вперед.

«Натолкнувшись» на противника, они начали медленное отступление, затягивая на себя всю армию Антигона. Когда уверенность, что за ними побегут, стала абсолютной, они кинулись прочь. План сработал. Противник втянулся в лошину. Едва ряды конников прошли в узкую часть Долины Ветров, как на них обрушился поток стрел

и камней, буквально сминая все живое. Груды барахтающихся людей и лошадей не позволяли всадникам ни пробиться к противнику, ни бежать из губительной ловушки. Единицы достигали вражеского строя, но причинить ему сколько-нибудь заметного урона не могли. Легионеры стаскивали их с коней, рубили мечами. По отставшей иудейской пехоте Антигона ударила конница Герода, укрытая до того времени. Парфяне погибли почти все. Пехоту спас поднявшийся буран, позволивший им бежать в Ерушалаим. Победа была полной. Но город предстояло взять. Правда, к моменту, когда вдали показались стены Ерушалаима, рядом с Геродом ехал Гай Сосий, а следом маршировали римские легионы. Столица пала.

Герод подъехал к царскому — то есть, теперь своему — дому. Сошел с коня и проследовал в зал Совета. Стражники на входе приветствовали владыку. Следом за ним прошли его друзья и приближенные, вновь назначенные управляющие городом из верных ему людей, доказавших преданность в прошлом. Совет, как и следовало ожидать, начался с жалоб. Северная стена города разрушена, подвоз пищи уменьшился, скоро люди начнут голодать. Улицы города грязны и завалены мусором. Многие дома разрушены. В ремонте нуждаются даже Храм и дворец. С чего начинать — непонятно. После выплаты доли римлянам казна государства, уже не раз разграбленная и римлянами, и парфянами, да и самим Антигоном, пуста. Немного золота есть в Храме, но это уж совсем на черный день.

Все посмотрели на Герода. Что скажет новый царь, еще вчера бывший «своим» и понятным? Герод думал.

Пауза затягивалась. Наконец он встал с трона Хасмонеев. Окинул своих соратников взглядом и начал правление...

— Друзья и братья! Я говорил Вам, что легко не будет. Вы пошли за мной. Благодарю вас за это. Но сейчас — дела. Во-первых, нам сегодня не нужна такая большая армия. С римлянами мы уже расплатились сполна. Нам будет вполне довольно половины тех сил, которые есть. Но важно — Бранн, проследи — чтобы оставались самые сильные и боеспособные воины. Наши враги во время оно захватывали дома и земли наших друзей. Сегодня они мертвы или бежали. Их земли нужно разделить между теми воинами, которые нам более не нужны. Каждый из них должен получить столько земли, чтобы мог не только жить безбедно, но и иметь полное вооружение воина. Этим займется Симон. Теперь про город. Пока стена — это не самое насущное. Важнее улицы, дома, подвоз еды. Барух, можно ли организовать подвоз зерна и мяса из Самарии?

— Да, господин, это возможно, но этих продуктов надолго не хватит. Мы же не станем разорять Самарию и Галилею. А Иудея разорена полностью. Придется закупать. По крайней мере, до нового урожая.

— Хорошо. Займись этим. Через неделю мне нужно, чтобы еда в городе была даже у самых бедных. Но это не все. Город грязен и неухожен. Это не столица царства, а приют отверженных бродяг. Мне нужно, чтобы через две недели я мог проехать по городу, не оскорбив своего взгляда грязью и убожеством. Градоначальник! — встал невысокий мужчина с усталым и печальным лицом. — Найми столько работников, сколько будет нужно. Корми их вдоволь. Я проверю. Барух даст тебе зерно, вино, масло, то, что будет нужно. Но город пусть вычистят. Пусть починят дома, порушенные при осаде. Объяви по городу, что те жители Ерушалаима, кто сам, по собственной воле, выйдет убирать в городе, чинить дома, получит благодар-

ность царя и две — нет, три — серебряные монеты. Ты понял меня?

— Да, господин!

— Теперь дворец. Трудно уважать монарха, живущего в таком хлеве. Управляющий дворцом! Сроку — три дня, и меня должно перестать тошнить, когда я подхожу к ступеням этого дома.

— Господин, — взмолился немолодой иудей в некогда богатой, но старой и застиранной одежде. — Здесь неделю назад шло сражение. Мы не успеем все убрать за три дня.

— У тебя уже была неделя. Я тебе даю еще три дня. Я тебе даю деньги, на которые ты нанимаешь людей, которые приводят этот дворец в состояние, когда я смогу ввести сюда мою супругу и ее брата, будущего Первосвященника.

— Я приложу все силы, господин!

— Это уже лучше. Главное, чтобы твоих сил хватило. Иначе ты у меня поедешь управлять отдаленной крепостью в иудейской пустыне. И, кстати, сам оденься подобающе, чтобы у меня не было искушения подать тебе на бедность. Все. За дела. Советники пусть останутся. Остальные могут идти.

...Царедворцы нового монарха потянулись к выходу. Оставались самые верные и самые близкие люди. Царский Совет окончился. Теперь — время совета дома Герода, сына Антипатра.

Глава вторая. Вопросы веры — трудные вопросы

Было чувство, что царский совет он провел плохо. Неправильно. Что показал он не силу, а жесткость. Не величие, а торопливость. Нужно было иначе. Но трудно. Он не чувствовал себя царем. Никак не чувствовал. Вот Антигон чувствовал. Даже несчастный Гиркан II и тот знал, как должен вести себя царь. Создавалось ощущение, что это знали все, кроме Герода. Что-то он не до конца понял. О чем-то важном не сказал. Это как заноза сидело в его сознании, мешая спокойно обдумывать ситуацию и обсуждать ее со своими советниками.

Герод понимал, что он говорит как-то не так, как должны говорить монархи и властители — не величаво и спокойно, а резко и кратко, как раздают приказы на военном совете. Но он не умел управлять по-другому. Он очень торопился. Всю свою не очень долгую пока жизнь он отражал удары, которые сыпались на него со всех сторон. При этом прекрасно понимал, что лучше их отражать из сколько-нибудь устойчивого положения. Свое положение он устойчивым считать не мог.

Он завладел тронном, к которому не стремился, в стране, дотла разоренной войной. Его друг и покровитель, Антоний, заключает политический, а то и брачный союз с его злейшим врагом, Клеопатрой, которая спит и видит, как бы присоединить Иудею к Египту. Как, с согласия Антония, уже присоединила часть прибрежных территорий в Киликии и почти всю Финикию, кроме города Тир, который удалось отстоять Героду.

Наиболее образованная и открытая миру часть народа Иудеи ненавидит Герода, как узурпатора и чужеземца.

Его союзники ненадежны. Население тихо умирает с голода, с надеждой глядя на дом царя. Было от чего хвататься за голову и выть на луну.

Городские магистраты, наконец, вышли. Осталась «семья» — те, кто даже будучи чужим по крови, был ближе к Героду, чем многие кровные родичи.

— Теперь о главном, — сказал Герод, когда остались только свои. — Какими ресурсами мы обладаем? Что можно сделать, чтобы их стало больше?.. Начнем с армии. Бранн?

— У нас сегодня тридцать тысяч мечей. Из них пятнадцать тысяч стоят в Ерушалаиме, а пять рассредоточены в Сепфорисе и приграничных крепостях на севере. Еще пять тысяч воинов стоят в Самарии и три тысячи на юге, в Акре и Идумее. Оставшиеся две тысячи воинов охраняют караваны от нападения кочевников.

— Без кого мы можем обойтись?

— Ну, семь-восемь тысяч воинов из Ерушалаима мы можем посадить на землю уже сейчас. Правда, время неудачное. Осень. Значит, придется им заплатить, чтобы они дотянули до нового урожая. Оставшиеся семь тысяч будут смотреть, чтобы горожане себя хорошо вели.

— Заплатим из того, что оставили сторонники Антигона — те, которые погибли или сбежали. Вели двум сотням солдат и хорошему мытарю сегодня же заняться составлением описи их имущества. Симон.

— Да, господин, — проговорил самый молодой советник.

— Выдели людям Бранна такого человека. Я хотел бы, чтобы этого имущества хватило нашим воинам на обзаведение. Понятно?

— Да, господин.

— Бранн, какую армию мы оставим?

— Я думаю, что стоит оставить те отряды, которые обучены римскому бою. Мои люди тоже должны быть

оставлены. Они могут все. Итак, четыре тысячи конницы, восемь тысяч пехоты и две тысячи, скажем так, личной охраны монарха. На сегодня этого достаточно. Завтра — посмотрим. Расположение такое: пять тысяч бойцов в Ерушалаиме (из них тысяча моих, три тысячи пехоты и тысяча конницы). На севере нужно тоже много. Пусть тысяча пехотинцев, тысяча телохранителей и тысяча конницы будут стоять в Самарии, две тысячи пехотинцев и тысяча всадников — в Галилее. Оставшиеся составят гарнизоны крепостей и охрану караванов.

— Я понял, Бранн. Теперь, ты, Симон, скажи, что мы платим воинам сейчас, и сколько будем платить в следующем году, если распустим людей?

— Господин! В год мы тратим на содержание армии двадцать тысяч талантов. Иногда немного больше. Иногда немного меньше. То есть, сократив армию, мы сэкономим десять тысяч талантов или около пятнадцати миллионов римских сестерциев.

— Да. Сумма немалая. А что у нас с доходами?

— С доходами пока не очень хорошо. Хотя и лучше, чем могло бы быть. Подати с крестьян в этом году ты приказал не взимать. Но если они что-то продают, то это уже торговые подати. Торговая десятина в Самарии, Галилее и других подвластных землях составила три тысячи талантов. Пошлины на караваны из Nabatei, Кидрии и Эмесы принесли еще двадцать тысяч талантов. Полторы тысячи принесли подати с ремесленных мастерских. Итого, в казне после выплаты войску оставалось четыре с половиной тысячи талантов. Но тысяча талантов уходит на содержание городского управления в Ерушалаиме и Самаре. Еще пятьсот талантов уйдут на содержание двора. Останется три тысячи... То есть, осталось бы, если бы не траты на очистку Ерушалаима и содержание дорог, закупку зерна для Иудеи. Потому... казна пуста. — печально закончил он.

Герод тоже выглядел невесело.

— Итак, я разорен еще до начала царствования. Забавно выходит. Надеюсь, это все траты?

— Нет, но это основные затраты. Остальные — это мелкие расходы. Я их просто округлял. Кроме того, денег на них все равно нет.

— Все не хорошо, но и не так грустно, Герод! — вступил в разговор Барух. — Есть разоренная войной Иудея, но есть и богатый дом Герода. Давай посчитаем то, что мы имеем здесь.

— Давай, — Герод встрепенулся.

— Итак, начну с того, что знаю сам. Караванная торговля в северном направлении идет благополучно, Слава Всевышнему. За год мы провели пять десятков караванов в оба направления. Это — около тысячи талантов пряностей. Каждый талант пряностей приносит нам после всех выплат пять талантов серебра. Значит, торговля с Дамаском и Тиром дала нам пять тысяч талантов. На самом деле, немного больше, поскольку караваны большую часть пути теперь идут по нашей земле. У меня значит шесть тысяч талантов. Еще есть торговля в Тире — еще около тысячи талантов в год. И это — после всех вычетов. Про Александрию и Газу пусть расскажет Гедеон. Он работает с Фераросом и знает положение дел лучше.

— Господин, — поклонился Гедеон, которого Герод отправил создавать торговое представительство в Александрии. — Пока ты и молодой господин Ферарос осво-бождали Иудею, торговый дом Герода сына Антипатра покупал и продавал. Торговля товарами из далеких стран, пряностями, тканями и другим принесла восемь тысяч талантов. Торговля хлебом тоже была не в убыток. Еще тысяча талантов. Мы начали торговлю золотом из далекой страны Чад. Пока там доходы не очень велики — только триста талантов. Но они будут расти. Итого, после всех расходов на содержание дворца, охраны, кораблей,

соглядатаев и других необходимых расходов, Александрия дала дому Герода четыре тысячи талантов. Я уже включил в расходы те корабли с зерном, которые мы готовим для Иудеи.

— Отлично! Ты просто молодчина! — Герод хлопнул его по плечу.

— Я только помогаю господину Фераросу, — с достоинством ответил Гедеон.

— Это не все, — опять вступил в разговор Барух. — Как ты знаешь, есть еще Эфес. Там пока доходы невелики. Хотя уже есть. В этом году от них поступило тысяча талантов золота. Правда, из этих денег мы поднесли подарков на четыреста талантов. Но только текущий год увеличил богатство дома Герода на десяток тысяч талантов.

— Сколько же нужно, чтобы снова закупить товары? — спросил Герод.

— Думаю, что трех тысяч нам вполне хватит. Часть этих трат уже включена в расходы. И есть еще сбережения, которые идумейский дом делал многие годы. Ты о них знаешь, господин. Последние годы мы эту сокровищницу не особенно пополняли, но и не тратили.

— Барух, говори короче: сколько я могу потратить из прибыли дома, чтобы не нанести удара нашей торговле?

Барух задумался: — Полагаю, если ты сможешь ограничиться пятью тысячами талантов — к тем расходам, о которых уже говорил Симон, — то будет хорошо.

— Ну, тогда справимся! — повеселел Герод. — Давайте думать, что у нас по важности?

— Тут все просто, — начал Барух. — В этом году нам нужно продержаться. Не допустить голода и войн, не давать людям лениться и потихоньку закладывать основу для тучных годов.

— Согласен с тобой, Барух бен Моше, — промолвил

Геден. — Мы будем потихоньку через Газу и Аскелон обеспечивать Иудею хлебом, зерном для посева.

— А через Тир и Самарию мы организуем подвоз масла и вина, — живо поддержал старших Симон.

— Да, еще нужно начать строительство нового дворца. Этот будит слишком много невеселых воспоминаний. Сможем?

— Думаю, сможем, господин, — ответил за всех Барух.

— Господин, сейчас самое важное — это Храм, новый Великий Синедрион и выборы Первосвященника, — тихо сказал одетый в темные одежды иудей.

— Думаешь, это важнее хлеба? — спросил Герод. — Да, совсем забыл. — Он протянул руку в сторону говорившего. — Это, если кто-то не знаком, — Гиллель из Вавилонии, учитель юного царевича Аристубула и мой друг.

— Благодарю тебя, царь иудейский, — опять негромко проговорил Гиллель. — Ты зря смеешься над опасностью. Скоро начнется праздник Искупления, а у нас ни Первосвященника, ни Синедриона. Да и Храм такой, что его самого очищать нужно, а не в нем очищаться. Всевышнему не будет принесена искупительная жертва. Люди и так напуганы бесконечной войной. А тут довольно будет любой искры, чтобы вспыхнуло пламя восстания, перед которым война Маккавеев покажется детской игрой. Даже если Всевышний пожалеет свой народ, народ сам уничтожит себя из страха перед Ним.

Герод задумался. В доме отца исполняли все правильные обряды, праздновали праздники, думали о Всевышнем и молились в шабат. Но все это было не жизнью, а, скорее, фоном, на котором протекает жизнь. Он жалел и не понимал царя Гиркана, для которого размышления над Книгой и были смыслом и целью жизни. Слушая религиозные споры Гиллеля с юным Аристубулом, Герод восхищался не мудростью Всевышнего, а логичностью рассуждений юного Хасмонея, точной и красивой речью

мальчика. Так думал Герод.

Так думали все, или почти все, кто его окружал. Они жили, сражались, любили, дружили, жертвовали собой, убивали других, ссорились, мирились, покупали и продавали, но мысли о Вечном были для них атрибутом праздности или слабости. Простительные, достойные жалости, но не особенно значимые в реальной жизни. И только сейчас до царя Иудеи дошло, что разбив врага, захватив столицу и даже накормив народ, он не завоюет его сердца без Храма. Герод помнил слова отца об этом. Но только сейчас осознал, насколько они значимы, понял, почему Антипатр предпочел оставаться в тени Гиркана.

— Ты думаешь, что это важнее, чем хлеб, который я им дам? — уже не вполне уверенно спросил Герод.

— Думаю, что не менее важно. Царь, ты видишь мир... — мудрец запнулся — как это назвать... Ты видишь его внешним, как будто стоишь на высокой скале. Но есть еще мир улицы, дома, сада. Мир маленьких людей. Он другой. В этом мире очень много бед, очень много страха. Люди боятся нашествия врагов и неурожая, мытарей и князей мира. Любая перемена может стать для них смертельной. Тогда вместо смеха детей раздастся плач вдов и сирот. Они это видели много раз. Они этого боятся. Им нужна опора. Такой опорой всегда и был Всевышний и следование его Закону.

— Но ведь они сами часто отступают от закона. Работают в дни, когда надо думать о Предвечном, не выполняют нужные обряды. Ведь в этом их обвиняют саддукеи, разве нет?

— И да, и нет, царь. Всевышний посылает человеку испытание и блага. Он дал человеку шабат. Но шабат дан человеку, а не человек — шабату. Можно искренне принимать Всевышнего всем сердцем, но не всегда иметь возможность исполнять букву Закона. Мы, фарисеи, считаем более важным исполнить дух Его посланий. Так вот. Если

на Великий праздник Первосвященник не войдет в Святая Святых и не принесет искупительной жертвы, простые люди, населяющие Иудею, лишатся опоры в качающемся мире. Страх перейдет в ярость. Тем более что врагов, до поры скрытых, у тебя хватает. Они не упустят такой возможности.

Учитель замолчал. Молчал и Герод, молчали участники совета. Все понимали, что с Храмом что-то нужно делать. Но что?

— Учитель, ты же член Синедриона, — наконец, сказал Герод. — Что ты сам посоветуешь?

— То же, что посоветовал Самуил Саулу: слушай свое сердце. Что оно говорит тебе, царь иудейский?

— Гм, как-то я его нечасто спрашиваю. — Герод опять замолчал, погрузившись в свои размышления. Тянулись минуты. Царь молчал. Казалось, что само время в комнате застыло, вдумываясь в слова Гиллеля. Царь молчал. Внезапно его взгляд просветлел. В нем появилась решимость.

— В Ерушалаиме или где-то поблизости есть двадцать шесть членов Синедриона из фарисеев. У каждого из них есть ученики. Смогут они собраться до начала дней искупления?

— Да, царь — ответил фарисей.

— Тогда пусть они это сделают скорее. Скажем, послезавтра. Это возможно?

— Да, царь.

— За это время мои люди приведут в порядок Храм, а твои собратья-священники пусть придадут подобающий вид двору священников. Это возможно?

— Да, царь.

— Вот тогда пусть они совершать необходимые обряды, чтобы посвятить своих учеников в Синедрион. Такое делалось?

— Мы сделаем это, царь.

— Так вот, когда Храм будет в порядке, а Синедрион в полном составе, пусть будет избран Первосвященник, который принесет искупительную жертву.

— Кто по твоему мнению достоин этого сана?

— Думаю, вы сами решите. Я не очень понимаю в тонкостях Книги. У меня жизнь немного другая.

— Так и должно быть, царь. Кто-то должен воевать и управлять. Кто-то должен отмаливать грехи. Когда это один и тот же человек, в душе его рождается гордыня, а страх перед Всевышним и Всеблагим исчезает.

— Хорошо, учитель, постарайся выполнить свои обещания. А я буду выполнять свои.

Гиллель откланялся, а присутствующие перевели дух. Почему-то и Герод, и его друзья, даже Барух, самый истовый в отпращивании обрядов, чувствовали себя в вопросах веры мухами, попавшими в паутину, хотя и понимали, что и в эту пропасть им соваться придется.

— Ладно, — выдавил Герод, — пусть фарисеи подумают над своими проблемами, а нам нужно решать свои.

Уже на следующее утро, когда солнце еще не успело подняться над городской стеной, Ерушалаим напоминал переполненный и бурлящий котел. По его улицам сновали люди, собирая обломки вещей, осколки посуды, просто мусор на улицах. Все это сваливалось на огромные повозки и вывозилось прочь из города. В город въезжали повозки с глиной для ремонта стен домов и изготовления черепицы для крыш. Над многими мастерскими, где изготавлилась черепица, закрутился дымок из труб. На площадях нижнего и верхнего города работникам выдавали пищу и пару медяков за проработанный день.

Такая же путаница людей, повозок, лошадей образовалась и в верхнем городе, где начался ремонт дворца и Храма. Герод не находил себе места. Со всех сторон доносились крики, топот, стук топоров, ржанье лошадей и визг ослов. Окончательно озверев, правитель выскочил на стену. Уф! Отлично! Высота стены несколько приглушала шум улиц, позволяла наблюдать всю картину целиком.

Картина потрясала. Еще вчера пустые улицы не просто наполнились — они переливались, как реки в половодье. И каждая частичка этой массы делала мир немного удобнее и благообразнее. Как хорошо! Вот так вот, лет десять работы — и страна станет прекрасной, а Ерушалаим затмит Александрию и Антиохию. А вера... Что вера? Дело, наверное, нужное. Только важно, чтобы она не мешала видеть и создавать красоту и гармонию. Или нет: вера создает гармонию, а мы вписываемся в нее.

Герод терялся в материях, о которых он не привык думать. Он знал, что это — его мир. Он знал, что этот мир он должен защищать и пестовать. И еще он чувствовал, что мир вокруг маленькой Иудеи стремительно меняется, становится другим. Он кожей ощущал это движение времени, его стремительный бег вперед и выше. И воплощением этого стремительного бега времени был для него Рим. Он плыл в этом стремительном потоке, чувствовал его каждой порой кожи, принимал душой, сам был частью этого потока.

Иудея же застыла, как прекрасная бабочка в кусочке смолы. Красиво, но нет жизни. Погруженность в свое прошлое, в незыблемость Закона, в несомненность догм. Все это отбрасывало его любимую Иудею на обочину стремительного бега времени.

Он, Герод, попробует медленно-медленно соединить эти два кусочка жизни: стремительный мир и застывшую Иудею. Он приучит своих подданных ко времени. Или

нет? Вопросы веры — трудные вопросы. Но он их обязательно решит. Ведь там, над ним и впереди него звучит и наливается силой его Песня. Раньше он думал, что это песня битв и славы. Он ошибался. Это — Песня любви. Любви к ней. К его Иудее. Это его вера.

Глава третья. Правитель

Следующие дни были заполнены столь плотно, что думать или рассуждать о вопросах веры у Герода просто не получалось. Начали прибывать караваны с зерном, маслом и вином. Нужно было организовать раздачу рабочим, продажи населению. Город медленно, но верно возвращался в свой привычный облик. Да, ему пока далеко было до Александрии или Антиохии. Но это уже был не захваченный город воюющей страны, но столица государства. Дворец, хоть и не стал для Герода своим домом, но стал походить на жилище монарха. Началось строительство нового дворца, примыкавшего к Сузской стене Храма.

Постоянные работы шли и в самом Храме. Гиллель смог собрать не просто фарисеев и их учеников, но всех почитателей и знатоков Книги Книг из коенов, готовых признать Герода царем Иудеи. Они, как муравьи сновали по двору священников, придавая ему прежний вид. Только часть Храма у Садовых ворот, где должен был совершать молитвы Первосвященник, пока пустовала. Но Герод знал, что это ненадолго: Первосвященник будет избран новым Синедрионом уже через два дня. Герод старался поспевать везде — на раздачах и на улицах, во дворце и Храме, в лагере римлян и на совете приближенных. Правда, в последние дни он все чаще оставался дома, во дворце царя. Тому была причина.

Главным событием для правителя стал переезд в Ерушалаим из Самарии его семьи. Марьямна и Аристул, мать и сестра Саломея с мужем Иосифом вошли под сень дворца. Дворец становился жилым. Даже чем-то напоминающим дом отца. Даже мать Марьямны Александра вернулась в Ерушалаим из Александрии, где она

жила в нелегкие годы. Правда, мать Герода потребовала, чтобы был восстановлен дом Антипатра, где она станет жить с дочерью и зятем, а Александра, дочь Гиркана, возжелала лучшие покои, примыкающие к залу совета. Но это не было проблемой для Герода. Хотят жить так? Пусть живут, как и где им удобно.

Герод все больше времени проводил с женой, которая ждала ребенка, и потому особенно нуждалась в опеке и поддержке. Он боялся, что беременность оттолкнет их, как у него уже случилось когда-то, но вышло иначе. Они все лучше узнавали друг друга, все больше нуждались друг в друге. Царь делился с женой всеми своими бедами и сомнениями. После разговора в домашних покоях он обретал уверенность в себе, которую уже привыкли видеть приближенные и подданные. Одна из проблем касалась брата Марьямны, Аристобула. Мальчик все больше уходил в мир Мудрой Книги и ее толкований. К нему уже прислушивались не только ученики, но и сами учителя. Но мальчик знал не только Книгу и Закон. Лучшие учителя обучали его эллинской и римской премудростям, языкам и искусству красноречия. Было понятно, что растет Великий первосвященник. Его Герод и предполагал на это место.

Но уступчивые фарисеи вдруг стали подобными камню. Аристобул не так давно справил шестнадцатую зиму, а Первосвященник согласно закону должен быть старше двадцати лет. После доходящих до криков долгих споров Герод и члены Синедриона пришли к соглашению: до того времени, когда Аристобул сможет сам войти в Святая Святых, Первосвященником станет Ананель из рода Садока, потомок самого Аарона, брата Моше, получившего Свиток Завета. Праздник приближался, и что-то решать было нужно. Были оговорены права Синедриона и царя. Царь не вмешивался в дела Веры, учителя не мешали царю править народом. Вариант этот

устроил и Герода, и Синедрион. Фарисеи давно тяготились «земной» ролью. Теперь они могли сосредоточиться на Главном. Того же мнения придерживался и Герод. Большую часть жизни тратить на исполнение ритуалов было для него невозможно. Аристократ, погруженный в свои мысли, кажется, даже не заметил, какие страсти кипели вокруг него.

Марьямна огорчилась, что Герод не смог добиться своего, но была согласна, что Аристократ еще слишком молод для сана Первосвященника. Ее опасения, как и опасения самого Герода, были связаны с другим. Синедрион становился полностью неподконтрольным царю, хотя и лишившимся многих мирских прав. Пока в Синедрионе сидят люди, принимающие нового царя, но будет ли так всегда? Впрочем, и Марьямна, погруженная в ожидание материнства, и Герод в бесконечном круговороте дел решили отложить эту проблему «на потом». Но иначе думала Александра, мать Аристократа.

Привыкнув к полной свободе и, как ей казалось, власти при дворе своего отца, Гиркана, она тяготилась своим неопределенным положением стареющей «принцессы». Общение с Клеопатрой, с которой она сдружилась за годы жизни в Александрии, тоже сказалось. Отличие было только в том, что Клеопатра была... умной. Царица Египта, мечтающая о возрождении мощи государства Птолемеев, превращении его в одну из мировых держав, хотела иметь рычаг, с помощью которого можно будет давить на Герода. Она уже видела себя повелительницей полумира с покорным Антонием у своих ног.

К ее огорчению, Антоний довольно откровенно отстранил ее от принятия ключевых решений, а ее предложение о присоединении к Египту Иудеи перевел в шутку. Правда, многие земли Антоний уже присоединил к владениям Птолемеев. Но и здесь все было непросто. Это были земли, поросшие лесом. Клеопатра за это

дарение должна была на собственные средства построить для Антония флот, не меньший, чем флот Помпея и Октавиана.

Что ж, там, где не выходит решить дело через ложе, его можно решить с помощью интриг. Медленно и очень постепенно она убеждала Александру, что царь Герод — это просто недоразумение. Герода стоит использовать, чтобы вернуться в Ерушалаим. Поскольку Антигону не нужны конкуренты (судьба Гиркана тому подтверждение), он, скорее всего, уничтожит и Александру, и ее детей. Значит, на время уничтожения Антигона Герод — ее союзник. Но потом в сан Первосвященника возводится Аристокбул, а Герод... Что Герод? Пусть управляет войсками где-нибудь на границе. А еще лучше, пусть с ним случится в дороге какая-нибудь досадная неприятность. Нападение разбойников, дурной кусок пищи или что-то еще. Аристокбул будет молиться, Герод — воевать или просто исчезнет, а править будет она, Александра. Ведь правила же ее бабка Саломея. Чем она хуже? Она и так правила. Пока отец возносил молитвы, а Антипатр решал свои скучные дела со сварливыми стариками и купцами, именно Александра определяла, в каком порядке и в какой одежде сядут люди на званом обеде. Именно она знала, кто с кем дружит и кто кого ненавидит. Следила за порядком. Дружила и ссорила людей при дворе. Она даже приехала в Ерушалаим из блестящей Александрии, перенесла муки тряски на корабле и долгий путь по пыльной дороге от Аскелона.

Она сразу по прибытию объяснила всем, кто здесь главный, потребовав себе лучшие покои во дворце. Хоть все и говорили вокруг о смелости и жесткости царя, но тот ее послушался, уступил. Чувствовал, наверное, ее силу духа. В качестве своих слуг и советников она наняла людей из хороших домов Ерушалаима, чтобы не видеть физиономии простолюдинов, которых становилось все

больше во дворце. Правда, настояния, чтобы ее советники присутствовали в Большом зале, когда царь обсуждает важные дела, встретили вежливый, но жесткий отказ. Ладно, посмотрим, как ты запоешь, друг Герод, когда Первосвященником станет Аристобул.

Хотя с детьми тоже все было не совсем так, как ей представлялось. Дети как-то отделились от нее. Впрочем, и раньше ей было некогда заниматься ими — слишком много дел было вокруг. Но теперь это переходило все грани. Марьямна носила под сердцем ребенка идумейца и, похоже, была влюблена в него, как кошка. Вместо того, чтобы, как все настоящие женщины, использовать мужскую похоть и глупость, она смотрела ему в рот. С матерью была почтительна, но не более. Сама в ее часть дворца не наведывалась, хотя ее принимала, как положено дочери принимать мать. Еще сложнее складывались отношения с сыном, который должен был стать инструментом ее власти.

Мальчишка был совершенно равнодушен к ее ласкам: на празднике, который она устраивала в своей части дворца в честь прибытия, он сидел с отсутствующим видом, глядя куда-то за спины пирующих гостей. А ведь праздник был не хуже, чем иные праздники в Александрии. Все время он проводил с учителями-фарисеями, которых она недолюбливала, да еще с мужем дочери, выскочкой Геродом. Ничего; не так, так иначе, но она своего добьется. Пусть только сын войдет в Святая Святых.

Но тут случилось страшное. Происки Герода (а кого же еще!) привели к тому, что новые члены Синедриона — это жалкое подобие настоящих учителей в золотом шитой одежде — выбрали не ее сына, а это ничтожество Ананеля, дескать, происходящего из рода Первосвященника Аарона. Александру просто разрывало от ненависти и презрения к этим людишкам и их интригам.

Она бросилась к этому жалкому «царю». Но он, видимо, понимая, что она с ним сделает, уехал опять на стройку к своим горшечникам и каменотесам. Она пошла к дочери. Но та не смогла понять всю глубину ее горя. Бедная девочка, ослепленная своим чувством! Она пыталась успокоить мать тем, что Герод тоже расстроен решением Синедриона. Как же, так она и поверила! Но, дескать, это решение правильное. Аристокбул еще очень молод. Вот будет готов к служению, тогда его изберут. Она даже была не способна понять, что за эти несколько лет Александра может совсем лишиться влияния на сына. Тогда все бессмысленно.

Сын тоже, на ее удивление, не понял ее. Он, в отличие от Марьямны, был совсем не огорчен. Сказал, что благодарен Синедриону, поскольку еще не чувствует себя готовым быть заступником перед Всевышним за весь народ. На ее пламенную речь о том, что Герод крадет у него, Аристокбула, власть, которая принадлежит ему по праву, мальчишка поклонился матери, с жалостью посмотрел на нее и сказал, что будет молиться сегодня о ней Всевышнему.

Ей оставалось только метаться по своей части дворца, срываясь на не ко времени подвернувшихся слуг. В этом мире недоумков она нигде не может найти понимание. Она вспомнила Клеопатру. Вот кто действительно мудрая женщина! Приказала подать себе письменный прибор и долго переносила свою боль и горе на страницы пергамента. Доверенный человек принял письмо и тут же отбыл в Александрию. Александра немного успокоилась. Посмотрим, дорогой Герод, что ты запоешь, когда тебе прикажет сам Антоний. А уж Клеопатра сможет его убедить.

Вечером Марьямна рассказала Героду о визите матери и ее жалобах. Герод, как мог, успокоил любимую жену. Почтенная Александра что-то надумала. Может быть, она

нездорова? Он прикажет лекарям осведомиться о ее благополучии. В любом случае, Марьямне расстраиваться не стоит.

Праздник начался. Работы временно прекратились, люди сидели дома и думали о вечности и бренности. Ближайшие дни он проведет дома, рядом с женой. Аристобула он увидеть в эти дни не смог. Тот все время пропадал в Храме, возносил молитвы, слушал мудрые проповеди учителей.

Лишь однажды Аристобул остался дома, сам пришел к Героду для беседы. Герод прямо спросил его, огорчен ли тот отсрочкой своего вступления в сан?

— Почтенный друг и родич Герод, — вежливо ответил не по годам взрослый юноша. — Я понимаю, что ты хотел бы, чтобы в Святая Святых заходил я. Но это не должность и не кресло, куда можно сесть и потом встать. Это — тяжкая ноша на всю жизнь. Первосвященник не просто возносит молитвы и приносит жертвы. Главная жертва — он сам. Его жизнь ни на миг уже не принадлежит ему. Каждый его жест, каждое действие будут толковать. В них будут видеть проявление воли Его. Я понимаю, что мне не миновать этой доли. Я буду отвечать за народ. Я буду помогать тебе. Но пусть это случится через несколько лет. Я очень тебя прошу. Я хочу еще несколько лет просто погулять по рощам вблизи города, поговорить с людьми не как их пастырь, а как юноша, случайный прохожий. Я хочу просто поиграть со своим племянником, когда он появится на свет. Увидеть его улыбку, прочесть с ним первые слова молитвы. Не лишайте меня этого.

— Что ты, малыш? — опешил от речи Аристобула Герод. — Мне казалось, что ты, старший мужчина в роду, стремишься занять это место.

— Скажи искренне — не как младшему, а как равному, — вдруг поднял глаза Аристобул. — Ты, ты сам хочешь

быть царем?

— Ну, непростой вопрос.

— Ответ на него, пожалуйста, Герод.

— Понимаешь, может быть, и не хочу, но это уже неважно. Тысячи и тысячи людей уже поверили мне. Уйти сейчас в тихую жизнь, построить большой дом на берегу моря у тихой бухты. Остаться вдвоем с женой. Слушать смех детей в доме... (Герод усмехнулся). Это очень заманчиво. Только как ходить по земле, если ты предал тех, кто тебе поверил?

— Я тоже не хочу быть предателем. Но чтобы быть Первосвященником, мне нужно подготовиться. Как говорит учитель Гиллель: если я только за себя, то кто я?.. Я не хочу, но буду, поскольку это моя судьба и воля Всевышнего.

— Я понимаю тебя, Аристобул.

Мальчик молча обнял воина. Поклонился ему: — Спасибо тебе, Герод. Не гневайся на мать. Мы такие, какими нас создал Всевышний. Возможно, что она не даст тебе уйти в частную жизнь, заставит больше думать о деле и о народе.

— Хорошо, Аристобул. Я постараюсь быть вежлив и внимателен с Александрой. В эти дни мы должны прощать и просить прощения. Прости и ты меня за то, что хотел сделать тебя средством для достижения своих целей.

— Я прощаю тебя, прости и ты, Герод.

Праздник завершился к всеобщему удовольствию. Разве только аристократы, оставшиеся в Иудее, роптали на простолюдинов, дорвавшихся до власти, и на тирана Герода. По повелению царя беднякам раздавалась мило-

стыня от его имени и от имени Первосвященника. Раньше этот обычай был всеобщим, но за время смуты и войн о нем стали забывать.

Старик медленно брел к полуразваленному сараю. Мысли его были печальны. Сегодня праздник, а его стол опять будет пустым. Хвала Ему, что царь Герод выдает зерно, чтобы не умереть с голоду. Да только что за жизнь у него? Сын погиб еще во время борьбы Гиркана и Аристовула. Дочери вышли замуж. Они со старухой остались одни. Подати все росли. Хозяйство приходило в упадок. Но сильных мира это не волновало... Да, подумаешь о нечистом, он и появится: к забору подъехал всадник.

— Хозяева есть?

— Живы пока, господин, — грустно ответил старик. — Только денег совсем нет. Мы уже все отдали царю Антигону. Совсем ничего не осталось.

Старик низко склонил голову. Сейчас начнет бить. Ничего. Потерпим. Но последнее не отдам. Чтобы умереть с голоду? Это не по-людски. Не зря говорят, что новый царь — чудовище. Хотя, кто их знает? Те, кто говорили, были не лучше.

Всадник спустился с коня. Развязал пояс.

— Отец, — он поклонился старику. — Царь Герод в честь Великого праздника жалует тебе эти монеты, чтобы сегодня твой стол не был пустым.

Старик непонимающе смотрел на воина.

— Отец, бери деньги! — протянул он ему горсть медяков.

Старик пригнулся, как от удара.

Воин рассмеялся: — Бери, отец, не сомневайся. А мне еще много домов объехать нужно. Да и домой успеть к молитве хочется.

Воин сел на коня и тронулся дальше по улице. Старик

остался стоять, ошарашено глядя вслед, держа в руке пригоршню монет.

Праздник отмечали все. После на площадях, рынках и улицах обсуждали это происшествие еще много дней. Вспоминали, что, по рассказам стариков, первые Хасмо-неи всегда в Киппор жертвовали бедным на праздничный стол. Правда, потом эта традиция забылась. А новый царь о ней вспомнил. Может быть, с ним и можно жить.

Еще не стихли пересуды, вызванные дарением царя для бедных, как на площадях городов были объявлены новые правила внесения податей. Крестьяне в этот год от податей освобождались совсем. Правда, если они не торгуют на рынках. Подати ремесленников снижались наполовину. Снижение податей? Да когда же такое было? Для чего это? Какая тут хитрость? Люди терялись в догадках. Поползли черные пересуды и разговоры. Чтобы как-то внести ясность, в Ерушалаиме собрались уважаемые купцы, ремесленники и избрали посланников к царю. Посланников от народа встретил степенный иудей в летах, представившийся советником царя Барухом бен Моше.

— Здравствуйте, добрые жители города Ерушалаима! Что за беда привела вас к престолу царя Герода?

Вперед вышел мужчина с растрепанной бородой, но в богатой одежде.

— Почтенный советник, мы хотели бы видеть царя Иудеи.

— Царь всегда рад своим подданным, но сейчас царь Герод осматривает работы в городе. Будете ли вы ждать его, или поделитесь вашим делом со мной?

Посланники задумались. После совещания они решились.

— Почтенный Барух, весь город слышал, что царь повелел уменьшить подати. Но так не бывает. Здесь какая-то хитрость. Вот мы, простые жители, хотим знать:

зачем это? Хотим понять, что хочет молодой повелитель? Как нам с этим жить? Сможешь ли ты объяснить нам?

— Спасибо, почтенные жители славного города, что вы пришли сюда с открытым сердцем и задали прямой вопрос. Я смогу вам ответить. Когда-то давно, еще в Галилее, где проходил тогда мой земной путь, я сам задавал этот вопрос тетрарху Героду. Тут все просто. Царь хочет, чтобы его казна была полной.

— Как же так? — не понял предводитель посланников. — Он хочет больше, потому берет меньше?

— Все просто, почтенный купец. Если у тебя есть десять динариев, и я заберу половину, то я заберу пять динариев. Но на следующий год ты не будешь иметь десять динариев, ведь у тебя упадет оборот, ты не купишь и не продашь товар. Точнее, купишь его меньше. У тебя будет семь динариев. И я получу с тебя только три или четыре монеты. А на четвертый год ты бросишь торговать. И я не получу ничего. А теперь подумаем так, как думает наш господин. В этом году он получит с тебя только два или три кругляка серебра. Ведь так?

— Так, — подтвердили гости.

— Вот, зато ты купишь больше товара, продашь его и заработаешь двадцать динариев. И я получу уже пять. А там ты станешь богаче, и царская казна будет становиться богаче. И это не все. Чем богаче будет купец или мастер, тем больше работников у него будет, тем меньше бездомных и разбойников будет на дорогах. Значит, царь может уменьшить число стражников, сэкономить казну. Но и это не все. Если у людей будут деньги, а дороги будут безопасны, то сюда пойдут караваны из других стран. А это уже большие пошлины. Значит, казна будет наполняться еще быстрее. Вы согласны, почтенные жители Ерушалаима, что царь думает о своей выгоде?

— Да! — почти хором согласились ерушалаимцы. — Царь Герод — рачительный хозяин. Пастух тоже не стри-

жет овцу дважды, а ждет, пока отрастет новая шерсть.

— Но ведь и вам это выгодно, почтенные. Разве не так?

— Так, почтенный Барух. Истинно так.

— Я ответил на ваш вопрос, почтенные купцы и ремесленники?

— Да! Ответил! Благодарим! — вразнобой отвечали посланцы.

К дворцу подъехала группа всадников. Впереди ехал высокий воин в царском облачении. Соскочив с коня, он удивленно окинул взглядом Баруха и толпу. Люди повернулись к Героду и разразились приветственными возгласами.

— Здравствуйте, жители города! Рад видеть вас в здравии! С чем пришли ко мне?

— С благодарностью, царь! — поклонился старший — Все наши вопросы уже разрешил твой советник!

— Это — важно проговорил Герод — очень мудрый советник! Барух, награди жителей города от своего и моего имени!

Барух важно поклонился Героду: — Слушаю, господин! — и кивнул дворцовому слуге. Тот опрометью кинулся в здание и через пять минут уже выносил пышные одеяния для каждого из присутствующих. Гости с поклоном удалились.

— Началось, — проговорил Барух. — Они не понимают. Я, как мог, убедил их в чистоте твоих помыслов. Но такая встреча — не последняя. Будь осторожен, Герод.

— Кто-то думал, что будет легко? — усмехнулся правитель. — Править — дело неблагодарное. Лучше чистить улицы: и руки крепче становятся, и результат виден. Ладно. Давай вечером подумаем. Собери наших. — Герод прошел во дворец. Барух сокрушенно покачал головой.

А о визите во дворец уже рассказывали на всех углах. Люди пересказывали слова советника и царя, удивля-

лись, восхищались. Даже сторонники павшего царя и недоброжелатели Герода временно примолкли. На Совете — настоящем Совете — было решено постепенно создавать службу из людей, которые разъясняли бы по стране смысл того, что делает царь. А делалось немало.

Распроставшись с римлянами, Герод принялся знакомиться с хозяйством Иудеи, землей, дорогами, городами. Объезжал он и новые области, по решению римского Сената присоединенные к Иудее. Он подтвердил вольности греческих городов, перешедших под его контроль, посетил Газу, устроив пир-знакомство с ее купечеством и булевами, заключил договор о дружбе с вольным городом Аскелон, наделил привилегиями город Акру, ставшую его пристанищем в первые дни после возвращения из Рима.

Закупки хлеба в Александрии позволили Иудее пережить зиму. Подходила весна, начинался сев. Бывшие солдаты осели на землю. Им были выделены семена для посева. На царских землях Симон предложил возрождать плантации фиников, которыми некогда славилась Иудея. Финики и вино из них станут новыми товарами, которыми будет торговать Иудея. Продвигалось строительство дворца, который в городе уже называли домом царя. Все шло, как задумано. Даже взбалмошная Александра, мать Марьямны и Аристобула, успокоилась и почти не доставляла ему хлопот.

В один из весенних дней рано утром в покои Герода вбежала служанка жены. Последние дни они спали врозь с женой.

— Прости, царь! Госпожа рождает!

Герод кинулся к спальне Марьямны. Но там уже теснились повитухи и его попросту не пустили. Правитель страны ходил перед опущенным занавесом в покои жены, сжимая и разжимая кулаки. Наконец, занавес дернулся, отошел в сторону, и к Героду подошла служанка с малень-

ким свертком в руках. Из свертка чуть проглядывало маленькое сморщенное личико.

— Мальчик! — гордо, будто сама была роженицей, проговорила служанка.

— Сын! — пронеслось в голове Герода.

Он рванулся к жене. Марьямна спала. Герод застыл. Повернулся и тихонько выскользнул из комнаты. Сын в кулечке тоже спал. Герод вдруг почувствовал себя лишним. Он внимательно осмотрел сына. Тот посапывал после первой трапезы в своей жизни и тоже пока был безразличен к своему отцу, в растерянности стоящему рядом.

— Госпожа проснулась и просит тебя, царь, войти к ней, — тихонько подошла к нему еще одна девушка из прислуги жены.

Герод вновь вошел в спальню. Подошел к широкому ложу под балдахином и, встав на колени, припал поцелуем к животу Марьямны. Ее пальцы заскользили по его голове.

— Сын, Герод... Наш сын... — почти шепотом проговорила она.

— Наш сын... — повторил Герод, целую руку любимой.

Всего неделю наслаждался Герод счастьем семейного очага. Через неделю прибыл гонец из Антиохии. Антоний призывал Герода к себе. Надо было ехать. Причина приглашения была понятна. Уже несколько месяцев из Антиохии шли слухи о подготовке к походу в Парфию. Вестники, проезжавшие из ставки Антония, везли приказы войскам о передвижении ближе к границе, а префек-

там — о создании опорных баз. Вопрос был в том, что может потребовать Антоний от Герода, и что Герод может предложить Антонию? Войско? Деньги? Тут нужно хорошо продумать.

Армия у Герода сейчас не особенно сильная. Многих распустили по домам. Они сейчас в работе и отрывать их очень нежелательно. Это значит, что на следующий год их пропитание опять ляжет ярмом на казну царя. Значит, войско лучше предлагать так, чтобы Антоний отказался. Деньги? Сколько? С деньгами у Антония плохо всегда. Вот и сейчас он смог собрать с подвластных территорий, включая Египет, в четыре раза меньше, чем требовал. Значит, деньги. Когда-то Герод выплачивал в казну наместника две тысячи талантов. Герод с советниками решил ограничить свои траты за год десятью тысячами талантов. Уходит много, но и поступления появляются. В основном, растут поступления от торговли. Эх, дворец отнимает много средств, и стена! Но деньги для Антония найти нужно. Он, конечно, освободил друга Герода от уплаты подушной подати, но дружба лучше протекает с прибылью. Об этом говорили на совете близкие Героду люди. Это знал и сам Герод.

Было решено отправиться в Антиохию с двумя тысячами воинов и повезти с собой тысячу талантов серебра. Из Александрии к Антиохии направляются корабли с провиантом для войска. Пока так, а там посмотрим. Уже утром, попрощавшись с семьей, Герод с отрядом направился в Антиохию. Уже перед выходом из дворца он столкнулся с Александрой, грозно и значительно глянувшей на своего зятя и быстро скрывшейся в своих покоях. Опять чудит. Никак не успокоится. Письма пишет Клеопатре, народ мутит, ведет со своими присными «список преступлений» Герода. Ох, трудное существо... Александра же точно знала, ну просто наверняка, что в ставку Антония зять вызван по настоянию Клеопатры — для

ответа на ее жалобы.

Дорога была недолгой. Заглянули в Самарию. Там дела шли если не блестяще, то вполне удовлетворительно. Благополучно обстояли дела и в Тире. Гораздо тревожнее были слухи и сплетни, носившиеся в городах. Смысл прост. Правит теперь не Антоний, а Клеопатра. Будет всех гнуть, как гнет своих египтян. Особенно тревожило, что слухи эти носились не только среди сирийцев, но и среди римлян. И римляне, живущие на востоке, все чаще поглядывали в сторону Октавиана.

Добравшись до Антиохии, Герод решил расположиться лагерем, не въезжая в город. Пока войны разбивали палатки, он привел себя в порядок и отправился к Антонию в уже знакомый дворец Селевка. Если при Помпее и Кассии дворец походил на полевую ставку командующего армией, а при Сексте — на дом римского нобиля, то сейчас он стал напоминать дворцы Александрии. Рука властительницы Египта чувствовалась в тысячах мелочей, драпировке комнат, росписи стен, вычурности мебели.

Проходя по дворцу в сопровождении важного слуги, Герод фиксировал отличия. И они не радовали его. Впрочем, встреча с Антонием была вполне дружеской. Триумвир радостно приветствовал Герода, как старого друга, а не как подданного. И... тут же завалил своими делами.

— Тут столько всего делается, что и не перескажешь сразу, — жаловался властелин полумира. — Мы готовим поход в Парфию. Договорились с Октавианом, что он мне передаст четыре легиона, а я ему — сотню кораблей для борьбы с Секстом Помпеем. Корабли я отослал, а вот легионы не получил. Октавиан говорит, что, дескать, на границах неспокойно. Пришлось набирать новобранцев, учить их. Приказал собрать подати — так привезли совсем немного.

— Может, отложить поход в Парфию? — осторожно спросил Герод.

— Сам не рад, а нужно. Очень нужна большая победа. Дух в легионах без нее падает. А тут как раз все складывается удачно. У парфян — смена царя. Прежнего правителя, своего отца, новый царь придушил. Казнил всю свою родню. Их сторонники ко мне бегут. Обещают все дороги указать. Армянский царь готов дать конницу, а без конницы с парфянами, сам знаешь, воевать трудно. Вот и выходит, что выступать нужно. И твоя помощь мне нужна.

— Чем я могу помочь?

— Как обычно, деньгами! — рассмеялся Антоний. — Только не подумай, что я от своих слов отказываюсь и податью тебя облагаю. Мне нужна помощь моего друга. Ты понимаешь?

— Конечно, Марк! С тем и приехал. Со мной тысяча талантов.

— Я знал, что ты настоящий друг! Это немного, но хоть что-то.

— Еще скоро придут корабли с зерном и другими припасами для похода. Думаю, тебе все это пригодится.

— Конечно, пригодится. Сам-то пойдешь? Парфия — богатая страна. — Антоний, прищурившись, посмотрел на Герода.

— Если я тебе нужен, то пойду. Со мной две тысячи воинов.

— Знаешь, малыш, мне было бы спокойнее, если бы рядом находились верные люди. Только где же их взять, верных людей? И здесь нужны, и там нужны. Ладно, оставайся. Решай свои дела с тещей. Я вмешиваться не стану. Пусть Клеопатра позлится.

— Антоний, прости, но я должен сказать, — опустив голову, промолвил Герод.

— Говори. Марк Антоний — не какой-нибудь зазнавшийся царек из провинции, — усмехнулся триумвир. — Понимаю, что какую-то гадость скажешь. Ну, говори.

— Во время поездки к тебе я слушал много разгово-

ров, специально рассылал людей. Население недовольно. Все говорят о самовластии царицы Египта, и, прости, — слабости Антония. Даже легионеры ведут такие разговоры. Могут возникнуть заговоры, а твои «друзья» в Риме не замедлят этим воспользоваться. Я должен был это сказать. Я твой друг.

— Ах, им Клеопатра не по нраву! — взревел Антоний. — Антоний им слаб! Змеи! Вокруг одни змеи! И в Риме змея на змее. Мне нужен флот. Клеопатра его построит. Для этого ей нужен лес. Я ей его дал. Что здесь не так?! Да! Я сплю с этой царицей. И что? Кому до этого дело? Моей жене, Октавии? Да ей уже давно плевать, с кем я сплю. Октавиану, который не вылезает из постелей жен сенаторов? Пусть за собой следит. Слушай, малыш Герод, слушай меня. Да, я хочу растворить восток в Египте! Да — это мой план. Мне до смерти надоели бесконечные прения отцов-сенаторов, необходимость заигрывать перед чернью, говорить длинные речи, составляя их с учеными греками. Я хочу править, как Птолемеи. Я хочу, чтобы мои приказы не обсуждали надутые отцы отечества, а выполняли расторопные слуги. И я это сделаю. Разве плохо звучит «царь и Бог Антоний»? Мне нравится. Не нравится другим? Я не золотой аурес, чтобы всем нравился. Зато я — Марк Антоний, и я заставлю их слушать себя. Ты понимаешь меня, малыш?

Герод молчал. Такого поворота событий он не предвидел. Это было даже хуже, чем Антоний у ног Клеопатры. Антоний — царь и Бог, а Иудея, его Иудея — провинция Египетской державы! Даже если место самого Герода в этой державе будет бесконечно высоким, для него это не важно. В нем не будет Иудеи. Хуже того, страна восстанет, а, значит, повторится нашествие. Только теперь проливать иудейскую кровь будут не парфяне, а римляне. Его римляне.

— Не молчи, малыш. Ты со мной? — заглянул в глаза

Героду Антоний.

— Антоний. Когда-то, много лет назад, Александр Македонский решил сплавить в единое целое восток и запад. Но споткнулся. Его царство разорвали на куски, а потом и сами куски растворились. Воины за несколько поколений превратились в изнеженных гурманов, не способных держать меч. А враги не дремали. Да и подданные восставали все время. Зачем тебе такое будущее? Останься римлянином, Антоний! Ты станешь господином всего мира, ты победишь всех, только останься римлянином. Египет — это прошлое.

— Нет. Ты не ответил, Герод. Ты со мной?

— У меня нет другой судьбы. Ты спас меня, ты мой друг. Я с тобой. Но это путь в никуда. Здесь, на востоке, такая мешанина из народов, царств, племен, что сделать всех египтянами просто невозможно. А править как египтянами можно только египтянами.

— А я смогу, — упрямо проговорил Антоний. — И ты мне поможешь.

— Да, Антоний, но только до той поры, пока ты не решишь сделать Иудею Египтом.

Антоний, выпустив пар, не хотел больше ссориться. Хотя было видно, что он ожидал от Герода иной реакции на свои замыслы. Ладно, планы для парня оказались слишком великими, не по нему. Ничего. Когда он увидит их во всем их великолепии, он будет со мной. За эти годы Антоний стал воспринимать Герода в качестве своего если не сына, то близкого воспитанника. Жалко, что не понял. Поймет. Он ведь на самом деле переживает за Антония. Он — жалкий провинциальный царек — переживает за повелителя державы. Даже забавно.

— Ладно, Герод! Лучше выпьем, — подвел черту под беседой Антоний. Он позвонил в колокольчик. Вбежал слуга.

— Принеси вина и чаши. Да! Распорядись, чтобы кве-

стор принял под опись серебро из Иудеи, а каптенармус — продукты для похода.

Герод возвращался в Ерушалаим в совершенно подавленном состоянии. Впервые планы римлянина полностью шли в разрез с планами Герода, да и с планами Рима. Будь на месте Антония кто-то другой, проблем было бы меньше. Можно было просто сделать ставку на Октавиана. Но Антоний не просто один из двух самых могущественных людей Рима, но друг. Антоний — это человек, который пришел на помощь в трудную минуту, который спас его. Антонию он сам вручил меч Антипатра. Где выход? Антоний — блестящий полководец. Но он не видит или не хочет видеть зреющего заговора, предательства. Он не видит, как растет ненависть к Клеопатре и, через нее, к самому Антонию — от Трапезунда до Газы, от Афин до Селевкии. Что делать Героду? Спасать Иудею? Спасать Антония? Спасать себя? Он не видел выхода. Все это он выложил своим советникам. И здесь мнения были разными — как и те люди, что окружали Герода. Бранн считал, что Антония нужно спасти. Пусть ценой убийства Клеопатры. Он, Бранн, готов пожертвовать собой. Но Герод понимал, что дело не в Клеопатре, а в мечте самого Антония о власти царя и Бога. Он, наверное, любит египтянку. Но разве в этом беда? Беда в самом Антонии. А как спасти человека от себя? Симон предложил послать вестника к Октавиану. Это предложение тоже было отвергнуто. Это — прямое предательство. Такое нельзя оправдать даже соображениями блага народа. Наконец, слово взял Барух.

— Герод и вы, мои братья! Всевышний зачем-то сло-

жил мозаику именно так. Давайте просто попробуем повременить. Не принимать поспешных решений. Особенно в условиях, когда они все — плохие. Недеяние иногда приносит больше пользы, чем деяние.

Собственно, отсутствие решения и стало решением. Будем жить, ждать и действовать по обстоятельствам. Всевышний, который привел их в Ерушалаим, даст возможность выбраться и из этой западни.

Часть пятая. Черный год

Глава первая. Аристобул

Петля судьбы затягивалась очень медленно. В какой-то момент начинало казаться, что все обошлось. Поход Антония в Парфию был не особенно успешным. Собственно, до парфянских владений он даже не добрался. Непогода, оставшие обозы, уничтоженные осадные орудия... Главное — предательство царя Великой Армении, просто ушедшего со всей конницей домой из под стен осажденного Антонием Фраата, столицы Мидии. Все это заставило Антония вернуться обратно — правда, попутно пощипав парфянские войска. Гораздо более успешным был поход против Великой Армении, предпринятый в следующем году. Царь был пленен, получена огромная добыча, а на престол взошел ставленник Антония.

Все это время Иудея под рукой Герода жила вполне спокойно. Правда, Клеопатра несколько раз протягивала руки и во владения Герода. Но пока удавалось эти посягательства отбивать. Был достроен царский дворец с башней в честь старшего брата, Фасаэля, погибшего тетрарха Ерушалаима. Восстановлена стена. По всей стране велось строительство дорог, связывающих ее части: Иудею, Идумею, Газу, Перу, Самарию, Галилею. По стране пошли караваны из славного города Дамаска в сторону новой столицы державы — Александрии, куда после парфянского похода перебрались Антоний с Клеопатрой. Там же, а не в Риме (что было впервые со дня основания Вечного города), он отпраздновал триумф по поводу победы над Арменией. В Александрии же из бежавших к нему недругов Октавиана Антоний стал собирать свой «сенат». Это все больше раздражало не только Герода, но и все окружение Антония. Что хуже, это раздражало легионеров, среди которых распростра-

нялись (сами или кем-то) скабрзные частушки о триумвире и египетской царице.

Но в Иудее пока было спокойно. Страна богатела. Люди славили правителя, недоброжелатели молчали. То, что Герод не во всем исполняет обряды древнего благочестия, не относится к древним коленам Израиля, как-то отходило на второй план. Благополучно было и в семье. Марьямна принесла Героду еще двух сыновей. С каждым днем их любовь крепла все больше. Герод советовался с любимой, делился с ней своими опасениями и радостями. Именно она придумала, как избавиться от поверенных Клеопатры в землях, подаренных ей Антонием. Беда была в том, что земли эти располагались посреди владений Герода — в сорока стадиях от Ерушалаима. По предложению Марьямны рощи были просто взяты в аренду у египетской царицы. Конечно, арендная плата была немалой. Но сами финики, вино из них почти полностью оправдывали эти деньги. Главное же, доверенным лицам Клеопатры теперь во владениях Герода было нечего делать. А во время ее визита в Ерушалаим Марьямна смогла с чисто женским тактом развести по сторонам ненавидящих друг друга Герода и Клеопатру...

Единственным неожиданным событием стало избрание Аристовула Первосвященником на три года раньше оговоренного срока. После празднования своего семнадцатилетия он заявил членам Синедриона, что готов принять сан. Положение было скользкое, поскольку Первосвященник уже был избран. Но мудрый учитель Гиллель нашел доводы, чтобы убедить членов Синедриона возвести в сан Аристовула. Герод же смог «убедить» Ананеля отречься от сана.

Несколько раз Героду пришлось побывать в Александрии. И каждый раз он пытался убедить Антония отказаться от попытки создать из римлян восточную монархию. Но доводы Герода уже не воспринимались Антони-

ем. Их отношения становились все более натянутыми. Впрочем, всех обещаний, данных Героду, Антоний держался твердо. Иудея была освобождена от большей части податей. Страна богатела. Героду уже не было необходимости оплачивать армию из доходов от торговли. Напротив, казна царя наполнялась все быстрее. Инвестиции в страну приносили прибыль даже скорее, чем торговые предприятия. Хотя и затраты тоже росли. Перестраивалась Самария, куда Герод поселил шесть тысяч новых жителей, наделив их землей. Росли города Галилеи. Много сил отнимало строительство крепостей на восточных границах, которые постоянно тревожили соседи. Отношения с кочевниками становились все более напряженными.

Правда, все попытки Клеопатры заставить Антония «защитить несчастную Александру от Ирода» не встречали сочувствия с его стороны. Решение было одно: «Пусть малыш сам разбирается со своей тещей. У меня других дел выше головы». Возведение Аристовула в сан Первосвященника на какое-то время успокоило беспокойную родственницу. Но ненадолго. Почти сразу она обнаружила крайне неприятное обстоятельство: Аристовула совершенно не интересовала власть. Его обязанности отнимали у него все время, почти не оставляя досуга. Да и досуг он предпочитал проводить с учителями, а не с ней. Он не отказывался от встреч, был почтителен и приветлив. Но у Александры возникало ощущение, что сын ее просто не понимает. Она чувствовала, что это происки ее главного врага, Герода. Только не могла понять, как он это проделывает? Ведь Герод видится с Аристовулом не чаще, чем она, да и то, в основном, на заседаниях Совета. Она писала новые письма-жалобы Клеопатре. Но царица, уставшая, видимо, от стонов подруги, посоветовала попробовать просто поговорить с сыном и с Геродом. Ну о чем с ними можно говорить? И сорокалетний Герод,

и семнадцатилетний Аристобул были в сравнении с ней просто детьми. И ее мудрые советы о повышении податей с народа, и без того разжиревшего не в меру, и ее предложения о закупке для нужд дворца партии благовоний и тонких тканей из далеких стран — все это встречало противодействие. Они просто не понимали, насколько это важно. Александра же не могла понять, как развязать этот узел.

В какой-то момент она решила, что ее жизни угрожает опасность. Конечно! За ней следят. Вот и вчера, когда выходила из дворца, она видела эту противную рожу: типичный простолюдин откровенно пялился на нее! Это почти наверняка — да что там, наверняка! — соглядатай, посланный Геродом. А кто еще может быть с такой гнусной рожей? Она решилась бежать к Клеопатре, ее наперснице и защитнице.

Поздним вечером к южному крылу дворца приблизился человек, плотно укутанный в шерстяной плащ.

— Кто ты и что тебе надо? — спросил один из стражников, стоящих у входа.

— Меня зовут Саббион. Мне нужно видеть царя или кого-то из его приближенных.

— Подожди, сейчас выйдет военачальник Бранн, — сказал страж.

Бранн не выспался, потому шел к выходу в крайне дурном расположении духа. Ну что за жизнь?! Нет. Пора на покой. Купить дом на берегу моря, ходить с утра на берег, смотреть за хозяйством... Опять кто-то приперся.

— Ну, что ты хотел?

— У меня есть очень важные новости для царя.

— Рассказывай!

— Как? Здесь?

Бранн подавил острое желание заехать вестнику в ухо.

— Хорошо, пройдем ко мне.

Он прошел знакомой дорогой в свои покои, не особенно заботясь, найдет ли путь его гость. Гость не потерялся. К сожалению.

— Ну, говори!

— Госпожа Александра сегодня ночью решила бежать из Ерушалаима, — свистящим шепотом сообщил Саббион. Он был близок к Малиху, и очень боялся, что Герод ему это припомнит. Вот и решил выслужиться.

— Да? И что?

— Ну, это же надо предотвратить! — ошарашено промолвил доносчик.

— Если госпоже Александре захотелось жить в другом городе, то пусть едет.

— Нет, господин, ты не понимаешь. Ее сегодня вынесут из дворца в гробу для покойников. Ее будут ждать верные люди. Они отвезут ее на корабль, который отвезет ее к Клеопатре.

Бранн чуть не задохнулся от едва сдерживаемого хохота. Бедная тетка в душном и тесном гробу по тряской дороге! Да ей поездка в мягкой повозке от Аскелона до Ерушалаима показалась подвигом. И все от «тараканов», которые не дают покоя ее несчастной голове. Хотя.... В его полусонном мозгу мелькнула мысль. Хочет проехаться — нет проблем.

— Хорошо, добрый человек, — сказал он. — Ты совершил правильное дело. Иди.

— Ты расскажешь об этом царю?

— Не беспокойся. Конечно, расскажу.

Но после ухода доносчика он, почему-то пошел не к царю, а вызвал десяток доверенных воинов-наемников, о чем-то с ними шептался с полчаса, затем зевнул и пошел спать. Воины двинулись к выходу, сели на коней и скрылись из виду.

Александра была взволнована до предела. Конечно, бежать! Только бежать! Она пыталась уговорить Аристула бежать вместе с ней, но этот блаженный даже не понял, о чем она, а говорить напрямую она опасалась. Рядом лежал раскрытый гроб. Пустой. Что-то зловещее мнилось ей в этом пустом ящике для мертвецов, куда предстояло лечь ей. Уже совсем скоро. Она на всякий случай обсыпала лицо пудрой. Стала белой, совсем как мертвая. Надела белые одежды. Вошла верная служанка: — Госпожа, пора!

Александра легла в гроб, крышка закрылась, и она почувствовала, как слуги подняли и понесли ее. Это было мучительно. Несмотря на мягкую перину, устилавшую днище, и осторожность носильщиков, было тесно, ребра конструкции впивались в тело, тряска была ужасной. Наконец, она ощутила, что гроб стоит на платформе. Уф, из дворца выбрались. Подвода тронулась. Александра никогда и не думала, что подводы так трясет. Каждый камень на дороге, каждый бугор вызывали ужасную качку. Ее тело буквально разрывало на части. Через какое-то время повозка остановилась. Наверное, ворота. Александра затаила дыхание. Раздались какие-то голоса. Неужели попалась?! Это смерть! Нет. Слава Единому, повозка тронулась дальше. Как же тяжело. Как болело и страдало ее тело, как мучилась душа. Все это длилось и длилось. Казалось, что теперь вся ее оставшаяся жизнь пройдет в этом страшном коробе. Порой ей казалось, что она уже умерла. Но все когда-нибудь кончается, как говорил царь Шломо. Ее снова подняли на руки, понесли. Крышка гроба откинулась.... И Александра оказалась в собственных покоях, заполненных слугами и придворными. Здесь же стоял советник проклятого царя.

Вне себя от страха и ярости она вскочила на ноги, но тут же упала. Ноги не слушались.

— Мне сказали, что почтенная Александра решила совершить путешествие! — издевательски поблескивая взглядом, проговорил огромный рыжий наемник из новых советчиков. — Это замечательное желание нельзя было не поддержать.

Слуги и придворные застыли, глядя на мать царицы в более, чем странном наряде. Александра чувствовала, что выглядит жалкой и беспомощной. Это бесило больше всего. Она смогла встать, окинуть всех присутствующих ненавидящим взглядом и скрыться в спальне. Там она упала на кровать и долго рыдала. Она отомстит за все! И за эту «шутку» тоже! Нет прощения этому чудовищу! Мсть! Мсть! Придет ее время!

А время бежало все быстрее и быстрее. На западе ошутимо собирались тучи. Октавиан, укрепившись в Италии, расправившись с младшим Помпеем, распространял свое влияние на все большие территории. Даже в провинциях, которые контролировал Антоний, все большее число жителей, особенно римских граждан, отзывались о нем с симпатией и приязнью. Эта симпатия тем быстрее распространялась, чем сильнее разгоралась ненависть к Клеопатре. Стало понятно, что столкновения не избежать. Октавиан и Антоний начали собирать войска.

Герод отбыл в Александрию; по иронии судьбы — в те же часы, когда планировала свой отъезд Александра. Он уже не чувствовал себя другом Антония, но испытывал к нему благодарность. Двенадцать тысяч воинов, собранных по его приказу, готовы были влиться в войско

Антония. Но Антоний (а может и Клеопатра) решил иначе.

— Войск у меня уже хватает. С союзниками выходит тысяч сто. Открutum Октавиану упрямую голову, как шкодливому щенку. Ты пока дома разберись, с соседями своими. Они уже совсем Клеопатру одолели. Захватили те земли, что я ей пожаловал. Вот это будет услуга. Да, и денег подбрось. Я же знаю, что у тебя есть за пазухой.

На том и расстались. Герод должен был начать войну с кочевниками, пока Антоний выясняет отношения с Октавианом. При всем том, что эта война была больше нужна самому Героду, чем Клеопатре, начинать ее он планировал гораздо позже — крепости защищали границы его страны. Здесь же вокруг Антония он чувствовал измену. Если бы все происходило четыре-пять лет назад, он упал бы на колени перед триумвиром, выплакал, вымолил бы право расправиться с его врагами, быть рядом в роковой час. Но разговор в Антиохии и последующие события оттолкнули Герода. Пусть решает судьба. Он выполнит свой долг, но не более.

С этими настроениями он возвращался в Ерушалаим. Лето заканчивалось, наступала пора сбор плодов. Базары и площади лопались от торговцев и покупателей, кричали зазывалы. По дорогам шли и шли караваны. Всевышний, как прекрасна земля, как прекрасен мир! Почему люди не могут мирно договориться друг с другом?!

Приближался праздник Искупления. Ритуалы Первосвященника в этот день будет исполнять Аристокбул, любимый брат Марьямны. Это волновало всех. Даже Герод, поглощенный своими невеселыми мыслями, постарался думать о мальчике и исполняемом им Великом таинстве. Ерушалаимцы любили Аристокбула, с восторгом смотрели, как он возносит молитвы, слушали, как звучит его голос. Все шло замечательно. Народ радовался миру, довольству, милости Всевышнего

к Иудее. Лишь Герод видел темную тень, все ниже нависающую над ним, его домом, его городом.

Аристокл сегодня сразу ощутил нечто особое, не похожее на то, что обычно ощущал перед исполнением важнейших обрядов. Он вдруг почувствовал, что грань, отделяющая видимый мир от мира горного, и так предельно тонкая над Святым городом, стала почти неосязаемой. Он почти осязал волны горного мира, заливающие его тело, омывающие его душу. Это было так странно, так необычно...

Он поднялся с постели, омыл лицо, поблагодарил Всевышнего за день, который он дарует миру, народу и ему, Первосвященнику народа. Утро только начиналось, лучи солнца неуверенной походкой прошлись по верхушке стены, отделяющей Верхний город, скользнули по улицам и дворцам, осветили башню Фасаэля, воздвигнутую Геродом. Прохладный ветер приятно освежал лицо, чуть развеивал облачение. Все было, как всегда. И как-то иначе. Аристокл почувствовал, как грудь сдавило от невероятной нежности к этому миру, миру города и людей, миру, сотворенному Всевышним с любовью.

Он шел к Храму, произнося слова молитвы, молитвы Славы Его, Силы Его. Через садовые ворота, через малый двор, куда доступ имеют лишь наиболее посвященные учителя. Поначалу ему льстило, что он имеет доступ даже в Свята Святых. Он один. Несколько первых дней после посвящения. Потом пришло другое. Пришло понимание себя и места.

Некогда прокливаемый всем народом Иудеи Гней Помпей, штурмом взявший город Ерусалаим, вошел

в Святая Святых. Он хотел посмотреть на «грозного бога Иудеев». И был ошарашен тем, что в самом сакральном помещении народа, самом высшем месте этого мира... ничего не было. Он вышел исполненный презрения к «дикарям, которые молятся пустоте». Римлянин не понимал и не понял, что Он не имеет и не может иметь земной, зримой формы, ибо Он больше, чем мир людей. Все царства этого мира, все огромные города и бескрайние моря, все горы, уходящие в поднебесье, пустыни, края которых теряются за горизонтом... Все они — только малая часть Его бесконечной сущности. Обетованная же земля не тем хороша, что обильна, а тем, что ближе всего из земель этого мира стоит к Нему. Святая Святых даже в этом городе — совсем особое место. Не только тем, что в Первом Храме находился Ковчег Завета, но тем, что там пребывает постоянно Дух Его. Только там ты, ничтожная песчинка бытия, встречаешься с бесконечностью Его; там, где нет времени и места, где нет прошлого и будущего, но лишь Он.

Каждый раз, входя туда, Аристобул испытывал странную смесь страха и любви, радости и отчаяния. Страх — от осознания огромности своих грехов, грехов всего народа, за которые он, Аристобул, ответствен перед Ним, ибо избран Им и народом. Отчаяния — от осознания собственной малости и слабости перед Величием Его. Но вместе с ними его охватывали радость и любовь, как тень той Бесконечной Любви, которую питает Он к детям своим.

Сегодня страх и трепет отошли в сторону. Любовь буквально заполняла Его, изливалась через глаза в мир. Он любил этот двор, любил учителей, вышедших к нему навстречу. Любил эту дорогу, по которой вот уже год он проходит каждый день. Странно. Ему вдруг показалось, что он прошел бесконечно долгий путь и вот, наконец, приближается к дому. Не той части дворца, где были его

покои, не к жилым комнатам Первосвященника в Храме, а к тому — настоящему — Дому. Перед обрядом он принимал ритуальное омовение. Аристокбул попросил оставить его одного на пороге миквы. Снял одежды и медленно стал спускаться по скользким ступеням. Песня радости и любви зазвучала громче, Свет ударил в глаза, залил темное помещение для омовения. Аристокбул вытянулся в направлении этого Света. Нога юноши скользнула со ступеньки, и он упал. Песня стихла. Свет померк.

Это был особый день. Даже во дворце царя, где к выполнению буквы Закона относились без должного почтения, все замерло. Царь, его семья и его приближенные служившие его дому уже многие годы, слушали молитву, которую читал учитель, повторяли ее слова.

Бранн старался в такие дни куда-нибудь отбыть. Лучшее всего в Самарию, где стояли отряды наемников. Он не чувствовал и не понимал бога иудеев, невидимого и грозного для них и абсолютно пустого для него. На его родине, в далекой стране белгов, боги были живыми и понятными. Они струились ручьями, пели птицами, жили в деревьях, ветре, дожде. Они любили славных воинов, чтить смерть в бою, даруя за это яркую, полную пиров и сражений жизнь после кончины. Бог иудеев требовал соблюдения Закона, почти ничего реального не давая взамен. Бранн любил эту страну, ее простых и искренних людей, любил Герода, которому служил уже много лет. Так много, что иной жизни уже и не помнил. Но когда иудеи собирались на празднества, чувствовал себя чужим в этом мире песков, холмов и оазисов.

Однако в этот раз уехать не получилось. Ерушалаим

был назначен местом сбора отрядов, которые пойдут к восточной границе. Это были не лучшие воины, но те, кого набрали на помощь Антонию как вспомогательные войска для его легионов. Но и они умели воевать. На совете было решено, что их достаточно, чтобы открутить уши кочевникам.

Однако собрать их, устроить смотр, проверить, как они действуют в общем строю — все это нужно. Это его служба. Но все это будет после того, как иудеи отмолят свои грехи и, с первой звездой, начнут собирать новые. Поэтому пока царь и остальные иудеи молились, Бранн просто шатался по городу, временами прихлебывая вино из кувшина, который нес в руках.

Улицы были пусты, и вид не вполне трезвого иноземца не оскорблял истинно верующих. Бранн знал, что именно в этот день иудеи становятся невыносимо трепетны к вопросам веры. Даже иноземец мог вполне нарваться на неприятности. Даже такой иноземец, как Бранн.

Верхний город, цитадель Ерушалаима, не такой большой. Неожиданно для себя Бранн понял, что стоит у входа в Храм. Он отставил в сторону уже почти пустой кувшин, и, подняв голову, увидел смертельно испуганного раввина, бегущего из ворот. Он кричал. Бранн сначала даже не смог разобрать слова языка, на котором вполне бегло изъяснялся. Слова человека путались. Наконец, понял и его самого пробил пот ужаса. Аристобул погиб!

Не думая больше про праздник и иудейский Закон, Бранн рванул вперед и в несколько десятков прыжков догнал раввина:

— Что?! — спросил он, схватив того за рукав.

— Первосвященник умер, — остановился раввин и вдруг залился слезами.

Бранн, не вполне осознавая, что нужно и положено делать в этом случае, опять рванул. На этот раз — к дворцу. Он откинул в сторону стражников, охранявших

вход, и как вихрь ворвался в покои царя:

— Герод! Мальчик умер!

Все присутствующие обернулись к нему. Слова молитвы смолкли. Негодование отразилось на лице иудейского друида.

— Герод, наш Аристокбул умер!

Бранн видел, как побелело лицо Герода, как ужас и растерянность появились в его глазах. Как мелко затряслись его губы. Увидел, как застыло лицо Александры, как зарыдали все присутствующие.

Герод, как будто ему вдруг стало не хватать воздуха, рванул край одежды, порвав его. Словно охваченный безумием, он вскочил на ноги и кинулся из зала, из дворца. Бранн едва успевал за ним — все же Герод был десятью годами моложе.

Герод и Бранн подбежали к Храму, когда священники выносили из него тело Аристокбула. Герод подбежал к ним, вырвал тело юноши, нежно, как первую любовь, поднял худошавую фигурку, вглядываясь в его черты. За долгие годы дружбы Бранн еще не видел такой тоски и такого ужаса в глазах своего нанимателя.

Герод держал Аристокбула, всматриваясь в его, совсем живое, точно спящее лицо, на котором застыла восхищенная улыбка. Аристокбул. Мой мальчик!

Он вспоминал пухлого малыша, важно отвечающего на его шутки при знакомстве. Помнил мальчишку, которого по дороге в Александрию развлекал смешными байками. Помнил его ученые разговоры со знатоками Священной Книги в городе Клеопатры. Он помнил. Ему казалось, что еще усилие — и Аристокбул откроет глаза, улыбнется своей немного не от мира сего улыбкой, скажет какую-то мудрую цитату из писания ему одному известного мудреца. Аристокбул...

Из глаз Герода лилась горькая вода несчастья. Но он не рыдал — он рычал от невыносимости, непоправимости

случившегося. Он уже потерял отца и братьев. Это было больно. Но это случилось далеко от него. Это случилось с сильными взрослыми людьми. А здесь... Герод, не выпуская тела Аристобула, упал на колени посреди площади и завыл, глядя в небо:

— За что?!!

Священники, простые люди города Ерушалаима, кольцом стоящие вокруг царя — в разодранной одежде, с телом Первосвященника на руках — молчали. Каждый из них много раз задавал небу этот вопрос: за что? Почему я? И ни один из них не получил ответа.

Глава вторая. Бранн

Уже много дней царь сидел, запершись в своей комнате, не желая никого видеть. Аристобул был похоронен и отпет так, как не хоронили никого из царей-Хасмонеев. Народ отрыдав положенное, вернулся к своим маленьким ежедневным делам. Бранн собрал и тренировал войска, которым уже давно следовало двигаться в сторону восточной границы, где племена кочевников Кидри постоянно тревожили покой как подданных Герода, так и земли, подвластные Клеопатре. Но царь все не появлялся. Несколько раз к нему пытались зайти и Барух, и Бранн, и другие самые близкие советники. Каждый раз они заставляли неизменную картину: Герод и Марьямна, оба с потухшими и невидящими взорами сидели подле друг друга. Герод гладил волосы жены, молча глядя на стену, на которой было нарисовано море. Герод поднимал глаза на вошедшего, но было понятно, что он его не видит. Дни сменялись днями, не принося облегчения. Однажды, ближе к вечеру, в комнату, где сидели царь с женой, вошел учитель Гиллель.

— Здравствуй, царь иудейский! Здравствуй ты, забывший о своем долге!

— Здравствуй, — Герод безразлично посмотрел на учителя.

— Ты упиваешься своим горем, думаешь, что несчастнее тебя нет человека?

— Оставь меня, Гиллель Вавилонянин. Дай нам уйти следом за Аристобулом.

— Не надейся, Герод сын Антипатра! Не надейся, недостойный сын своего отца!

— Что ты хочешь от меня? — несколько живее спросил Герод, оторвав руку от головы Марьямны. Та тоже

подняла опухшее от слез, потерявшее красоту лицо и посмотрела на Гиллея.

— Ты хочешь уйти? Достойное желание. Ты в скорби по мальчику, которого вырастил? И это достойно уважения. Но только тогда, когда передо мной не сидел бы царь Иудеи. Аристобул понимал, что он ответствен за народ, что он не имеет права ни на личную радость, ни на личную скорбь. Ты, царь, не понимаешь. Ты думаешь, что уединясь с женой и предавшись скорби, ты достойно оплачешь Аристобула? Нет. Защитив народ, позволив ему выжить в трудную годину, ты почтишь память Аристобула. Враг — на твоих границах, а войско не вышло из Ерушалаима! Еще немного — и кочевники обрушатся на твои города, уведут скот людей твоих, а самих их сделают рабами. Ты оставил незавершенным дело, ты бросил свой народ в трудный час. Могут ли я назвать тебя царем?

Герод оторопело смотрел на священника. Ему вспомнились слова отца о том, что человек, принявший на себя бремя власти, уже не имеет права на земную любовь, доблесть или доброту. Принимая сан царя, Герод принимал неизбежное зло, те условия, которые ему предоставила жизнь. О смысле царского сана он не задумывался. Римляне решили назвать его базилевсом. Значит, так тому и быть. Тем более, что иудеи называли властителя малхом. Но тысячи и тысячи людей в Иудее и Самарии, Галилее и Идумее, в Пере и Газе называли его царем, доверили ему себя. И что же Герод? Он запутался в отношениях с Антонием, поставил страну на грань войны и... предался скорби по безвременно почившему воспитаннику.

— Учитель, — вдруг подала голос Марьямна. Чувствовалось, что говорить ей трудно и больно. — Учитель, говорят, что ты проник в самые сокровенные тайны Святой Книги. Скажи, за что Всевышний забрал моего брата? Чем он согрешил перед ним?

— Почему ты думаешь, что Всевышний покарал Ари-

стобула? Может быть, напротив, он призвал его к Себе. А может быть, что он покарал Герода, решившего, что он может пренебречь долгом царя. Может быть, он покарал меня, впавшего в гордыню, что я воспитал лучшего Первосвященника за всю историю Иудеи. А может быть, он покарал тебя, царица Марьямна, забывшая в земном счастье о страхе перед Ним. Кто может знать помыслы Его?..

Марьямна уткнулась в колени Герода. Обняла их. Потом очень медленно поднялась, заглянула в его глаза и сказала:

— Учитель прав, Герод. Иди, любимый муж мой. Делай то, что ты должен.

Герод с удивлением, как будто не понимая, о чем ему говорят, посмотрел на жену.

— Ты должен идти, муж мой, царь иудейский! — жестче повторила Марьямна.

— Ты должен идти, царь! — эхом повторил Гиллель. — Оставь мертвое земле. Живи ради живого, царь Герод.

Герод медленно отвел руки жены. Осмотрел комнату и вышел на балкон. Сухой и горячий ветер коснулся его лица. Внизу, во дворе, образуемом крыльями дворца и стеной, Бранн занимался с воинами, которые только ждали сигнала, чтобы начать поход. Он посмотрел на огромный город, простиравшийся перед его взором, на мир за стенами этого города. Он должен. Боль, скорбь, смятение чувств, в котором он пребывал последние годы, все это отошло в сторону. У него была его главная любовь и главное бремя жизни — его Иудея.

Когда он вернулся в комнату, его лицо было совсем иным. Цвета смерти отошли.

— Марьямна, свет моей души, ты права! И ты прав, учитель! Главным памятником и Аристобулу, и отцу, и братьям будет Иудея. Я сохраню ее.

Отряды Герода продвигались по Галилее. Не вполне придя в себя, Герод, тем не менее, сразу решил выдвигаться к городу Кана, вблизи которой, по словам разведчиков, скапливались войска кочевников. Это были племена, родственные набатеям, с которыми состоял в родстве и Герод. Однако часто не бывает более яростных врагов, чем ближайшие родственники. Стычки между кидри и набатеями, между кидри и Иудеей были постоянными. И дело здесь было не только в вероломстве кочевников. Многие земли в Иудее были плодородны, приносили большой урожай. Вызревала пшеница, росли маслины и финики, на лугах жирел скот. То, что не давала природа, получали, благодаря торговле. В прежние годы через Иудею ходили караваны от Персии и Анатолии до Египта. И хотя войны отодвинули караванные пути, усилиями Герода и его дома они потихоньку возвращались.

Набатей была беднее, хотя и обширнее, чем Иудея. Земледелия набатеи не знали, зато скот их славился тонким руном, а торговые караваны с самыми разнообразными товарами шли до славного города Дамаска, в Ерушалаим, в Газу. Кидрия превосходила Набатей по размеру, но была еще беднее. Пески не давали возможности ни сеять, ни разводить скот в нужном количестве. Потому важным источником выживания для кидрийцев стали набеги. Они шли в набег так же, как иудеи шли на пашню, а набатеи отправляли очередной караван с пряностями. Все окрестные страны страдали от их набегов. Оградить эти страны от беспокойных и немирных соседей и поручил Героду Антоний. Герод ехал на коне, в полном доспехе, несмотря на изнуряющий зной. Рядом ехал Бранн. За ними шла тысяча конников и семь тысяч пехотинцев. Кочевники редко собирают больше десяти-

пятнадцати тысяч воинов в набег. Причем, воины там слабые, плохо вооружены, без доспехов. Потому Герод решил ограничиться относительно небольшой армией.

Вот вдаль показалась полоска вражеского войска. Ближе. Еще ближе. Уже видны напряженные лица людей. Среди пеших воинов с копьями, луками и кожаными щитами в руках — немного конницы. Лат нет совсем. Мечников совсем немного. Герод отдал распоряжение о перестроении в боевой порядок. В центре выстроилась в «римском» порядке пехота. На правом фланге — конные турмы.

Кидрийцы и иудеи не спешили атаковать. Дело в том, что иудеи стояли на открытой местности, а кидрийцы — в низовье гор. Иудеи не любили воевать в горах, а их противники — на равнине. Вот каждый и пытался вынудить противника принять бой в неудобном месте. Несколько смущало Герода то обстоятельство, что в пределах видимости от противоборствующих сторон стояло третье войско. Оно было небольшим, не более четырех тысяч человек. Но это были хорошо вооруженные гоплиты, чьи красные щиты были видны издалека. Герод знал, что это отряд наместника области Итурея, заселенной смешанным греко-арабским населением. Итурейцы часто были союзниками иудеев, некогда входили в одно государство. Ныне, повелением Антония, Итурея принадлежала Клеопатре, а должность ее наместника занимал Афенион — придворный, вслед за своей госпожой ненавидящий Герода.

А если они ударят с фланга? Между Геродом и Клеопатрой сейчас мир. Хотя, если что, она просто свалит все на наместника, а его самого спрячет где-нибудь на островах.

— Бранн, — позвал Герод своего военачальника. — Возьми небольшой отряд и, на всякий случай, встань против этих красавцев.

Он указал на воинов наместника Итуреи.

— Хорошо, Герод, — усмехнулся Бранн. — А ты атакуй наших арабских друзей. Что-то надоело стоять на солнцепеке.

Бранн с тремя центуриями пехоты и турмой конницы выдвинулся вправо. А Герод отдал приказ о начале движения вперед. Сам, спешившись, двинулся перед строем. За первой линией шли легковооруженные лучники. Когда до толпы противника оставалось около сотни шагов, Герод приказал начать стрельбу. Поток стрел обрушился на кидрийцев. Те в ответ тоже начали стрелять. Но их разрозненные выстрелы почти не наносили урона прикрытым тяжелыми ростовыми щитами воинам. Зато стрелы иудеев косили врагов десятками. Не вытерпев, кидрийцы бросились на противника с громкими криками и ударами копий о щиты.

Лучники отступили за порядки тяжеловооруженных воинов. В воздух взвились пилумы. Обычно они использовались не столько для поражения врага, сколько для того, чтобы его обезоружить. Но здесь щиты были настолько слабыми, что короткие копья тоже собрали свою смертельную жатву. Когда до соприкосновения войск оставались считанные шаги, с фланга ударили алы конников. И без того далекий от того, что называется строем, порядок кочевников смешался. Они бросились в сторону и после недолгой попытки сопротивляться кинулись в ущелье. Конница начала преследование. Но продолжалось это недолго. В горах коннику делать нечего. Пехота бросилась за отступающими кидрийцами, продолжая разить бегущего врага.

Правда, в горах было действовать труднее. Прячась за камнями, кидрийцы начали обстрел наступающей пехоты. Иудеи оросили своей кровью камни аравийских гор. Да и бег вверх изматывал до крайности. Ну ничего — кочевники опять побежали, оставляя за собой убитых

и раненых. Еще миг — и все кончится. Но судьба решила иначе.

К Героду подскакал всадник на взмыленном коне.

— Господин, итурейцы напали. Бранн еще держится, но отходит. Их много. Герод сделал знак трубачу. Тот затрубил отступление. Воины удивленно останавливались. Вскоре вокруг Герода собрались основные силы, уже изрядно уставшие во время преследования.

— Братья, итурейцы предали нас. Они напали со спины. Две когорты остаются здесь, а остальные поворачивают на нового врага.

Но не успели бойцы Герода выйти из ущелья, как в него влетел Бранн с тремя воинами и передовые отряды итурейских гоплитов. Герод бросился на выручку другу. За ним устремились его воины. Первый натиск был отбит. Но кидрийцы, увидев неожиданных союзников, бросились на заслон, оставленный Геродом. Они просто числом, десятикратным преимуществом в живой силе раздавили иудеев и бросились дальше, теряя людей, но почти не теряя стремительности.

Положение с каждой минутой становилось все более безнадежным. С высот на воинов Герода полился поток стрел итурейских лучников, взобравшихся на скалы.

— Бранн, — крикнул Герод. — Прорываемся к лагерю.

— Попробуем, сейчас я...

В этот миг стрела, пущенная рукой итурейца, вошла в грудь старого воина, найдя промежуток между пластинами. Бранн упал. Пелена заслонила глаза Герода. Бранн был чем-то незыблемым. Тем, кто всегда был рядом. Если бы кто-то сказал, что Бранн может умереть, Герод бы просто рассмеялся в ответ. Теперь он умирал.

— Друг, держись! Мы вынесем тебя.

— Похоже, что уже все... — прохрипел военачальник.

— Нет!!!

Герод отдал распоряжение. Три воина положили

Бранна на кусок прочной ткани. Остатки армии сжались к царю. Герод выстроил клин, и они ударили. Сам царь неся во главе клина. Удар был страшным. Стена гоппитов раздалась, и ядру войска Герода удалось выскользнуть наружу. Вышли не все. Четыре тысячи уставших до последней степени воинов устремились к оставленному ими утром лагерю. Там за стенами можно попытаться отбиться. Противник продолжал преследование. Приходилось оставлять заслоны, зная, что шансов выжить у них почти нет. Когда ворота лагеря закрылись, с Геродом осталось менее трех тысяч воинов. В самом начале отступления он успел отправить гонцов в Самарию, к лучшим частям, стоящим в его второй столице. А враги уже окружали лагерь. Их становилось все больше. Дозорные говорили о пятнадцати тысячах воинов, окружающих лагерь. Хорошо, что лагерь выстроен по римскому образцу, как небольшая крепость. Стены в два человеческих роста, ров и вал, башни по углам. Но и этот лагерь отстоять будет сложно.

Герод подошел к центру лагеря, где на земле лежал человек, прошедший с ним от Сепфориса до Ерушалаима все перипетии судьбы. Бранн умирал. Это было видно по бледности, заливавшей загорелое лицо, по прерывистому дыханию, по сухому кашлю со сгустками темной крови. Герод склонился над ним.

— Прости, друг!

— Все хорошо, Герод! Правда... хорошо... Хорошая жизнь, хорошая смерть. Ты знаешь, я из народа гельветов. Для нас важно уйти правильно. С мечом в руке. Помоги мне уйти. Не хочу долго умирать.

— Ты о чем? — не понял Герод.

Было видно, что галлу трудно говорить. Он помолчал, собрался с силами и продолжил.

— У нас в такой ситуации самый близкий человек помогает воину уйти. Ближе тебя у меня никого нет. Тебе

и отпускать меня. Дай мне меч в руку. Вот так. А теперь, как я тебя учил. Не терзай себя и.... Благодарю.

Последнее слово он выдал, захлебываясь кровью. Его глаза неподвижно смотрели в бесконечно далекое от родины южное небо.

— Прощай, брат! — Герод вынул кинжал.

— Похороните его так, как принято у вас, — сказал он двум молодым наемникам из Галлии из личной охраны. — Похороните, как хоронят героя.

Герод медленно окинул взглядом лагерь. Люди приходили в себя. Хорошо, что взяли с собой запасы. Большая часть людей на стенах. Это тоже правильно. Вдруг враги решат атаковать сходу. Впрочем, эту возможность они уже упустили. Герод поднялся на стену. Солнце должно вот-вот спрятаться за вершинами гор. Сегодня уже не начнут.

— Собери сюда всех командиров, кто остался жив, — сказал Герод немолодому воину, оказавшемуся рядом с ним.

— Повинуюсь, царь.

Пока командиры (сколько их осталось) собирались, Герод обдумывал положение. Гонцы отправлены часа три назад. Через три-пять часов они будут в Самарии. Часов четыре-пять — на сборы отряда. Пять-шесть часов — на обратный путь. Итого, в хорошем случае, нам нужно продержаться двенадцать часов. Возможно? Собственно, других вариантов и нет. Героду вспомнилось, как они, совсем маленькие мальчишки, полезли с братом в горы. Вверх шло легко. Зато вниз оказалось намного страшнее: каменистая осыпь терялась в подступающей темноте. Было непонятно: то ли она идет до самого низа, то ли обрывается локтях в семидесяти от земли.

— Брат, — спросил Фасаэля совсем маленький Герод. — А мы сможем спуститься?

— Ты знаешь другой способ попасть домой? Тогда

скажи, — с усмешкой старшего ответил тогда Фасаэль.

Теперь у него тоже не было другого выхода. Только спастись и победить. Он потерял друга, потерял большую часть отряда, окружен врагами. Что самое неприятное — предан союзником. Он вновь оглядел порядки противника. Так, кочевников поставили впереди. Не хочет Афе-нион жертвовать своими людьми. Это хорошо. Осадных машин нет, лестниц тоже. Им остается только забираться по веревкам или попробовать проломить стену. Но для этого к ней нужно подойти.

Пойдут, скорее всего, под утро. Сам бы он сделал именно так. Значит, пять часов мы уже отыграли. Пойдут из вон той и вон той лощины, чтобы дольше оставаться невидимыми для воинов со стены. Попытаются завалить ров и ударить на стены; может быть, поджечь их. Ну, поджечь их нелегко — специально тащили сырые деревья. А сюрпризы заготовить стоит...

Стали собираться командиры. У Герода сжалось сердце: как мало их осталось! Полтора десятка командиров на две тысячи воинов. Ничего, мы еще поиграем с жизнью в интересную игру.

— Друзья мои! Слушайте внимательно, — начал Герод. — На стенах останутся триста воинов. Остальные должны поесть и поспать. Каждые два часа воинов на стенах менять, чтобы все успели отдохнуть. У воинов на стенах должно быть очень-очень много стрел в колчанах. Я знаю, что стреляют точно не все. Но как-то умеют. Здесь не нужно бить орла в глаз. Самых лучших лучников поставить вон туда и туда, чтобы перекрыть вон те лощины. Понятно? Отлично. В последнюю стражу воины пусть будут готовы бежать на стену. Да, еще. В направлении тех лощин поставьте камнеметы. Но так, чтобы их можно было быстро развернуть, если я не угадал. А к ним побольше снарядов с огненным наполнителем, чтобы горели. Всем понятно? За дела! Чтобы через полчаса я

лишних и слоняющихся в лагере не видел.

Герод спустился вниз. Соплеменники исполнили ритуал над телом Бранна и теперь собирали хворост, чтобы разложить погребальный костер. Герод подошел ближе. Наемники остановились.

— Мы все сделали правильно, царь! Бранн был достойный вождь. И смерть его достойна вождя.

— Да, благородные воины. Вы все сделали правильно. Я только хочу последний раз увидеть лицо моего друга и брата.

— Не переживай, царь! Ты тоже достойный воин. После смерти вы встретитесь с Бранном за общим пиршественным столом. Вы будете сидеть в большом зале, где вместе с вами будут пировать великие боги.

Герод усмехнулся. Может быть, если Всевышний не примет меня, то попробую пробраться в мир Бранна.

— Спасибо, воины! Когда сделаете все, найдите меня. Мне нужны все люди из твоего племени, что остались здесь.

— Мы найдем тебя, царь.

Темнело. Возле палатки Герода собрался десяток наемников.

— Пока остальные будут спать, вы займетесь делом. В телеге возле палатки лежат колючки, которые римляне используют против слонов, и веревки. Попробуйте надевать вокруг лагеря ловушек. Еще попробуйте в самых удобных для прохода местах, на расстоянии в триста шагов от лагеря разложить сено. Понятно?

— Сено?

— Да. Утром, когда враги пойдут, попробуем его поджечь.

— Понятно, — ответил за всех рослый галл, приближенный Бранна.

— Тогда берите снаряжение и очень тихо перебирайтесь за стену. Пятеро человек расставляют ловушки перед

выходом из лощины, а остальные с Григсом (он назвал по имени рослого галла) расставят ловушки по всему периметру, насколько хватит.

В лагерях стихло. Угомонились и возбужденные неожиданной победой кочевники. Лишь неясный свет вечной небесной странницы заливал окрестности. С гор дул холодный ветер. Тени скользнули со стены и растворились во тьме. Много часов подряд, то припадая к земле, то продвигаясь короткими перебежками, они перемещались вокруг лагеря, оставляя острые железные шипы на земле, втыкая невысокие деревянные колышки, натягивая между ними веревки.

Герод тем временем обдумывал положение, в котором они очутились. Нужно как можно дольше продержать врага на расстоянии. Если допустить ближний бой, то противник, впятеро превосходящий его в численности, просто сомнет иудейских воинов. Их главным оружием должны стать не мечи, а стрелы, пилумы, камни и снаряды с маслом земли, которое невозможно потушить. Между стенами лагеря и осаждающими — шагов семьсот. Нужно сделать все, чтобы подольше продержать врага на расстоянии.

Вернулись лазутчики. Целый воз железных колючек тонкой змейкой обогнул лагерь, утолщаясь в опасных местах. Вообще-то, это хорошо против конницы, но и здесь немного отсрочит прямое столкновение.

— Там, у кочевников, началось какое-то шевеление, — сообщил Григс. — Остальное нормально. Что могли, сделали.

— Хорошо. Будите командиров. Пусть поднимают людей, берут как можно больше луков, стрел, дротиков и бегут на стену. Но тихо. Понятно? Команда метательных машин пусть заряжает свои чудовища. Как все будет готово, пусть командиры соберутся на западной стене.

Наемники исчезли в еще густой темноте. Через мину-

ты по лагерю понесся шорох. Едва слышный, но осязаемый. Ничего. Враги далеко. Герод побежал к западной стене, самой ближней к противнику. Стали собираться командиры.

— Друзья и братья! Нам нужно как можно дольше удержать врага на расстоянии. Поэтому вы сейчас формируете отряды из самых лучших лучников. Как только враги дойдут до расстояния поражения, всем нужно начать стрелять залпами. Все стрелы им. Еще через тридцать шагов пусть начнут метать дротики. По триста человек на каждой стене. На востоке старший — Даниил, на юге — Ахав, на — севере Моше. Я встану на западе. Как я махну платком, стреляют машины. Снаряды с маслом земли готовы?

— Да, царь.

— Отлично. На западной стене пусть соберутся пятьсот воинов. Все. Спешите.

Небесная странница закатилась. Стало совсем темно. Едва воины успели подняться на стены, как со стороны лощин раздались крики.

Абан, пригнувшись, шел по ложине, приближаясь к лагерю этих собак из Ерушалаима. Как вчера неожиданно и славно все повернулось! Когда малик, правитель, стал сзывать воинов в поход, Абан сразу откликнулся. Год был совсем плохой. Зимой сдохло много овец. Люди умирали без еды. Нужно было пощипать жирных иудейских поселенцев. Он не раз уже проделывал это. Особенно выгодно стало, когда на Проклятом море поселились египтяне. Но в последние годы походы были не так прибыльны. Иудейский царь — сам араб, потому еще боль-

шая собака, хотя что взять с набатея — понастроил крепостей. Об эти крепости разбивались волны набега. Что-то брать удавалось, но этого было слишком мало.

И в этот раз иудеи ждали их. Их было не так много — меньше, чем сыновей Кидри. Но каждый имел меч и стальной доспех. А их щиты не пробивали стрелы кочевников. Они смогли остановить порыв сыновей пустыни, смять их, растоптать лошадьми. Абан помнил, как с трудом успел пригнуться, уклониться от бешеной скотины. Он помнил, как бежал, как едва успел взобраться на скалы.

Внезапно все изменилось. Иудеи остановились, а им в спину ударили их соседи, итурейцы. Почему? Кто их разберет, эллинских собак? Важно, что теперь резали иудеев, а не кидрийцев. Абан успел перевести дух и побежать на противника, еще мгновение назад праздновавшего победу. Успел ли он кого-то убить? Наверное. Все было как во сне или в бреду. Иудеев резали, кололи, били. Часть из них успела вырваться и побежать в сторону деревянной крепости. Кидрийцы и итурейцы едва не успели ворваться в нее вслед за преследуемыми. Но не успели. Те отбились, поливая врага со стен стрелами и копьями. Пришлось отступить. Но это ненадолго. Четыре тысячи итурейцев и больше десяти тысяч сыновей пустыни разорвут иудеев на части, а в лагере наверняка есть чем пожить.

Итурейцы придумали, как им ближе подойти к крепости. Вот и теперь Абан вместе с другими воинами-кидрийцами крался в темноте. Сами итурейцы пойдут за ними и довершат дело. Это плохо. Погибнет больше славных воинов пустыни. Но это и хорошо — все лучшее в лагере достанется им. А на золото и серебро, захваченное в походе, можно купить овец и вина, толстоногих женщин из Дамаска и новое оружие. Абан знал, для чего нужно золото.

Вдруг впереди кто-то громко закричал, хотя приказывали всем идти очень тихо. До крепости еще далеко. Закричали и справа. И еще. Абан запнулся за что-то и упал на землю. Он удержался от крика. Но в крепости их, похоже, услышали. Они попробовали рвануть к стенам. Но многие попадали, зацепившись за веревки, которые эти демоны успели натянуть. Бегущие следом воины, спотыкались об уже упавших. Хорошо, что темно. Иначе в них уже летели бы стрелы.

Вдруг со стороны крепости донесся непонятный звук. Маленький огненный шар ударился в ряд воинов, подступающих к лагерю иудеев. Из него вылилась огненная влага. Абан знал такую. Она выходит из земли, и ее нельзя погасить водой. Два воина, охваченные огнем, катались по земле. А из крепости летели и летели новые шары. Стало светло и страшно. Засвистели стрелы. Люди кричали, падали. Абан сел на корточки и стал молиться Великому духу пустыни. Этой молитве его научил чернокнижник из Дамаска. Она много раз помогала. Помогла и сейчас. Вокруг уже валялись убитые и раненые, кричали, охваченные пламенем, но Абан был цел.

Оставшиеся в живых воины подались назад, побежали. Абан побежал за ними, стараясь передвигаться перебежками, чтобы не стать мишенью для лучников из крепости.

Первый — ночной — натиск отбили относительно легко. Кидрийцы, как и предполагал Герод, попытались ударить из лощины, но нарвались на ловушки и бежали, оставив до сотни тел на земле. Прошло уже семь часов. Если Герод не просчитался, то помощь подойдет часов

через пять. Эх, хорошо бы пораньше. Герод еще раз обошел стены. Разбил лучников на группы, определил порядки стрельбы. Он шел, ободряя воинов. Поздравляя их с победой, до которой (он это понимал) еще очень далеко. Не забыл он подойти и поблагодарить расчеты метательных машин. Определил для них новые цели и направления. Герод выбрал двух молодых бойцов, приказав им следовать за собой в качестве гонцов, и вернулся на «свою» стену. Теперь через час-полтора стоит ждать нового штурма. Если удастся его отбить, то можно перевести дух. Время тянется очень медленно. Вокруг уже не просто посерело. Стало светло. Хорошо это или плохо? Наверное, хорошо. Хотя...

Герод вдруг сообразил, что все время, пока шел бой, пока он выстраивал оборону, пока готовился к новому натиску, он не вспомнил про Аристобула. Даже грызущее чувство потери после гибели Бранна отступило в глубину души. Он должен вывести этих людей из западни, должен отомстить врагам. Но сейчас, когда Всевышний дал маленькую передышку, боль и тоска опять завладели им. Ему захотелось, как тогда в Ерушалаиме, упасть и зарыдать. Но сейчас, когда на него смотрят тысячи его людей, он должен держаться. Он будет рыдать потом. Сначала он победит и отомстит.

Герод снова посмотрел на пространство перед стеной. Под солнцем сверкали железные колючки с шипами. Не заметить их теперь трудно. Но перед ними наступающие должны будут замедлить движение. Вот тогда и надо ударить. Он подозвал одного из гонцов.

— Беги к машинам, пусть бьют тяжелыми ядрами, когда я махну... вот этим полотнищем. — Он указал на грязно синий кусок материи, служивший ему поясом. Вестник умчался.

А от стана врагов началось движение. На этот раз первыми шли гоплиты наместника Итуреи. Прикрывшись

щитами, они медленно двигались, защищая прячущихся за их спины лучников; еще дальше шли толпы кочевников. Их движение было направлено на западную стену. На остальных направлениях шли совсем небольших группы. Мелькнула мысль попытаться прорваться. Но... не успеем. Догонят и сомнут. Кони потеряны при отступлении. Последних лошадей отдали гонцам, отправившимся за подмогой. Он подозвал второго юношу.

— Беги к отдыхающим воинам. Пусть те из них, кто умеет стрелять из лука, берут луки и бегут сюда.

Гоплиты приближались к полосе шипов. Несколько самых нетерпеливых воинов выпустили стрелы. Но большая их часть упала ближе или вонзилась в щиты гоплитов. Рано. Герод крикнул, чтобы стреляли только по его команде и все вместе. На стену взобралось еще сотни полторы лучников. Герод разделил их на два отряда. Один стреляет, другой накладывает стрелу.

Дошли. Враг не остановился, но ощутимо замедлил продвижение. Герод поднял тряпку и замахал ей. Тотчас же в воздух взвился десяток ядер. Они вламывались в порядки гоплитов, создавая в них дыры.

— Стреляйте, куда я покажу! — крикнул Герод, вырывая лук у ближайшего воина.

Он прицелился и выпустил стрелу в брешь, образовавшуюся от удара ядра. Следом за ним засвистели десятки стрел. Враги падали один за другим. Образовалась куча. Строй разрушился. Выстрел в другую брешь. Опять стрелы и падающие тела.

— Стреляем залпами! — закричал Герод.

Уже сотни стрел понеслись в сторону ставшего беззащитным строя. Понимая, что атака захлебывается, командир гоплитов что-то крикнул. Воины понеслись к стенам. Падали. Гибли. Но оставшиеся в живых неслись к стенам. Все ближе.

— Лучники, продолжайте стрелять. Остальные —

за дротики.

Герод выпустил последнюю стрелу, отложил лук и взял несколько коротких копий. Выбрал цель. Метнул. Вместе с его дротиком в сторону противника полетели сотни дротиков его воинов. А ядра и шары с горючей жидкостью летели уже в плотную толпу кочевников, бегущих за гоплитами. Лучники врага выпускали стрелы. Раздались крики и среди защитников лагеря. Но врагов поражено не в пример больше. Главное, началась паника среди кочевников. Герод вновь замахал тряпкой.

Новый залп ядер горящих снарядов обрушились на сынов пустыни. Несколько живых костров замечались по толпе. Стрелы со стен теперь долетали до самых дальних рядов наступающих. И когда передовым отрядам до некрепких стен оставались жалкие два десятка шагов, кочевники побежали. Оставшись в одиночестве, гоплиты тоже кинулись прочь. Приступ отбили.

Отряды Герода потеряли менее сотни бойцов. Противник вдесятеро больше. Главное, они выиграли время. В душе Герода зародилось сомнение. А вдруг гонцы не добрались? Нет. Не может быть. Солнце уже почти в зените. А отрядов из Самарии и Галилеи все нет. Может их что-то задержало в пути? Может. Но другого варианта, чем держаться, у Герода все равно нет.

Противник откатил на безопасное расстояние и, видимо, стал думать, что делать дальше. Этот вопрос волновал и Герода. Стрел, дротиков и ядер у них не хватит и на один час боя. А может быть и меньше. Потом начнется свалка, а противника больше во много, во много раз. Их мечи, конечно, соберут свою жатву, но шансов выбраться и победить с двумя тысячами против четырнадцати нет никаких. Тем не менее, Герод еще раз прошелся по всем стенам. Постарался ободрить воинов, похвалить отличившихся.

Снова на стене. Враги опять строятся. Торопятся.

Понимают, что на чужой земле. Где же армия?! Спят они, что ли? По всем подсчетам должны быть. Что у них теперь? Выстраиваются в колонны. Разумно. Так лучникам труднее попадать, а бежать быстрее. Герод приказал всем приготовиться. Теперь нужно попробовать зажечь траву, которую лазутчики ночью настелили за полосой шипов. Выйдет ли? Посмотрим.

Противник, наконец, закончил перестроение. Солнце уже стояло в зените. Раскаленный воздух буквально обжигал кожу. Герод приказал воинам принести на стены бочки с водой. Противнику было не легче. Даже, наверное, хуже. Шли они очень медленно. Почти ползли. Или так казалось Героду.

Вдруг, вдаль послышался нарастающий шум. В дальний от крепости конец построений врагов врезался отряд конницы с пиками наперевес. За ними волной накатывала пехота. Ряды противника смешались. Пришли.

Герод развернулся к воинам и как мог громко прокричал:

— Победа! Открыть ворота! На врага!

Остатки армии Герода вывалились в ворота крепости и побежали вперед.

Герод возвращался с победой. Не такой легкой победой, как думалось в начале, но полной и безоговорочной. Армия Идумеи и Кидрии была повержена и разгромлена полностью. Пять тысяч погибли в сражении при лагере. Остальные бежали. Но разъяренные воины Герода преследовали их, загнали в одну из горных крепостей, обложив со всех сторон. Через день, когда нехватка воды для такого большого войска стала сказываться, осажденные

прислали переговорщиков с предложением о сдаче. Герод не отказал, но поставил условие: головы вождя кидрийцев и наместника Афениона. Переговорщики отказались. А через час была попытка прорыва. Итурейцы вышли из ворот и попытались прорвать блокаду. Погибли почти все. Наместника Герод казнил лично. Предательства он прощать не собирался. Через два дня те кидрийцы, что не умерли от жажды, сдались.

Добычи было немного, разве только несколько тысяч рабов, которых можно использовать на строительстве дорог. Но восточные и северные границы страны долгие годы будут безопасны. А жаловаться Клеопатре итурейцы не решатся. Слишком явной была измена. Впрочем, посмотрим. Если бы не сидящая занозой в сердце боль утраты, он мог бы посчитать поход успешным. Но... Бранн, пять тысяч воинов-иудеев... Аристобул...

Ослабившееся было предчувствие катастрофы вновь стало разъедать душу. Сначала Аристобул, которого он любил, как сына. Нет, больше, чем сына. В детях он видел Марьямну. Сами они пока не очень интересовали его. Аристобула он любил, гордился им. Теперь его нет.

Бранна он не просто любил. Это была его рука. Верная и сильная. Теперь ее отрубили. А рана болит. Очень болит. Он всю свою взрослую жизнь видел галла рядом с собой, воспринимал его, как обычную и непреходящую часть своего мира. Есть солнце, есть воздух, есть Бранн. А теперь его нет. От жестокой мести на душе стало не лучше, а мутнее. Навязчиво лезли мысли: Аристобул, Бранн, кто следующий? Внезапно он понял: кто следующий? Точнее, не понял, а почувствовал: он сам. Герод.

Он осмотрел округу, через которую шла его армия, словно пытаясь увидеть, из какого угла, какого дома выйдет его смерть? Но все было мирно. В утреннем тепле, еще не превратившемся в дневную жару, нежилась сытая

и спокойная страна. Люди радостными криками приветствовали царя, возвращавшегося с победой. Молодые девушки бросали под копыта коней венки цветов, воины, получившие от Герода большую награду, весело переговаривались с поселянами. Но даже когда показались стены Ерушалаима и башня Фасаэля над его домом-дворцом, чувство не отступило: царь должен умереть.

Глава третья. Марьямна

Марьямна еще не полностью отошла от внезапной и нелепой смерти брата. Наверное, теперь это не исчезнет никогда. Может быть, потом оно как-то отодвинется, зарастет новыми бедами, радостями и печалью. Пока она старалась как-то вытеснить из души беду заботой о детях. В отсутствие мужа это было особенно трудно. С матерью у нее никогда не было душевной связи. Ее болезненной страсти править Марьямна просто не понимала. Ее постоянные нападки на мужа были Марьямне неприятны. Советники, придворные? Они были не родные. Только Герод был для нее и исповедником, и другом, и защитой. Марьямна старалась больше времени проводить с первенцем и близнецами. Гулять с ними в садах, беседовать. Это успокаивало. Но гнетущее ощущение, что гибель Аристоклы — это начало бед, оставалось.

Вечером, когда дети уже спали, а сама Марьямна пыталась примириться со своей болью, перебирая струны арфы, вошел советник Барух.

— Царица, плохие новости! — начал он.

— Герод! — невольно вскрикнула Марьямна.

— Нет, царица! От царя пока вестей нет. Есть вести из Греции. Вести плохие. Легионы перед битвой изменили Антонию и присягнули Октавиану. Флот разбит.

— Он погиб? — почти шепотом спросила царица. Она не любила ни римлянина, ни его египетскую жену. Но она знала, насколько тесно Герод связан с Антонием. Знала, насколько страшна для него будет победа Октавиана.

— Нет. Антоний и царица Египта смогли прорваться и прибыли в Александрию. Но по всем восточным провинциям легионы переходят на сторону Рима, бросая

Александрию. Отряды Октавиана уже движутся к ней. Триста кораблей идут морем, из Африки наступает сухопутная армия.

Марьянна ослабла. Вот оно! А мужа нет. Нужно что-то делать. Октавиан может просто казнить семью властителя, близкого к поверженному противнику.

— Что ты решил делать, Барух?

— Царица, в Набатее правит троюродный брат Герода. Я хотел предложить всем женщинам и детям семьи царя, включая твою мать, благородную Александру, отбыть туда. Как только положение поправится, вы вернетесь.

Марьянна понимала, что такое действие разумно. Даже если Герод падет, устоит дом Герода. Корабли и караваны устойчивее дворцов и крепостей, а слитки золота часто сильнее мечей. И тогда через годы все опять вернется на круги своя. Так некогда поступил Антипатр. Все правильно. Но она должна остаться с мужем, разделить его судьбу.

— Ты решил мудро, Барух, — ответила она. — Дети, почтенная Кипра, Саломея и моя мать Александра пусть отбудут в Набатею. Я останусь в Ерушалаиме.

— Но, госпожа...

— Не перечь. Это решено! Я буду с Геродом и, если так судил Всевышний, пойду за ним туда, откуда нет возврата.

Барух молча поклонился.

— Прекрасная Марьянна! Я всегда говорил, что Всевышний дал царю великую награду за все беды его жизни — твою любовь!

— Иди. И дай знать, если будут вести от Герода.

Герод сразу понял, что в Верхнем городе что-то происходит. Слуги сновали особенно быстро, носились какие-то тюки, двор священников был полон молящимися людьми, как и двор Израиля. Зато дворец, когда он проехал в ворота, показался ему неожиданно пустым. Ему на встречу не вышли мать, сестра, дети. На ступеньках дворца возвращающихся воинов встречали Марьямна с грустными, но, как ни странно, спокойными глазами, и Барух.

Герод спрыгнул с коня. Обнял жену. Поприветствовал Баруха.

— Нас стало меньше, брат! Бранн отбыл к чертогам своих богов. Пал в битве, как подобает воину, — проговорил он, обращаясь к Баруху.

— Я знаю, господин, — ответил советник, отведя глаза.

— Марьямна, любимая! А где все? — обернулся он к жене.

— Герод, мой муж, у нас беда, — проговорила Марьямна.

— Антоний?

— Да.

— Пойдемте внутрь. Там поговорим.

Они прошли во внутренние помещения. Там уже собрались все, кто остался в городе — советники, воины, ближние люди. Марьямна хотела пройти в свои покои, но Герод попросил ее быть с ними. Вместе с ними прошел молодой воин с подбритой бородкой и косым шрамом на щеке, в кожаном панцире, надетом на тунику.

В зале Герода раздались приветственные возгласы. Но Герод, поклонившись, поднял руку:

— Братья, перед тем, как мы начнем наш совет, дому

Герода принесет присягу на вечную верность новый член нашей семьи, — он показал рукой на вошедшего за ним воина.

Воин громко и отчетливо произносил слова клятвы верности дому Герода. Эту клятву некогда произносил каждый из них. Клятва дому была их Святая Святых, куда не было входа посторонним или случайным.

— Даниил будет отвечать за военную силу дома, за наших воинов, за их умения. Его учителем, как и моим, был Бранн. Любите его, как любили Бранна. А теперь к делам.

О битве в песках присутствующие уже знали от гонца и из письма, отправленного Геродом. Потому обсуждали события на далеком море, возле мыса Акциума. Говорил Барух, постепенно становившийся главным советником, держащим в своих цепких пальцах все ниточки дел дома.

— Царь, царица и вы, мои друзья и братья! История эта грустная, хотя и ожидаемая. Октавиан понимал, что восток богаче запада, а Антоний — лучший полководец, чем он. Этот правитель умеет понимать свои слабости. А уже это — великая сила. Он приблизил к себе талантливых полководцев, сумел внушить любовь к себе легионерам. И хотя изначально римляне склонялись более к Антонию, чем к Октавиану, его женитьба на Клеопатре, его завещание, обнародованное в Риме, постоянно подсылаемые люди от Октавиана — все это изменило их мнение. Лучшие части, самые верные сенаторы перебежали на сторону Рима. Его приказы к монархам Коммагены и Понта о предоставлении вспомогательных сил не исполнялись. Даже его легионы, с которыми он пришел в Грецию, роптали и были ненадежны. Перед самым началом битвы, уже будучи на корабле, Антоний узнал, что его армия изменила ему и присягнула Октавиану. Он решил прорываться с теми силами, которые были с ним и были, безусловно, верны ему. Мужество Антония

и храбрость его воинов позволили ему вырваться из капкана. Теперь он в Александрии. Войска в Сирии и Каппадокии, Азии и Пальмире перешли на сторону Октавиана. Флот Антония или погиб, или перешел к новому победителю. Понимая, что грядут трудные времена, мы отправили семью царя в Набатею, сообразуясь с его поведением перед отъездом. Царица Марьямна сочла должным остаться в городе. Так обстоят дела на сегодня. Антоний проиграл, Герод.

— Подожди хоронить его, Барух, — проговорил Герод. — Антоний — крепкий орешек. А в Египте есть немалые силы. Кроме того, мне не нравится идея предательства. Сейчас к ногам Октавиана бросится целая толпа царей, наместников. Как бы нас там не затолкали. Что скажет военный советник? Говори, Даниил.

— Господин! В Египте стоят четыре полных легиона. Армия Египта составляет до сорока тысяч воинов. Они воюют не намного хуже римлян.

— Итого, шестьдесят тысяч воинов, — подвел черту Герод. — А что имеем мы?

— Царь, в армию страны можно собрать тридцать тысяч воинов. Армия дома Герода сына Антипатра — это еще четырнадцать тысяч воинов. Есть все необходимые припасы, оружие, метательные машины. Мы можем выступить через неделю.

— Давайте подумаем. Шестьдесят тысяч воинов у Антония, тридцать тысяч воинов у нас. Это — серьезная сила, которая сможет дать отпор Октавиану. С ним пойдет едва ли больше. Германцы достаточно воинственны, галлы — совсем не мирные (опять резануло воспоминание о Бранне), да и о парфянах забывать не стоит. А после победы мы поговорим с Антонием о границах Иудеи и о царице Египта.

— Царь и муж мой! — вдруг вмешалась в разговор Марьямна. — Уверен ли ты, что после победы твой друг,

Марк Антоний, захочет с тобой разговаривать? Клеопатра — его жена, и жена любимая. Сможешь ли ты переубедить его, если каждую ночь ему в уши будет литься иное?

— Ты во многом права, царица и жена моя, — ответил Герод. — Но она не сможет не увидеть, что советы ее — тот яд, который льется в уши Антония — уже привел их на самый край пропасти.

— Может быть, да. Но может быть и нет. Она может убедить не только Антония, но и себя.

— Возможно, что ты права, Марьямна. Но если побеждает Антоний, то у нас есть возможность играть в свою игру. И шансы на успех у нас есть. Если побеждает Октавиан, то, скорее всего, наша игра будет не очень долгой. Не дольше взмаха меча. Хотя...

Герод на миг остановился. Вспомнился разговор в доме Октавиана в Риме. Герод подумал, что с ним ему было бы легче договариваться, чем со страстным и импульсивным Антонием. Впрочем, похоже, что выбора уже нет.

— Потому давайте думать, как нам спасти Антония. Барух, попробуй собрать больше серебра, из тех средств, что мы планировали на строительство. Симон, ты остаешься управлять в городе, чтобы был порядок. Даниил, ты собери всех, кто уже сегодня с мечом, а для того, чтобы охранять страну, набери новых. Через неделю выступаем.

— Поздно, брат! — раздался громкий голос от входа. Все обернулись к говорившему. В зал входил Ферарос.

— Поздно, брат! Все кончено. Антоний и Клеопатра мертвы.

Потянулись долгие и пустые дни. Дела были приведены в порядок. Проговорены были действия на все варианты развития, вплоть до смерти Герода. Герод умолял Марьямну уехать в Александрию, опасаясь, что Октавиан может не удовольствоваться только казнью Герода, если обстоятельства развернутся в эту сторону. Но Марьямна отказалась. Ее решение разделить участь мужа, какой бы она ни была, и восхищало Герода, и угнетало его. А дни шли. Осень сменилась зимой, весной же прибыл гонец от Октавиана, именуемого императором и принцепсом. В послании Героду было предписано прибыть на остров Родос.

За это время страну раздирали самые противоречивые слухи и известия. Октавиан с почестями похоронил Антония, но казнил его сына и сына Клеопатры от Цезаря, молодого Цезариона Птолемея. Многие сторонники Антония были прощены и приближены. Но немало было тех, кто отправился в изгнание или подвергся смерти. Потому Герод собирался в путь в самом скверном расположении духа. Он еще раз просил Марьямну отбыть в Александрию. И опять получил отказ. С этим, попрощавшись с ней и со всеми близкими, он только с сотней охраны отбыл в сторону Акры, чтобы там сесть на корабль, плывущий к Родосу. Возможно, плывущий к его, Герода, смерти.

После отъезда Герода все замерли. Кто-то — в страхе за него и свое будущее, кто-то (и таких людей было немало) — в надежде избавиться от страшного врага, отодви-

нувшего от власти исконных владык этой земли. Но, наверное, самый плотный комок тоски и страха, сгустившегося над верхним городом в Ерушалаиме, был в покоях Марьямны. На людях она старалась сохранять достойный облик и уверенный вид. Но, оставшись одна, не могла сдержаться. Никогда, с самого раннего детства, сколько она себя помнила, Марьямна не лила столько слез. Да и причин для слез, честно говоря, было немного. Отца она не помнила, потому смерть его не отзывалась в ней несчастьем. В доме «дедушки Гиркана» было тепло и беззаботно. Мать, занимаясь своими празднествами и «политикой», не досаждала ей, педагоги и слуги любили ее, позволяли больше, чем должно позволять совсем еще юной принцессе. Она, наверное, выросла бы взбалмошной и своенравной, если бы не изначальная мягкость и доброта, присущие ее душе, если бы не маленький Аристокбул, которому она пыталась заменить мать, почти всегда занятую чем-то своим. Аристокбул. Уже привычная боль кольнула в сердце. Он ушел так внезапно. Точно сам Всевышний призвал его, говорили священники. И смерть его стала знаком окончания светлого периода жизни самой Марьямны. Царица помнила его всю жизнь. Он был самым близким и родным на свете. Ему, еще ничего не понимающему малышу, она поверяла свои крошечные, но, страшные, как тогда казалось, тайны. Ему первому она «под страшной клятвой» сообщила, что «во дворце есть воин, подобный древнему царю Давиду». Тогда в ее сны вошел Герод. Сильный и красивый, со стальным взглядом и мягкой улыбкой. Теперь нет Аристокбула, а скоро может не быть и Герода. Иголка возле сердца стала превращаться в тиски, сжимающие грудь, не дающие дышать.

Марьямна металась по комнате, хватала, а потом бросала какие-то вещи, выбегала на балкон и снова скрывалась в покоях. Под дворцом лежал город. Ей казалось

странным, что по городу, как обычно, идут люди, встречаются, говорят, торгуют и смеются. Что мир не застыл в ожидании возвращения царя, а живет какой-то своей жизнью. В этой жизни нет острова Родос, куда спешит Герод. Да и сам Герод — не человек, любимый или ненавидимый, а далекий царь, о котором, как и о Всевышнем, вспоминали лишь в тяжелую минуту.

Но в покоех было еще труднее. Каждая вещь погружала ее в память веселого и счастливого прошлого. Такого недавнего, но уже прошлого. Она обустроивала свои покои с любовью. Ей хотелось, чтобы каждый уголок говорил не столько о величии, сколько о любви и счастье. Теперь же каждая мелочь была ей в сердце, вновь и вновь вызывая потоки слез. Герод. Дети. Аристобул. Герод.

— Позволь, царица, — послышался за занавесью голос Баруха.

Все лучше. Пусть хоть кто-то будет. Лишь бы не эта общая, засасывающая пустота.

— Входи.

Вошел уже совсем седой и морщинистый, как древесная кора, советник мужа.

— Царица, — начал Барух, — не рыдай раньше времени. Герод много раз был на волоске от смерти. Да и сейчас, в стычках с арабами, он мог погибнуть. Для чего-то и куда-то его ведет Всевышний. Он обязательно вернется. Вернется победителем. А вернувшись, он увидит похудевшее и опухшее от слез лицо любимой женщины. Разве это прольет радость в его душу? Не надо рыдать, Марьямна.

— Я стараюсь, — ответила молодая царица Баруху, ставшему едва не самым близким поверенным человеком. Но новый поток слез уже стоял в ее глазах.

— Прекрасная Марьямна, ничто так не утомляет душу, как пустое время. Его нужно наполнить. Я отослал с поручениями почти всех наших людей, всех настоящих

советников Герода. А за домом нужен глаз хозяйки. Прошу тебя принять на себя это бремя.

— А что нужно делать? — не совсем понимая, спросила молодая женщина.

— Нужно посмотреть припасы. Решить, чего не хватает. Дать поручения слугам. Сказать поварам, что готовить к трапезе. Нужно следить, чтобы все было в доме чисто и готово к возвращению нашего господина. Возьмешь ли ты на себя эту ношу?

— Возьму, Барух! Ты прав. Ты самый лучший и добрый друг. Я — госпожа этого дома и возьму на себя заботу о нем.

— И тогда к возвращению господина мы будем иметь две прекрасные вещи: царицу и дом — улыбнулся Барух.

Герод стоял на верхней палубе триеры, несшей его к Родосу. Он продумывал свои действия. Есть ли шанс на успех? Не очень большой, но есть. Из владык, союзных Риму, поставленных Антонием, двое лишились своих владений, но двое остались (правда, присягнув на верность Октавиану еще до битвы при Акциуме). Даже многие из детей Антония уцелели. Значит, падать ниц перед новым владыкой? Собственно, этого он и ждет. Простирания ниц и оправданий. Наверное, это было бы разумно во всех отношениях. Кроме одного: это — ложь. Он не чувствует себя виновным ни в чем. То есть, нет: он виновен, что обида и страх за судьбу его Иудеи заглушили в нем голос дружбы. Он виновен, что не уничтожил Клеопатру, не спас от нее своего друга. Но в том, в чем ждет оправданий Октавиан, он вины не чувствует. Значит, оправдываться в этом он не будет. Октавиан ждет слез и мольбы? Он их не получит.

Герод вспомнил битву в песках. Собственно, похожее положение. Помощь должна прийти, но может и не успеть. А может и совсем не прийти. Но держаться

надо. Просто потому, что все прочее — недостойно. «У нас что, есть другой выход?» — пронеслось в голове. Значит, не оправдываться и не молить. Тогда что? Ему вспомнилось, как они с отцом, еще в далекой юности беседовали о правде и лжи. Точнее, о том, можно ли лгать во благо? Фасаэль считал, что ложь для благородного человека недопустима никогда. Она возможна лишь в устах раба, живущего в ненависти и страхе. Ферарос и Герод считали, что можно солгать, чтобы добиться цели или не сделать больно близкому человеку. Особенно, когда речь идет о лжи небольшой, простительной. Они приводили примеры из Книги Книг, из своей собственной небольшой жизни.

Антипатр с интересом слушал рассуждения своих детей, а потом сказал нечто, что показалось им странным. Он сказал, что лучший способ солгать — это сказать правду, без единого слова лжи. Много позже Герод понял, о чем говорил отец. Правду можно подать по-разному. Одни и те же события можно изложить так, что в одном случае они будут подвигом, а в другом — несмыслимым грехом. Это Герод уже много раз испытывал на себе. Как-то к нему привели человека, распространявшего листы со «списком грехов Ирода». Вроде бы и события все не лживы, или не совсем лживы. Но образ правителя был чудовищным.

Любое его деяние со времен правления в Галилее объяснялось его порочностью, непомерной гордыней, забвением Закона или ненавистью к иудеям. Тогда он спросил этого человека, откуда он взял этот список. Тот стал что-то кричать о высшем суде и каре, которая обрушится на нечестивого монарха, о том, что он, человек, будет причислен к сонму святых мучеников, что пусть палачи Герода тащат свои клещи — он не боится смерти. Герод засмеялся и отпустил говорящего, попросив занести в «список его грехов» и это событие.

Пожалуй, он тоже так поступит. Он не будет лгать, изворачиваться и молить о пощаде всемогущего владыку Рима. Этим он не поможет и не спасется. Он будет говорить правду. Ту правду, которую способен понять римлянин. О дружбе и верности Антонию. О борьбе с Клеопатрой. А там — пусть будет, как будет. Рано или поздно над каждым из нас ляжет земля. Так ли перед лицом вечности важно — произойдет это сейчас или спустя десять лет? Ведь в любом случае — казнит ли Октавиан Герода, отправит ли его в изгнание, как Антиоха, или помилует — Иудея останется богатой и процветающей. Нашествия римлян не будет. А как именно будут звать правителя Иудеи, так ли это важно? Свой же путь он пройдет до конца.

Иосиф Флавий думал об Ироде. И то, что он не мог отделаться от мысли об этом человеке, что он уделяет ему не меньше места, чем даже великим Хасмонеем, удивляло его самого. Была вполне понятная мысль, объясняющая то, что писатель тратит время на жизнеописание человека, ему откровенно чуждого, по мысли, по крови, по всей жизни. Имя этой мысли: Рим. Как не строй апологии, но именно римские войска уничтожили Иудею, разрушили Храм, уничтожили само имя Ерушалаим, оставив лишь «муниципию Элия Капитолина». Они изгнали большую часть иудеев с их родной земли. Как некогда ассирийцы и вавилоняне, они обрекли народ на рассеяние. Но римляне — господа и мира, и судьбы самого Флавия. Писать об их злодеяниях — да что там, думать об этом — уже измена. Но боль и обида сидят в душе, их хочется вылить. Потому и обрушивается он на верного

слугу Рима, связавшего судьбу Иудеи с судьбой мировой державы — на Ирода. Его ругать можно. Он хоть и римский гражданин, хоть и признанный «друг императора», но к сакральным фигурам не относится. Есть ли это? Расплачивается ли Ирод или Герод за все обиды, которые нанесены народу римлянами? Наверное, есть. Как ни обидно это признавать, но Флавий старался с собой быть честным. Он не любит тех, кто приютил его, дал ему кров и безбедное житье. Он не любит римлян, хотя и отдает должное их силе и упорству, их способности организовывать, перемалывать, переделывать под себя все вокруг. За эту нелюбовь и платит Ирод.

Но была и другая сторона, гораздо более глубокая. Что-то было в самой фигуре Ирода, что притягивало старого историка; что-то, что он хотел бы видеть в себе, но не смог найти. Было что-то в неистовом, неумном идумейце, идущим сквозь беды и удары судьбы к своей цели, что-то, что роднило его и Флавия. Что? Сразу и не сказать. Но оно было.

Иосиф посмотрел на стену таблинума, где были нарисованы закат над морем и бегущий по волнам корабль. Он вспоминал. Вспоминал все, что знал и слышал о встрече Ирода и Августа. Известно о том не очень много. Они встретились, но Ирод не стал оправдываться. Он честно сказал, что считал и считает Антония своим другом. Но Август не только не казнил гордого иноземца, но обнял его и назвал своим другом. Почему? Может потому, что уже начал свою игру под названием «милость, мир и общее прощение»? Великий Август играл всю жизнь. Он был не столько великий полководец или правитель, сколько великий актер. Вот Ирод и попал на первый акт новой драмы. Впрочем, какая разница? Мы, потомки, можем только гадать, о чем думал Август. Известно одно: ехавший на расправу царь Иудеи вышел от владыки мира в новом блеске и славе. Это и стоит

написать. Остальное потомки додумают сами. Пальцы уже привычно выводили:

«Приехав в город, он снял диадему, но остался во всем прочем царском убранстве своем. Когда ему удалось добиться аудиенции, он в полной мере выказал всю свою неустрашимость, а именно не прибег, как то делается обыкновенно в таких случаях, к просьбам и не выказал ни малейшего опасения за все совершенные им проступки, но безбоязненно дал отчет во своих поступках. Он рассказал Цезарю о своей большой дружбе с Антонием, о том, что он не участвовал в его походах, так как сам был вовлечен в борьбу с арабами, но что он посылал Антонию деньги и хлеб. Этого было, впрочем, слишком мало, что он сделал для Антония, потому что, по его мнению, тот, кто объявляет себя чьим-либо другом и видит в нем своего благодетеля, должен всеми силами души и тела, насколько это в его власти, поддерживать друга. Хотя он (Ирод) и оказал, таким образом, Антонию меньше услуг, чем бы следовало, он все-таки очень доволен дальнейшим образом своих действий относительно его, а именно: он не покинул Антония после поражения его при Акции и не перешел на сторону того, которому теперь улыбнулось счастье».

В самом деле, удивительно. За менее дерзкие слова Октавиан казнил людей. А тут было полное прощение и приятие. Может быть, свою роль сыграло заступничество близкого в тот момент к Августу Квинта Дидия? Трудно сказать. Флавий вновь склонился над текстом.

«Если ты теперь в гневе на Антония, поставишь мне в вину мое к нему расположение, то я не только не стану отрекаться, но не задумаюсь еще раз открыто подтвердить здесь мою приязнь к нему. Если же ты, оставя его в стороне, посмотришь, каков я к своим благодетелям и каков я в дружбе, то у тебя доказательство налицо в виде совершенных мною деяний. Если переменилось имя,

из этого еще не следует, чтобы моя дружба пошатнулась к тому, кто является заместителем и преемником моего друга. Такими словами, в которых ясно звучала полная независимость, Ирод без труда склонил на свою сторону Цезаря, человека, отличавшегося благородством духа, так что то, что представлялось первоначально поводом к обвинениям, теперь вызвало благоволение к нему императора. Вместе с тем последний вновь венчал Ирода царским венцом и просил его об одном лишь: быть с ним так же дружным, как дружен он раньше был с Антонием».

Флавий остановился. Стоит ли писать про слухи о казни Ирода, что носились по Иудее, пока царь предстал перед Августом на Родосе? Пожалуй, нет. Это не так важно для истории. Хотя рассказы о них и печальных последствиях, к которым они привели, дошли и до его времен.

Марьямна старалась взять на себя как можно больше забот. За ними как-то отодвигались огромное горе и одиночество, обрушившиеся на нее. Они не уходили, но переставали постоянно колоть грудь, терзать сердце и выжимать из глаз новые потоки соленой влаги. В один из дней в Ерушалаим вернулась ее мать, Александра, не выдержавшая жизни «среди дикарей». Сначала Марьямна обрадовалась возвращению Александры. На какой-то миг показалось, что с этим возвращением начнет восстанавливаться ее прежний мир. Но эта мысль развеялась необычайно быстро.

В первый же вечер, когда дневной шум утих, а дворец погрузился в сон, мать поделилась с дочерью своими планами. Новый владыка, конечно, не простит Герода. И это

совсем не плохо. Ему вполне пора ответить за все свои деяния. В том числе за убийство ее, Александры, сына, Аристобула — не сам же он упал в купальне! Наверняка Герод отдал такой приказ. Марьямна просто еще маленькая и не понимает, насколько сложна жизнь, и насколько подлы люди. Так вот. Герод заканчивает свою жизнь в темнице или под мечом палача. В этот момент возникает вопрос о новом правителе. И что? Из законных наследников остаются только дети Марьямны. Это ничего, что старшему сыну только четыре весны. Он — сын правителя. Он Хасмонеи по крови. Пока Марьямна будет его растить и воспитывать, править станет она, Александра. Только бы Октавиан поступил правильно.

Александра не кровожадная, как Герод, который, говорят, убил в крепости больше десяти тысяч арабов. Она понимает, что ее маленькая глупая дочь влюбилась в этого дикаря. Ничего, это пройдет. Пусть римлянин даже не казнит Герода. Пусть просто сошлет его. Скажем, в Африку. Или лучше в Лигурию. Нет. В Германию.

Марьямна с трудом дотерпела до конца материнского монолога. Пожаловавшись на усталость, она попросила у почтенной матери разрешения прекратить встречу. Мать ушла, а Марьямна до утра так и не смогла сомкнуть глаз. Герод еще жив, а его наследство уже делят.

Правда, бунтов по стране, которых опасались советники, не было. Люди даже не особенно интересовались тем, что происходит в верхнем городе. Земля плодородна, скот жиреет, торговля процветает. Есть кусок хлеба, есть одежда и крыша над головой. А остальное — так ли это важно? Попытка поднять восстание в Галилее провалилась. Люди просто не пошли за сыном убитого Иродом «владыки» Хезкияху. Ему пришлось с немногочисленными сторонниками бежать в уже привычные горы на границе с пустыней. Это радовало старого Баруха, но не облегчало душу Марьямны.

Дни следовали за днями привычной чередой. Заботы, хлопоты по дворцу, беседы с Барухом, тяжелые разговоры с матерью. Та, похоже, даже не замечала, насколько трудно дочери выслушивать ее планы «прекрасного будущего, когда Цезарь казнит Герода». Ей казалось, что Герод уже давно должен был бы вернуться, или хотя бы послать весточку. Однажды она прямо спросила Баруха, насколько вероятна смерть царя? Барух отвел глаза, и ответил в том смысле, что все сейчас в руке Всевышнего, а он милостив к Героду. Марьямна поняла, что даже старый и преданный друг не исключает смерти царя, готов к ней и придумал, как быть ему, всему дому Герода, ей, Марьямне. Только она не могла придумать, как ей быть, если Герода нет. Она не допускала до себя эту мысль. Когда на душе становилось невыносимо тяжело, она представляла себе его возвращение в новой славе и силе. Представляла, как он в сопровождении охраны въедет в ворота дворца, как спрыгнет с коня, как обнимет ее, прижмет к себе. Она видела его влюбленные глаза и ласковую улыбку. Правда, после этого одиночество становилось еще невыносимее, а ожидание превращалось в бесконечную пытку.

Однажды вечером к ней вновь зашла мать, выглядевшая таинственнее, чем обычно. Ее глаза светились.

— Дочь моя, крепись и будь готова к тому, чтобы исполнить свой долг перед родом Хасмонеев. Верный человек прислал мне весточку из Антиохии, а ему ее передали с Родоса. Октавиан казнил Герода. Он видел, как его вели по городу уже без царской диадемы. Многие видели это. А кто-то видел и то, как слетела его греховная голова. Что с тобой, дочь?

У Марьямны потемнело в глазах. В груди уже не кольнуло игой, но запылал пожар. Дыхание стеснило.

— Прости, мать! Мне нехорошо. Я прилягу.

— Конечно, доченька. И не переживай так. Он того

не заслуживает.

Александра коснулась губами щеки дочери и выскользнула из покоев. Она была не в силах скрыть радости. Наконец-то. Теперь у Октавиана просто нет вариантов, кроме как сделать правительницей ее. Она представила, как она вышвыривает из дворца всех прихлебателей, этих «советников» Герода, как дворец наполняется новыми, достойными людьми. Дочка только что-то распереживалась. Ничего. Успокоится.

Огонь полыхал в груди Марьямны. Слез не было, поскольку не было надежды. Герода нет. Он не въедет во двор. Но обнимет ее. Его просто нет. Есть мир, есть Ерушалаим, но нет Герода. Он не прижмет ее к себе. Нет больше его рук, его губ. Никогда они не коснутся тела Марьямны, никогда страсть не превратит их из двух людей в одного, единого.

Марьямна вышла на балкон. Мир был черным, как смоль, черным, как горе в сердце Марьямны. Черным, как слово «никогда». Она задохнулась рыданиями. Но слез не было. Ничего не было. Все, что было в жизни, было связано с мужем, было им. В детях она находила его черты и радовалась им. Теперь его нет. Ей вспоминались первые, детские встречи с «воином, похожим на царя Давида». Перед глазами всплывали разговоры после бегства из Ерушалаима. Она помнила — нет, она чувствовала — каждый волосок на его теле, каждый мускул. Теперь его нет. Он прошел свой путь до конца. Зачем теперь жить ей? Пусть ее тоже не будет. Пусть только прекратится эта тупая боль в груди.

Марьямна сняла с груди полый камешек, который носила с самого детства. Там, в его середине, за оправой, был яд. Ведь так все просто. Она налила в чашу вина, бросила крупички в жидкость. Вино зашипело и на миг сделалось густым, изменило цвет. Потом опять поверхность выровнялась, а цвет стал привычным. Спокойным дви-

жением она поднесла чашу и выпила жидкость. Сначала ничего не было. Но потом пожар вспыхнул в животе, в горле. А потом и боль исчезла. Она закрыла глаза и повалилась на пол.

Перед ее взором возник Герод. Не царь Иудеи, с седыми прядями в черных волосах и усталыми глазами, а веселый молодой воин. Он шел к ней, он был совсем рядом. Его губы шептали: Марьямна, моя Марьямна!

— Герод, — прошептала царица...

— Госпожа! — в комнату ворвалась служанка. — Госпожа! Весточка от царя! Он возвращается!

Но Марьямна уже не слышала ее. Она уже ничего не слышала.

На Родос Герод ехал, как на казнь. Был готов к этому. Но судьба благоволила к нему. Возвращался он не просто царем Иудеи, но «другом Цезаря», участником его ближнего круга. Таковым его признал и Агриппа, и Мекенат, и другие близкие к Октавиану люди. Цезарь одарил нового друга. Во владения Герода вошла Идумея, прибрежные крепости, Акра, земли в Заиорданье. Правда, Иудея, в отличие от времен Антония, должна была выплачивать подать «за защиту от парфян». Но подать эта была триста талантов, что было вполне по силам Героду. Теплый ветер неспешно гнал корабль в сторону Акры, в сторону дома. Еще ранее он отправил письмо Марьямне и Баруху с изложением всех событий последнего времени.

Вот и Акра. Солнце осветило стены старой крепости, порт, постройки возле него. Корабль медленно вошел в небольшую и не очень удобную гавань. Высадка длилась невероятно долго. У Герода все билось внутри. Домой!

Как не терпится оказаться среди своих, обнять жену, вызвать в Ерушалаим всех, кого решил укрыть в Набатее. Наконец, все закончилось. Герод вскочил на коня и в сопровождении небольшой охраны помчался по дороге. Над ним, над его Иудеей лилась и лилась его песня, песня Герода. На ночевку остановились, когда в двух шагах было невозможно различить пути. И лишь только небо окрасилось в серый цвет, Герод вновь поднял своих спутников. Опять цокот копыт по уже вымощенной по римскому обычаю дороге. Дом все ближе. Вот уже показались среди холмов стены и башни Ерушалаима. Вот он въезжает в ворота и несется по улицам в верхний город. За ним летит его песня. Откуда-то из переулка послышался собачий вой. Ему откликнулся вой из соседнего дома. Почему? Странно.

Вот ворота дворца. Вой слышится и здесь. Стража расступается перед ним. На ступенях дворца стоит Барух. Даже издали видны его заплаканные глаза и совершенно бледное, как смерть лицо. Что с ним? Он не получил письма? Герод соскочил с коня и кинулся к другу, обнял его. Старик зарыдал. Без слез. Его била дрожь, рыдания рвались из него. Дрожащими губами он произнес одно слово:

— Марьямна!

— Что?! — Герод бросился внутрь. В зале на невысоком постаменте стоял деревянный короб, украшенный всеми мыслимыми и немыслимыми камнями, обшитый дорогой тканью. В нем в парадных одеяниях царицы Иудеи лежала она. Герод бросился к ней. Родное лицо было неподвижным и далеким. Густые белила скрадывали те маленькие черточки, которые он помнил всегда. Почему? Что это?!! Герод задохнулся. Вновь со двора резанул уши вой какого-то из дворцовых псов.

Марьямна, душа моя! Сердце мое! Почему?! Ты — смысл желаний моих, свет в ночи моей жизни! Почему

ты не можешь разделить мою победу? Почему ты лежишь в этом зале? Вставай, любимая!..

Ярость, боль, недоумение — все смешалось в его душе, заполнило его и прорвалось в крике, устремленном в небо: — Ненавижу!!!

Герод, не в состоянии видеть неживое лицо любимой, бросился из дворца. Он упал на землю, колотя кулаками по ней: — Ненавижу! Я ненавижу тебя! Я проклинаю тебя!

Он все бил и бил кулаками по утрамбованной земле, не видя и не слыша гомона десятков слуг, советников, воинов, столпившихся вокруг него. А собачий вой все летел и летел со всех сторон. С башни в воздух поднялась стая птиц и, громко крича, устремилась прочь от Ерушалаима, от царя и его горя. Внезапно земля загудела и поддалась. Раздался грохот. С карнизов дворца посыпались камни, несколько колонн накренились и упали, давя людей, скопившихся вокруг рыдающего царя. Герод поднял голову. Ветер с безумной силой дул над городом. Кричали люди. Выли проклятые псы. Вокруг стоял грохот от падающих камней. Башня Фасаэля накренилась и начала разваливаться. Один из оторвавшихся камней полетел в его сторону. И это было последнее, что он видел.

Часть шестая. Строитель

Глава первая. Царь должен жить...

Герод смотрел в небо. Высокая синяя пустота прости-
ралась над ним. Пустота и тишина. Мир умер или исчез.
Хотя, скорее, это он, Герод, умер. И это хорошо. Это спо-
койно. И ничего не болит. Марьямна! Герод вспомнил
об утрате. Самой большой и горькой утрате его жизни.
Слезы полились из глаз. Он чувствовал, как они ползут
по щеке. Чувствовал? Значит, он жив? Или мертвые тоже
чувствуют? Боль постепенно приходила в тело. Саднил
затылок. Сильно болела рука. На ноге какая-то тяжесть.
Он попытался встать. Не вышло. В глазах пошли красные
круги, и он со стоном вновь повалился на землю. Жив.
Что это было? Камни, ветер, вой собак, падающая башня.

Герод собрался с силами и снова попытался подняться.
На этот раз удалось. Рука порезана. Правда неглубоко,
да и кровь уже засохла. Нога? Кажется, цела. Осторожно
вытянул ее из-под камня. Вроде цела. Ударило сильно.
В голове шум, в глазах плывут металлические блески,
нога болит. Герод поднялся и окинул взглядом окрестно-
сти. Было похоже, что город только что подвергся жесто-
кому штурму и разграблению. Нет. Даже после самого
жестокоего штурма такого не бывает. Двор его дворца-кре-
пости был завален огромными камнями, стены почти
рухнули. По двору лежит множество тел, оторванных
конечностей. Слышны крики еще живых. Несколько вои-
нов растерянно смотрели на творящийся вокруг ад.

Герод перевел дыхание — все же досталось ему
изрядно — и подозвал стражников, или кто там они. Те
встрепенулись и с готовностью подбежали к нему. Их
было меньше десятка.

— Найдите всех, кто уцелел, и приведите их ко мне, — хриплым голосом приказал он.

Воины разбежались, и довольно быстро вокруг Герода стала собираться толпа людей. Воины, слуги, священники и просто горожане. Все бежали на зов царя. Всем было страшно, каждый мечтал, чтобы кто-то взял на себя бремя ответственности и страха.

— Братья мои! — начал Герод. Слова давались с трудом. — Братья мои! У нас беда! Нужно спасти тех, кого еще можно спасти и похоронить и оплакать тех, кто покинул нас.

— Землетрясение — кара Всевышнего! Мы должны покинуть Ерушалаим! — крикнул один из священников, стоящих в толпе.

— Всевышний шлет нам испытание: достойны ли мы называться Его народом? Выдержим ли? Тот, кто считает себя слишком слабым, пусть бежит. Я не буду его удерживать.

Несколько человек подошли к остаткам ворот и стали молча спускаться в нижний город, полностью лежащий в руинах. Остальные остались с царем.

— Братья! Пусть каждый осмотрит жилища, руины, завалы. Вдруг там кто-то остался жив. Женщины пусть найдут воду — омыть раненых, и тряпье, чтобы перевязать их. Всех живых несите во двор. Навеки упокоенных кладите у северной стены — она, кажется, устояла. Не медлите. Если найдете еще уцелевших людей — пусть присоединяются к вам. Ты — он ткнул в ближайшего стоящего перед ним воина — найди любого коня. Не найдешь — иди пешком. Передавай всем встречным: царь Герод призывает всех к себе спасти Ерушалаим. Пусть идут все воины, все, кто не пострадал. Пусть идут врачеватели и священники. Дел хватит всем.

Люди стали расходиться, пытаясь глазами найти то место, с которого они начнут поиск. Женщины стали

устраивать ложа для раненых. Герод прошел в то, что еще недавно было самым величественным зданием города, его дворцом. Многие перекрытия рухнули. Через завалы из щебня, обломков мебели, через тела он пробирался в центральный зал. Зал почти не пострадал, только был засыпан штукатуркой и обрывками пергамента. На постаменте лежало тело Марьямны. Лицо ее, как и до всего, было спокойно и недоступно пониманию живых. В этот миг Герод осознал, что ее нет. Он сел на постамент рядом с гробом, стал гладить волосы любимой, засыпанные, как пудрой, мелкими частичками пыли. Горло снова сдавили рыдания.

— Любимая! Свет моих очей! Жизнь без тебя пуста... Человек Герод, сын Антипатра, не может больше жить. Но царь Герод должен жить. Он должен быть опорой людей в зыбком и распадающемся мире. Он должен жить хотя бы для того, чтобы было кого обвинить во всех несчастьях. Прости меня, родная, что не могу сей же миг соединиться с тобой. Я должен жить. Пока должен.

В стороне раздался глухой стон. Герод поднял голову. В углу, придавленный огромным стеллажом, лежал Барух. Герод бросился к другу. Жив. Он похлопал по щекам советника. Тот открыл глаза и зашелся в кашле.

— Люди! Люди! — крикнул Герод. Отклика не последовало. Видимо, в этой части дворца живых не было. Он последний раз остановился возле любимой и поднял Баруха на руки.

Во дворе уже лежало несколько десятков раненых людей. Возле них сустились женщины дворца. Двор, насколько было возможно, был очищен от обломков. У стены лежали тела мертвых. Много тел. Женщины приняли Баруха, напоили его. Похоже, что советник отделался относительно легко.

— Герод, — вдруг позвал Барух. Герод наклонился к нему.

— Герод! В подвалах дворца есть запасы вина, бобов, зерна и масла. Все это нужно вытащить. Иначе все погибнут. Не под развалинами, так от голода и жажды.

— Я услышал тебя, Барух. — ответил Герод. — Ты опять меня спасаешь.

— Воин! — обратился он к пробежавшему мимо юноше. — Найди еще пять человек, и подойдите сюда. Есть очень важное дело. Быстрее.

Юноша умчался, и вскоре пять крепких воинов уже углубились в развалины дворца. Перебираясь через завалы, они смогли раскопать еще несколько тел, но живых среди них не было. Вот и путь в подвалы. Лестница провалилась. Пришлось настилать мостки из обломков. Так. На месте. Подвалы, выбитые в теле скалы, уцелели. Несколько кувшинов сорвались со стеллажей, просыпалась крупа. Это мелочи. Три воина взяли по два мешка с какими-то бобами каждый, один свалил в корзину несколько кувшинов с вином и маслом. Одному их не унести. Пусть несут двое — решил Герод. Сам Герод тоже нагрузился полутушей копченого барана. В обратный путь.

После того, как они вынесли все это во двор, где уже стали скапливаться усталые и голодные люди, Герод приказал развести костры, найти котелки и начать готовить пищу. Сам же с двумя воинами опять вошел во дворец. Гроб с телом царицы был вынесен во двор.

— Пусть священник совершит обряд. Мертвых нужно предать земле.

Высокий и молодой священнослужитель, чем-то похожий на Аристобула, стал читать поминальную молитву. Собравшиеся люди шепотом повторяли за ним. Почти каждый из них потерял кого-то из близких и родных. Герод смотрел на печальный короб, вмещавший тело самого дорого ему человека. Прости, любимая! До встречи там, за порогом!

Затем печальное шествие проследовало за город. Развалины нижнего города были еще страшнее. По дороге Герод видел, как люди сами пытались вытащить и омыть своих раненых и умерших.

Герод остановился, отправив похоронную процессию дальше. Вокруг него стали скапливаться люди. В разорванных одеждах, окровавленные, точно остатки разбитой армии. Они с надеждой взирали на него. Ждали его слова.

— Братья мои! Дети Всевышнего! Наступил час испытаний. Скоро в Ерушалаим начнет приходить помощь. Но если мы будем просто ждать ее, то умрем от голода, жажды, болезней. Пусть те из вас, кто в состоянии ходить и носить тяжести, пойдут со мной. Есть ли среди вас старейшины кварталов?

— Да, царь Герод! — вышли вперед два человека.

— Пищи у нас немного, но она есть. Пусть десять человек пойдут со мной и принесут зерно и вино. Еще пять человек пусть начнут искать по домам пищу. Потом, когда беда уйдет, я расплачусь со всеми. Все съестное снесите на площадь возле рынка. Ты, почтенный, — указал он на одного из старост — начни выдавать еду, чтобы люди могли утолить голод. Помни, что еды мало и должно хватить всем. А ты — он указал на второго старосту — проверь, есть ли в городе колодцы с водой. Если есть, нужно организовать водоносов. Без воды пропадем. Вы справитесь, почтенные?

— Да, царь. А скоро ли придет помощь?

— Думаю, что завтра к вечеру начнут подходить люди, продукты, вода. Пока нам нужно выдержать. Вы станетесь правителями нижнего города. Если кто-то начнет грабить, пользуясь общей бедой, то своей властью позволяю вам убивать его на месте. Все грехи не на вас, а на мне. Пусть женщины в уцелевшем доме — самом большом доме — устроят место, куда можно будет свозить

больных и раненых. Пусть крепкие мужчины предадут мертвых земле, а священники пусть исполняют над ними правильные ритуалы.

Герод чувствовал, как рождается в душах людей огонек надежды, старался укрепить его, не дать ему погаснуть. Людей собралось уже несколько тысяч человек. Все они хотели поддержки, все они ждали от него слова, ловили его. Они верили ему, Героду, они были его народом, а он — их пастырем.

— Жители священного города Ерушалаима! Всевышний испытывает нас. И каждый из нас должен доказать себе... прежде всего — себе, что он не животное, а человек. Что он достоин Имени Его и Слова Его. Докажем миру и себе самим величие духа нас, людей Ерушалаима!

— Докажем, царь! Слава великому царю Героду! Слава! — закричали в толпе.

— Не мне слава, но вам, жители города! Вам поклон!

Герод низко поклонился людям и, подозвав десяток, который определил старейшина, направился в верхний город.

Сколько раз за вечер он совершал переходы из верхнего города в нижний! Помогал разбирать завалы, организовывать раздачу и приготовление еды, воды, помощь раненым. У него много раз возникало ощущение, что следующий шаг будет последним — он просто упадет и не встанет. Но тело продолжало делать то, что давно находилось за пределами человеческих сил. Наконец, убедившись, что поставленные им градоначальники вполне справляются со своими делами, уверившись, что удалось избежать грабежей и насилия, он удалился в верхний город, где уже распоряжался Барух. Он с трудом доковылял до палатки, которую поставили для него во дворе, и рухнул на кучу соломы, заменившей царское ложе. Несколько часов он лежал, не шевелясь, не в силах даже закрыть глаза. Наконец, сон затуманил его сознание.

Проснулся он от шума за стеной палатки. Сквозь неплотную ткань пробивался легкий ветерок. Герод встал. Вышел во двор. Во дворе толпились воины, ослики с поклажей. Кто-то кричал, ругался, кто-то кому-то приказывал. К Героду подошел Барух.

— Господин, прибыл караван из Самарии. Три тысячи воинов, зерно, масло, инструменты, чтобы разбирать завалы. Много работников, врачей. С ними прибыл советник Симон. Скоро подойдет помощь из других городов. Мы выдержим, Герод!

— Выдержим! Должны выдержать! Завтра утром в моей палатке собери всех, кто имеет отношение к нашему дому. Пусть соберут все сведения про то, что происходит в городе, чем мы располагаем.

— Хорошо, Герод.

Барух ушел распоряжаться размещением вновь прибывших, а Герод поднялся на одну из уцелевших башен дворца. Было еще темно. По всему городу жгли костры. Люди боялись ночевать в домах. Да и целых домов почти не осталось. Но город жил. Герод чувствовал его дыхание, его боль, его волю. Героду всегда больше по душе была Самария. Но в этот миг он ощущал родство с тем многоликим и шумным существом, которое зовется Город Ерушалаим.

Герод посмотрел дальше. Лунный свет заливал холмы вокруг города, сливающиеся с густой темнотой ночного неба. И со всех сторон огромного мира, простирающегося перед ним, к городу тянулись светящиеся змейки. Это шли люди, откликнувшиеся на призыв царя, шли люди спасти свою столицу, спасти Ерушалаим.

Он потерял за этот год друга, воспитанника, любимую. Его душа выгорела дотла. Как человек он исчез, просто исчез. У него не осталось ни честолюбивых стремлений, ни ярости, ни страсти. Его, раздавленного смертью любимой, убило в землетрясение. Человек умер. Но царь

остался. Не потому, что это имя, непонятное и чуждое, было ему нужно, не потому, что он слишком долго шел к этому. Просто он нужен людям и стране, нужен его Иудее. Ему вдруг представилась его Иудея. Не поля, горы и холмы, не города и крепости, и даже не люди, живущие здесь, зовущие его царем, но женщина, чем-то похожая на Марьямну, в старом и ветхом платье, с босыми ногами, усталым взглядом. В ее волосах заметна проседь, а возле глаз, еще ярких и полных жизни, пробивается сетка морщинок.

Она смотрит на него — ее защитника, ее супруга. Она ждет его, она устала от бесконечных бед, обрушивающихся на нее, устала от нищеты. Она хочет не битв и славы, но любви и нежности, красивых платьев и теплой постели. Она хочет иметь дом, ее дом, где уютно и светло, где живут родные и любимые, где долгими вечерами ярко горят светильники, а за столом, уставленным блюдами с самой лучшей едой, собирается семья, ведутся неторопливые беседы, слышен смех. Он даст ей все это. Он — ее супруг, ее любимый, ее господин и ее слуга. Ведь она так похожа на Марьямну, потерянную, любимую, единственную...

С первыми лучами солнца к его палатке начали стягиваться люди его дома. Маленькая палатка едва вместила всех, кто был нужен Героду.

— Кто сможет описать положение? Кто будет говорить? — спросил Герод после приветствия.

— Я скажу, царь. — начал Барух. — Если я чего-то упущу, то меня дополнят другие. Дела наши не самые радостные. Нижний город почти разрушен. Уцелели несколько

сотен домов, часть стен и башен. Про число погибших точно сказать я не возьмусь, но их многие тысячи. В верхнем городе большая часть домов уцелела, но все нуждаются в ремонте. Треснула восточная стена Храма. Во дворце повреждены башни, разрушено крыльцо. Очень много раненых. Говорят, что едва не половина всех жителей города пострадала. Среди погибших три члена Высокого Синедриона и... твоя теща, Александра. Завалено четыре колодца из восьми.

— Что в других городах страны? — спросил Герод. Известие о смерти Александры почти не тронуло его. Он не любил Александру, перенес на нее часть своей неприязни к ее подруге Клеопатре.

— Там разрушений меньше. Стихия ударила в Святой город и его окрестности. Смертей почти нет.

— Это хорошо. Что уже сделано и что собираетесь сделать в первую очередь?

И вновь говорил Барух.

— Люди почти закончили разбор завалов в верхнем городе, похоронили погибших, оказали помощь раненым. Сейчас готовится еда. После еды начнем приводить в жилой вид дворец. В нижнем городе хуже. Он впятеро больше, там сильнее разрушения. Пока там еще ищут погребенных под завалами людей. Удалось только организовать питание и подвоз воды. В купеческом доме возле рынка помогают раненым людям. За стенами воины разбили лагерь. После совета начнем выводить туда людей из города.

— Что с Храмом?

— В основном, он цел. Во дворе Израиля уже наводят порядок. Священники убирают внутренние помещения, не нарушая их чистоты.

— И самое главное: чем мы располагаем на сегодня? Что еще можем привлечь?

На этот раз говорил Симон:

— Царь, из Самарии пришли семь тысяч воинов. Две тысячи пришли из Иудеи и Галилеи. Остальных мы побоялись снимать. Но пришло великое множество простых людей. Все они откликнулись на твой призыв о помощи. Еще пригнали десять тысяч рабов, которые прокладывали дороги. Мы решили, что город сейчас важнее.

— Вы сделали правильный выбор. Даниил, сколько воинов у нас на границах?

— В восточных крепостях до трех тысяч. Еще две тысячи воинов осталось в Самарии, две тысячи на юге и две тысячи охраняют караванные пути.

— Хорошо. Еще две тысячи можно отправить отсюда, но не сразу. Пусть сначала закончат с постройкой лагеря. А что с деньгами?

— Государь, мы перенесли из подвала твоего дворца царскую казну, хранящуюся в Ерушалаиме, — опять заговорил Симон. — За мирные годы там скопилось десять тысяч талантов серебра. Она в палатке рядом. Охрану мы приставили.

— Это хорошо. Но нужно будет намного больше. Пока будем расходовать это, вы все подумаете, где и сколько мы можем брать еще.

— Зачем, господин? — возразил Симон — Этого хватит, чтобы восстановить город.

Герод замолчал, словно обдумывая, как сказать словами то, что он чувствовал так четко и ясно. Наконец, он произнес:

— Мы будем не восстанавливать его, а строить. Это будет новый и прекрасный Ерушалаим. Пусть жители города, которые будут его расчищать, получают жалование. А потом, после того, как эту работу они закончат, каждый из них получит деньги и все необходимое для того, чтобы построить новый дом. Из Антиохии и Александрии мы выпишем лучших архитекторов, чтобы они

построили нам портики и галереи, площади и стены. Я хочу, чтобы жители гордились своим городом, а иноземцы восхищались им. Пока же нужно наладить подвоз продуктов, приготовление пищи. Рабы пусть тоже работают. Если они будут работать хорошо, то пообещайте им свободу. Даниил — на тебе лагерь, где будут жить ерушалаимцы. Симон — ты обеспечишь еду и строительные материалы. Барух будет распоряжаться деньгами и искать архитекторов, каменотесов, строителей. Давайте попробуем воплотить не город, а сказку, о которой будут рассказывать в самых далеких землях.

Все было сказано. Соратники отправились по делам, а Герод погрузился в свое видение. Огромный город из золотого камня, высокие стены и мощные башни. Широко распахнутые ворота, украшенные резьбой, барельефами, диковинными животными. Прямые и широкие улицы, вымощенные камнем, входят на обширную площадь. По ее краям выстроена галерея, где учителя и знатоки Книги делятся своей мудростью. В центре — колонна. Не в честь воинских побед (устала уже страна от бесконечных войн), а в честь нее, Иудеи. А рядом бьет фонтан чистой воды, высоко вздымаясь вверх и с шумом опадая в большой бассейн с украшенными узорами бортами.

Рядом — огромный рынок, где торгуют товарами со всех концов света. С юга идут хлеб и хлопок, с востока — овцы и буйволы. С севера — дерево для строительства, металлы, рыба и мед, оружие и инструменты, с запада — вино и золото, тонкие шерстяные ткани и стеклянная посуда. Много местных товаров: финики и оливы, виноград и бобы, изделия гончаров и ювелиров. Люди мирно торгуют, разговаривают. Пусть даже и не совсем мирно — торго без того не бывает. Но порядок соблюдают. Вон показалась стража в сверкающих доспехах. Их не боятся. Они не грабители, а защитники.

А там, в верхнем городе, высится его дворец из белого камня — огромный, как завещал великий царь Шломо, Храм со сверкающим куполом. А над всем этим высится башня. Ее башня. Башня Марьямны. И несется над чудесным городом дивная песня — не песня героя, но ее песня, Песнь Иудеи. Да. Это будет не завтра. Но обязательно будет.

Герод вышел из палатки. Еще вчера между грудями камней шли растерянные, испуганные люди, пытающиеся в царю — таком же растерянном и испуганном, покрытом пылью и кровью — обрести опору в качающемся мире. Сегодня все изменилось. Те же люди — да и многие другие — двигались осознанно, понимая, что и зачем они делают. Вот эти продолжают искать в завалах, надеясь найти еще живых людей. Но их немного; надежды уже почти нет. А эти разбирают завалы, вывозят мусор, оставляют то, что потом можно будет использовать в строительстве. На городской площади люди готовят еду для работников, водоносы подносят огромные кувшины с чистой водой. Все заняты делом. А скоро из каменоломен начнут поступать камни для огромной стройки, подойдут тысячи строителей и... город оживет. Для этого царь должен жить.

Минуло полтора года. На холме, возвышающемся над Ерушалаимом, по обе стороны от мужчины в алом плаще с золотым венцом на голове стояла группа всадников. Стройка еще продолжалась, но город уже жил. Вдоль улиц теснились дома. Лачуг почти не было. Царь выдавал всем жителям достаточно средств, чтобы дома были достойны столицы. Уже видна была окаймленная колоннадой глав-

ная улица, выходящая на широкую, мощеную камнем площадь. По ее краям строители доделывали портик, придающий центру торжественности, да и просто укрывающий в жару. Двойная стена вновь окружила Святой город, а через распахнутые ворота лился людской поток.

— Царь, — сказал один из ближних людей, обращаясь к венценосцу. — Город спасен. Не просто спасен. Город расцветает. Хвала Всевышнему, мы смогли сделать это.

— Мы только начали наше дело, Барух. Иудея — это не только Ерушалаим. Это юг и север. Это прибрежная полоса, которая, наконец, стала нашей. Мы сделали много, но нужно сделать намного, намного больше. Наша работа только начинается.

— Только денег для этого в казне почти нет, — печально произнес другой всадник, помоложе, в скромном сером одеянии.

— Ты прав, Симон, нужно делать передышку. Но каждый из нас пусть помнит, что, сколько бы он не сделал, он сделал мало. И надо сделать больше.

Глава вторая. Агриппа

Симон разбирал письма. Сколько их приходит со всех концов страны? А сколько из представительств, находящихся за недели и месяцы пути до Иудеи? И каждое нужно прочесть, понять, что в нем — прибыль или убыток, внести в соответствующую книгу. Дел много. А царь только и знает, что требует денег. Перестроил весь Ерушалаим. Красиво, конечно. Колоннады, фонтаны. Только после всех этих дел в казне вместо денег только мыши водились. И начнешь ему говорить, что, мол, нет денег, поменьше бы тратить. А он только одно твердит: вкладывать нужно в свою страну. Оно, дескать, всегда сторицей окупится. Что-то и правда окупалось. Вот поддержал Герод купцов, которые решили из местных фиников вино делать. И хорошо вышло. Вино это продают и в Антиохии, и в Афинах, и даже в Риме. Купцы богатеют, пошлины растут. А деньги, что купцам некогда дали, давно уже в казне лежат. Или с оливковым маслом тоже хорошая идея вышла. Помог царь тем, кто оливковые рощи по Иудее стал высаживать да масло жать. Так теперь иудейское масло ценится не меньше, чем греческое. Опять же казне доход. Это правильно. Тут он царя понимает. Но часто Герод выделяет вещи, совсем ему не понятные.

Мало того, что весь год кормил и поил жителей Ерушалаима бесплатно, так еще и деньги им дал, чтоб дома строили, от налогов освободил. Это же какие убытки? Конечно, люди славили царя. Радовались новым домам. Но казна почти год пуста была. Из доходов дома, из купеческих отчислений за пряности и ткани из далеких стран приходилось оплачивать и воинов, и чиновников, да и все другое. Теперь новое дело царь затеял. Решил по странам

проехать, где живут иудеи. Александрия, Антиохия, Эфес, Византий, Рим. Зачем? Симон любил, когда в конце месяца или года поступления и затраты явно показывали прибыль. При этом, лучше, чтобы затрат было поменьше, а доходов побольше. Только никак это не выходит с беспокойным царем. Пытался Симон говорить об этом и с самим царем. Только тот, как безумный: у нас одна мать — Иудея. Для нее нельзя жалеть.

Говорил он и со старым Барухом бен Моше, который в делах дома значил не меньше, а может и больше, чем сам господин. Старый Барух долго жевал бороду, а потом сказал: поверь мне, то, что делает господин — это правильно. Просто хорошо служи ему.

Симон не может служить, если не понимает, зачем он делает так, а не иначе. Почему нужно так делать. Он выбрал момент, когда царь после вечерней трапезы пребывал в благодушном настроении и спросил:

— Господин, а в чем смысл поездки к нашим единоверцам? Какую выгоду она несет? Ответь мне, глупому. Не могу понять.

— Тут все просто, дорогой Симон, — весело ответил царь. — Нам нужно починить Храм. Правильно?

— Так, господин.

— А денег у нас на это нет. Так?

— Так, господин.

— Наши единоверцы в разных городах державы молятся Всевышнему, а главный Храм Его стоит в нашем городе, и восстанавливать его мы собираемся сами. Разве это справедливо?

— Несправедливо, господин, но что сделаешь?

— А сделаю я так, чтобы деньги на восстановление Храма дали наши соплеменники из разных стран и городов.

— Как же такого можно добиться? — недоумевал Симон.

— Можно. По крайней мере, мы попробуем.

Все правильно сказал царь, но понятнее не стало. Хотя, говорят, что царя Герода любит Всевышний. Из всех бед он выходит в новой силе и славе. Может и сейчас у него все получится. Симон сокрушенно покачал головой и опять углубился в свои бумаги.

— Так, из Тира поступило пять тысяч денариев...

Иудея постепенно приходила в себя после страшных потрясений, голода и засухи, землетрясения и мора на овец. Постепенно жизнь входила в привычную колею. Опять пастухи пасли свои стада, землепашцы возделывали свои поля и сады. Караваны шли из бесконечной дали в столь же далекое «куда-то». Успокаивался и верхний город в Ерушалаиме. Советы царя и Синедрион заседали, решая что-то вполне важное и не очень понятное для жизни простых людей. Простые же люди просто радовались миру и синему небу, доброму урожаю и отсутствию бед. По крайней мере, больших бед. А небольшие? Что ж, небо везде с тучками.

Приходили в порядок и дела Герода. По крайней мере, дела его казны. Несмотря на все затраты, серебро и золото вновь стали оседать в подвалах дворца Ерушалаима. Их еще было мало для тех гигантских замыслов, которые теснились в голове монарха; их еще было мало для его Иудеи. Но Герод знал: средства найдутся, если есть мечта и цель, если есть рядом люди, которые верят в эту мечту.

Тишину и покой, наконец, опустившиеся на многострадальную Иудею и окрестные земли, всколыхнуло известие: наместником в Сирию назначен не кто-нибудь, а разящий меч императора Октавиана, которого теперь

называли Августом — Марк Випсаний Агриппа. Именно Агриппе Август обязан своими главными победами.

Услышав новость, Герод задумался о том, что это значит для его царства, и что это назначение значит для Агриппы. Волею судьбы Герод вынужден был не просто «прислушиваться» к вестям из Рима, но часто и бывать в Вечном городе, и принимать гостей из него.

Ему было известно, что дружба Октавиана, Агриппы и Мецената началась задолго до восхождения Августа к власти. Начиная борьбу, Гай Юлий Цезарь отправил своего болезненного наследника с друзьями в Македонию. Именно Агриппа, а отнюдь не Октавиан, был в этой троице лидером. Он был любимцем македонских легионов. Будучи с детства связанным с морем и флотом, Агриппа очень рано заявил о себе как о талантливом флотоводце. После создания триумvirата именно он встал рядом с Октавианом, более чем скромно наделенным воинскими талантами. Его усилиями был повержен флот Секста Помпея с его пиратским государством в Сицилии. Он разбил флот Антония при Акциуме. Казалось, ближе, чем он, у Августа нет и не может быть друга и соратника. Но логика и разум отступают, когда на арену истории выходит женщина.

Герод знал, что Октавиан Август безумно и совершенно безрассудно влюблен в бывшую жену своего врага и сторонника Антония, молодую Ливию. Даже то, что она уже родила от первого мужа двух детей, не охлаждало страсти Владыки Рима. Стремясь обезопасить себя, Тиберий Клавдий Нерон, прежний муж Ливии, не только дал ей развод, но и присутствовал на свадьбе с Октавианом. Но Ливия, несмотря на юный возраст, была женщиной опытной и не менее целеустремленной, чем Клеопатра.

Однако, если Клеопатра хотела власти для себя, то амбиции Ливии были связаны с ее детьми — Тиберием и Друзом, которых Октавиан официально усыновил.

Пробивая для своих детей дорогу к вершинам власти, Ливия постепенно отстраняла друзей своего мужа, ссорила их. Такая ссора, переросшая в охлаждение, случилась и с Агриппой, и тот — трижды консул, триумфатор, человек, дважды пользующийся всей полнотой власти (на время болезни Августа) — был отправлен в почетную ссылку. Наместником Сирии. Для кого угодно это назначение было желанным и почетным, но не для Агриппы.

Август, понимая, насколько он обязан полководцу, оставил ему высший империй во всех провинциях. Тем не менее, это была опала. Это понимал не только Агриппа, но все ближайшее окружение Августа. Понимал это и Герод. Что может дать союз с опальным полководцем? В принципе, многое. Герод не слеп. Насколько бы не был ослеплен любовью Август, он рано или поздно поймет, что место Агриппы — в Риме. И в этом случае, когда звезда Агриппы воссияет с новой силой, дружба с ним может стать надежной опорой.

Наряду с практическими соображениями в дружбе с Агриппой был и иной момент: полководец просто нравился Героду. Он более, чем кто-то иной, воплощал то, что было для Герода «римским духом». Он решил, что свою поездку по Серединному морю он начнет с острова Лесбос, где жил опальный наместник. Вновь он собирался в путь. Но впервые никто не оставался у него за спиной; никто не будет его ждать и сжимать руки: скорее бы, скорее бы!.. Что ж, в этом тоже есть благо. Ничто земное не отвлекает от цели, от его служения ей, его Иудее.

Герод с сотней охраны вновь направлялся к гавани, где его уже ждала снаряженная триера. Впереди — Митилена, главный город острова, издавна славящийся своей изысканной поэзией, своей красотой. Героду невольно вспомнились уроки в ранней юности: «Город на Лесбосе есть — Митилена, большой и красивый. Прорезан кана-

лами он, — в них тихо вливается море, — и мостами украшен из белого гладкого камня. Можно подумать, что видишь не город, а остров». Сегодня Митилена приняла опального друга великого Августа. В Антиохии, столице провинции, сидел лишь легат Агриппы.

Плавание было не вполне удачным. Противный встречный ветер не позволял двигаться под парусами. Гребцы выбивались из сил, стараясь продвинуть деревянное тело корабля в направлении севера. У острова Хиос застряли окончательно. Пришлось пристать к берегу. Некогда Хиос был одним из богатейших островов Эгейского моря. Вино, изюм и мастика уходили от его причалов в самые отдаленные уголки мира. Но, в течение почти столетия разграбляемый всеми проходящими через это море завоевателями, остров впал в нищету.

Уезжали в иные земли жители, засыхали виноградники, беднел остров. Вот и сегодня подати, наложенные на него Октавианом в наказание за подати, уплаченные Антонию, висели тяжким бременем на жителях Хиоса. Некогда, в лучшие годы, в центре города Хиоса, расположенного в удобной бухте, заложили величественную колоннаду. Теперь она представляла собой лишь череду уродливых зубцов, останков недостроенных колонн. Жила на острове и небольшая иудейская община, торгующая с Киликией.

Сойдя на берег, Герод вошел в город так, как положено входить царю и другу Августа — в сверкающей диадеме, в блеске дорогого наряда и панцирей окружающих его воинов. Его встречали глава местной общины и несколько благообразных стариков. После приветствия и традиционных жалоб на жизнь местные иудеи стали просить помощи и поддержки царя, рассказывали о хиреющей торговле, о притеснениях богатых горожан. Герод обещал помощь. Пока же просил разместить на постой его свиту. После разговора с соплеменниками он направился

в центр, где некогда находился самый большой в греческом мире рынок рабов, а ныне тянулись длинные и разваливающиеся деревянные помосты, на которых торговали всем, что попадалось под руку. Здесь, в базилике со следами бывшего величия, заседал городской совет Хиоса. К ним и обратился Герод.

Алкиной, бульвот Хиоса, с грустью и надеждой смотрел на корабль, входящий в гавань. Триеры были редкими гостями острова. Чаше порт заполняли утлые лодки карийцев, живущих на побережье в двенадцати стадиях от острова. Алкиной еще помнил богатую и славную жизнь в родном полисе — в своем детстве. Помнил он гавань, забитую кораблями, вывозившими с острова мрамор и вино, рабов и мастику, оставлявшими на острове серебро и золото... Но боги переменчивы. Остров несколько раз подряд разоряли Помпей и Кассий, младший Помпей и Антоний. Вот и теперь остров с тревогой ждет посланника от грозного Августа с требованием очередной дани. А городская казна пуста, жители бедны. За все придется отдуваться членам городского совета, бульвтам. И кто это прибыл на триере? Как бы не сборщик податей от Августа, который еще недавно был только Октавианом.

Из гавани прибежал гонец. Алкиной перевел дух. Не сборщик. Прибыл царь Иудеи, страны между Сирией и Египтом. Не иначе, бурное море и привело его к нашим берегам. Это неплохо. Встретится со своими единоверцами, живущими здесь, даст им какие-то деньги. Это все на пользу, хотя главной головной боли не снимает.

В зал, где сидели Алкиной и еще несколько членов

совета, вбежал немолодой эллин, вестник совета:

— Господин! Сюда направляется царь Иудеи, Герод сын Антипатра!

Почти сразу за ним в зал вошел воин в алом хитоне и идеально начищенном панцире. На балетусе висел гладкий в богатых ножнах.

— Владыка Иудеи, Галилеи, Самарии, Перы и других земель, могучий царь Герод!

Булевты поднялись с кресел, удивленно глядя на воина и вход в зал. А через него уже проходил высокий и крепкий воин лет сорока с начавшими сесть волосами и шрамом на правой щеке. От воина-глашатая его одежда отличалась лишь алым плащом, затканым золотыми узорами и заколотым булавкой с большим изумрудом. Волосы на голове скрепляла золотая диадема.

Об этом царе слышали и на Хиосе. Он был необычайно удачлив, богат. Некогда сам Гай Юлий Цезарь предоставил ему и его потомкам права римских граждан. Его знакомствам в столице мог бы позавидовать иной патриций. Сам Август назвал его своим другом. Дети Герода сегодня жили в Риме в собственном доме и получали образование у лучших риторов и грамматиков Вечного города. Важная штучка. С таким стоит быть внимательным.

— Приветствую вас, булевты славного города Хиоса! — дружелюбно проговорил он. — Рад случаю, который позволил мне посетить ваш чудесный остров.

— Рады и мы, царь иудейский! — за всех ответил Алкиной. — Прошу расположиться в кресле и доставить нам наслаждение беседой. Слуги сейчас принесут вино и смоквы.

Булевты вновь уселись в свои кресла, а царь Иудеи, недолго думая, занял место председателя.

— Плох гость, что приходит в дом без подарков, — неожиданно провозгласил он, громко хлопнув в ладоши.

В зал вереницей вошли слуги с корзинами, прикрытыми сверху тканью.

— Здесь, в корзинах, — продолжал царь, — тридцать талантов серебра. Этого хватит, чтобы заплатить подать Риму и (он вздохнул) закончить, наконец, строительство колоннады.

Булевты вздрогнули. Дар был, действительно, царским. Груз, висевший на душах, да и над головами членов совета, был одним хлопком ладоней снят этим странным царем далеких и малоизвестных земель. Но Алкиной прожил уже долгую жизнь. В чудо он верил слабо. Как и в изначальную доброту человека. Его опыт подсказывал скорее обратное.

— Что же хочет взамен за свой дар царь иудейский? — осторожно спросил он.

— Разве дар требует чего-то взамен? — проговорил царь, больше похожий на пирата или воина, чем на царя, как его представляли греки.

— Впрочем, если в ответном даре вы, почтенные члены совета, сможете гарантировать мне, что соплеменники мои, проживающие здесь будут пользоваться теми же правами и свободами, что и граждане полиса, я буду несказанно рад. Более того, в этом случае, я буду закупать мрамор в ваших каменоломнях. Очень много мрамора.

— Мы должны посоветаться, царь Герод! — еще осторожнее и тише промолвил Алкиной.

Впрочем, о чем тут совещаться. Предложение здоровое и наверняка хорошо продуманное. Этот царь — лучший купец, чем купцы, с рождения занимающиеся торговлей. Выгодно его предложение Хиосу. А граждане... Что граждане? Их и так становится все меньше. Пусть иудеи острова тоже станут гражданами. Булевты легко проведут это решение. Тем более, что плата за него не только корзины с серебром, но и возобновление работы в каменоломнях, новые доходы города. Булевты согласились со всеми

предложениями щедрого царя.

Горожане же, услышав, что им больше не грозит разорение со стороны Августа, славили на улицах и площадях имя иудейского царя, когда тот проезжал со своей охраной в дом, где единоверцы предложили ему свое гостеприимство. Тем же вечером состоялся разговор с главами иудейской общины. Герод объявил, что иудеи Хиоса будут пользоваться всеми правами граждан полиса, а он, Герод, выступит гарантом соблюдения этих прав. Иудеи Хиоса же смогут заработать, продавая ему, Героду, самый лучший мрамор, подыскивая специалистов-каменотесов, строителей. Все это нужно для того, чтобы выполнить зарок, некогда данный Иудой Маккавеем, возродить великолепие древнего Храма. Но справедливо ли то, чтобы только он, Герод, нес все затраты по строительству Храма? Нет. Потому он просит от будущих доходов отчислять на строительство Храма десятину. Согласны ли на это благое дело жители Хиоса, возносящие молитвы Всевышнему? Вот и отлично.

Нет. Это ни в коем случае не дань. Это порыв души. Но для того, чтобы душе было легче воспарить над бранными заботами, он, Герод, готов предоставлять из средств, собранных в Храме, кредиты единоверцам. Какая у нас ставка в морской торговле? Пятьдесят процентов. Значит, те, кто вносят свою лепту в возрождение Храма, будут получать кредиты по тридцать пять процентов. Более низким будет процент и по всем другим кредитам. Он, царь Герод, договорился с Первосвященником народа и Храма, что Храм будет принимать на хранение средства, которые можно и потерять по причине разгула стихии или жадности мытаря. Безопасность этих вкладов гарантирует лично он, друг Великого Августа, царь Иудеи, глава дома Герода и наследник Антипатра.

Споры были долгими. Иудеи и понимали выгоду этого предложения, и боялись каких-то пока не видимых ими

подвохов. Однако, в конце концов, согласие было получено. Десятина от доходов общины отчисляется на строительство Храма.

Еще удачнее сложился визит на Родос. Здесь знали и любили Герода, доверяли ему. Потому не просто приняли его предложение о помощи в строительстве Храма, но и сразу передали некоторые суммы для хранения. Наконец, после долгих скитаний, уже начинавших напоминать Героду «Одиссею», которой терзали его в детстве учителя-эллины, ветер стал попутным. Подняли парус, и корабль быстро заскользил к Митилене, цели путешествия.

Марк Вапсаний Агриппа, еще недавно — второй человек в гигантской державе, а сегодня — посол Августа на востоке державы и наместник Сирии, возлежал на ложе в зале, выходящем на широкую террасу с видом на море и порт. Ему было тоскливо и тошно. Ливия, жена Октавиана, Марцелла, его сестра — как же они надоели Агриппе! Постоянные нашептывания, склоки, интриги, как при дворе какого-нибудь восточного царька.

Еще пять лет назад, когда сенат то ли из благодарности, то ли из страха предложил Октавиану титул «первого гражданина» и «величайшего» (Августа), то есть, по сути, монаршее титулование, Агриппа был против этого. Равноправие хорошо звучит на словах и является в высшей степени справедливым на деле, говорил он своему другу детских лет. Власть и без того полностью в руках Октавиана и его партии. Зачем еще лишние слова? Но Октавиан решил иначе и стал Августом, монархом, хотя и сохранил в неприкосновенности все атрибуты старой республики.

Консулы избирались, но только из тех, кого предлагал Август. Провинции находились под его неусыпным контролем, а Египет был объявлен личным владением Августа. Сенат внешне стал даже могущественнее, чем был в недавнем прошлом. Но созывать заседание отцов отечества мог только «первый гражданин». Да и состав сената теперь пополнялся исключительно друзьями и сторонниками Октавиана.

А там, где есть самовластие, не избежать интриг, болота, которое затягивает в себя всех, кто находится рядом с повелителем. От всего этого болота, от женщин Августа и их детей, рвущихся к власти, и сбежал Агриппа. Он привык к разговору с воинами, к качающимся доскам палубы под ногами, к палатке в воинском лагере. Во дворцах на Палатинате ему было тоскливо и неудобно. Но еще хуже оказалось в этом забытом богом городке, Митилене. Врали древние. Нет здесь ни поэзии, ни жизни. Две гавани, склады вдоль них, казармы, да россыпь улиц, спускающихся с гор к морю. Вот и вся Митилена. Худые и загорелые, жадные и шумные греки осаждали его своими бесконечными тяжбами, спорами. Они ничем не лучше, чем то, что было в Риме, только мельче, а от того еще противнее.

Кончилось тем, что Агриппа просто разогнал всех жалобщиков, заперся в этом дворце и предался самой черной меланхолии. Он не злился на Октавиана, которого помнил еще сыном наместника Македонии Гаем Октавианом Фурином, малозначительным и болезненным подростком, которого он, более сильный, брал под свою опеку. Ему было жаль Октавиана. Но себя было жаль сильнее. Они — друзья, поклявшиеся в преданности друг другу — не просто смогли подняться ввысь. Они победили всех. Они стали первыми. И что? Октавиан не может разобраться со своими уже многочисленными родственниками, превратившимися — неожиданно для них

самих — в «царскую семью». Гай Цильний Меценат, принципиально чужающийся всех республиканских должностей, выслушивает стишки молодых хлыщей, губит жизнь в пирах и возне с блудницами, которых он называет нимфами и дриадами. А он, Агриппа, пьет уже которую амфору крепкого критского вина, сдыхая от тоски на островке Лесбос. Стоило ли ради этого ставить на дыбы весь мир?

Агриппа вышел на террасу. Перед ним простирался старинный греческий город, родина великих поэтов. С высоты он был даже не таким мерзким. Эх, хорошо смотреть на мир с высоты. В порт заходила чья-то триера. Не иначе, как доклад из Антиохии. Сколько собрано податей, сколько казнено воришек и разбойников на дорогах? Ладно, хоть какое-то развлечение. Вон и на берег сходят, судя по одежде, римские легионеры. А это кто у нас? Что-то не узнаю издали.

— Эй, — крикнул он. — Узнайте-ка, кто пожаловал на триере, только что вошедшей в порт.

Через четверть часа занавес заколыхался и в зал вошел слуга, с рождения живший в его доме, прислуживающий еще юному Марку Агриппе.

— Господин! — несмело сказал он. — Прибыл царь Иудеи — Герод Антипатрид. Просит принять его.

Агриппа вспомнил этого человека. Ничего плохого. Был другом Антония. Рассорился с ним по причине интриг этой египетской блудницы. Все зло от них. До того, кажется, был представлен самому Цезарю. Во время встречи на Родосе вел себя достойно. Не молил и не лебезил, как все остальные подвластные Риму царьки. Говорят, у него дар к сбору податей, да и воин он неплохой. Помог Антонию в Самосате, разбил арабов, помог Сосию с парфянами. Можно принять. Все лучше, чем доклад от легата.

— Приглашай, — разрешил Агриппа.

В зал вошел высокий и крепкий мужчина в традиционной римской одежде (а, да, он же у нас римский гражданин), но с царской диадемой на голове. Впрочем, диадема мало напоминала венцы парфянских или мидийских властителей. Узкий золотой ободок с большим рубином посередине.

— Приветствую тебя, Марк Валпаний Агриппа! Долгих лет тебе и благоденствия!

— И тебе, царь Герод, здоровья! — не слишком радостно откликнулся Агриппа.

— Прослышав о твоём прибытии на восток, счел своим долгом засвидетельствовать почтение к твоим заслугам. Ну, и развлечь беседой, если ты того пожелаешь.

— Проходи, Герод! — уже любезнее произнес Агриппа, понимая, что приехавший царь не собирается вывалить на его голову очередную тяжбу. — Я велю подать вина.

— Не стоит, славный Агриппа, — с лукавой усмешкой ответил Герод. — Я привез вина из Иудеи. Оно слаще, чем мед, но крепче, чем вино из Галлии.

— Что ж, — не возражал Агриппа, — давай попробуем иудейского вина.

Герод обернулся к слуге и подал знак. В зал внесли амфору, расписанную причудливым узором. Он бережно взял ее и передал Агриппе. Что-то знакомое показалось трижды консулу в росписи амфоры. Он пригляделся. Надо же? Некогда, пока Октавиан плавал в Египет, завершая эпопею с Антонием, а в Риме правил он, Агриппа, по его приказу были изучены все существующие карты обитаемого мира и составлена первая общая карта Ойкумены. Ее очертания и были нанесены на стенки амфоры. Названия стран и городов были написаны умелой рукой каллиграфа. Крупнейшие города, кроме того, обозначались отдельными картинками, соответствующими главным зданиям или храмам, по которым об этих городах

знали в мире. На месте Рима же красовался могучий орел, простирающий крылья.

Агриппа, в отличие от Мецената, покровительствующего искусствам, был равнодушен к точным знаниям и философии. Карта, которой он гордился, но считал, что о ней мало кто слышал за пределами их круга, стала для него приятным сюрпризом.

— Это моя карта? Вот это здорово! Спасибо, друг! Это и вправду приятный подарок. Что ж, попробуем содержимое этого замечательного сосуда.

Агриппа вскрыл печать на горлышке амфоры и разлил вино по чашам, стоящим на столе рядом с ложем и плетеными креслами.

— Что ж, совсем не плохо. Впрочем, стой! Разве это виноград?

— Нет, Агриппа, это не виноград. — улыбнулся Герод. — Я рад, что у тебя тонкий вкус гурмана.

— Что же это?

— Недалеко от моей столицы, города Ерушалаима, разводят финики, которые люди называют пьяными. Из них и делается этот напиток. Скоро мы сможем наладить торговлю этим вином, но пока его немного, оно доставляется к столу лишь избранным.

— Ну, что ж, выпьем за избранных, Герод! За нас, кому судьба повелела править миром!

Они выпили. Чаши были наполнены вновь. Слуги подали тонко нарезанный сыр и фрукты. С каждой чашей, с каждой минутой беседы они проникались все большей симпатией друг к другу. Этот Герод — отличный малый. По духу — настоящий римлянин. Только вот немного идеализирует правителей мира. Эх, если бы римляне были такими, какими они видятся из далекого царства...

— Увы, друг Герод, в Риме римского духа осталось немного. Зря ты отправил детей учиться туда. Их там

научат красить волосы и подводить глаза, нежиться в термах и интриговать, интриговать... Весь Рим погряз в интригах, в похоти и чревоугодии. Настоящих римлян ты скорее найдешь в Галлии или в Иллирии, среди грубых легионеров, а не нобилей.

— Ты прав, друг Марк, — соглашался с Агриппой Герод. — Во дворцах умирают и разум, и добродетель. Скажу по секрету, я ненавижу дворцы. Я больше всего люблю даже не воинов, а строителей. Люблю Антиохию потому, что она красива и гармонична. Если у меня хватит сил, то я создам такой же город. Нет, лучше. Я вложу в мою землю все силы и золото, до какого смогу дотянуться. Иудея будет самой процветающей землей римского мира. И там будет жить римская доблесть. Будет!

Герод стукнул кулаком по столу. Чаши подскочили. Одна из них жалобно звякнув, соскользнула со стола и разбилась. Вино разлилось по мраморному полу. Агриппе это показалось очень забавным. Она разбилась, как разобьются все его враги. Эти выскочки Марцелл и Друз, прячущиеся под юбками своих мамаш, единственным достоинством которых является их близость к Октавиану. Он засмеялся, опрокинулся на ложе и тут же захрапел.

Герод прикрыл полководца своим плащом и вышел на террасу. Огромная морская гладь раскинулась перед ним. По этой глади во все стороны шли корабли. После того, как Агриппа полностью уничтожил пиратство в море, создал несколько баз для боевых кораблей, способных покарать любого морского грабителя, море стало безопасным. Нет, волны, штормы и подводные скалы продолжали собирать свою кровавую жертву, но самый страшный хищник — человек — успокоился. Из Иберии и Нумидии, Галлии и Африки шли и шли торговые корабли, перевоза горы товаров. И только у далекой Иудеи были лишь маленькие гавани. Большие корабли предпо-

читали проходить подальше от коварных скал прибрежной — «филистимлянской» — полосы Иудеи. Порт нужен. Храм — это нужно и правильно. Но нужен порт. Вот такой же. С большой и безопасной гаванью, с собственным флотом. Не караваны по пустыне, а стройные корабли повезут товары из Иудеи, из других стран к самым дальним берегам огромного мира. Глаза слипались. Герод вошел в комнату. Лег на ложе рядом с столом и заснул. И снилась ему она, его Иудея.

Через два дня корабль уже нес Герода дальше, в Эфес, в Афины. С Агриппой договорились очень быстро. Тот гарантировал помощь в защите единоверцев, а Герод — систематичность поступления податей с них. Перед расставанием он передал подать с Иудеи и кинжал, украшенный изображением морского сражения. Расстались друзьями. А впереди была огромная работа. Иудея получит теплый дом и обильный стол, тенистый сад, где будет звучать детский смех. Его возлюбленная, его Иудея.

Глава третья. Строитель народа

Иосиф Флавий думал о Храме. О прекрасном и величественном Храме, построенном проклинаемым его друзьями и учителями царем Геродом. Он еще помнил его — с галереей, с высоким куполом из золота и стенами из белого мрамора, привезенного по морю. При этом за время строительства ни на день не останавливались богослужения. Это было совсем не простой задачей, ведь нахождение в Храме человека, не входящего в число священников и, уж тем более, не являющегося иудеем, уничтожает его чистоту. А строители, каменотесы, ювелиры и плотники были, как на зло, не священниками, а многие и не иудеями.

Герод стал учить священников и, главным образом, их учеников профессиям, нужным для строительства Храма. Было подготовлено восемнадцать тысяч строителей со священническим статусом. Обычные строители подвозили камни, обтесывали их, обеспечивали бесперебойный подвоз асфальта, добываемого в Мертвом море. Но строили Храм священники, и чистота его сохранялась. Это было воистину грандиозное действо. И не менее грандиозный результат. Флавий склонился над рукописью.

*На пятнадцатом году своего царствования
Ирод заново отстроил храм, расширил место
храма вдвое против прежнего и окружил его
стеной — все с неимоверными затратами,
с беспримерной роскошью и великолепием.
Об этой роскоши свидетельствовали в особенно-
сти большие галереи вокруг храма и цитадель,
возвышавшаяся на север от него. Первые он*

построил от самого основания, а цитадель он с огромными затратами перестроил наподобие дворца и назвал ее в честь Антония Антонией. Свой собственный дворец он построил в верхнем городе, и два громаднейших, красивейших здания, с которыми даже храм не выдерживал сравнения, он назвал по имени своих друзей: Цезарионом и Агриппином.

И город Ерушалаим воссиял. Он стал одним из красивейших городов мира, хотя и уступал им в размерах, но не в чистоте улиц, благоустройстве домов и управлении. Этого, Флавий помнил, не могли отрицать даже самые лютые враги Герода. Правда, приписывали они это исключительно его невероятному честолюбию, стремлению в мудрости превзойти Его Законы. Так ли это? Флавий привык считать, что так. С привычными истинами трудно расставаться. Но здесь явно было что-то другое. Даже простой перечень построенного царем потрясал. И это только одна жизнь.

Но не одними только единичными зданиями он запечатлевал их память и имена: он строил в их честь целые города. В стране самаритян он построил город, который обвел очень красивой стеной, имевшей до двадцати стадиев в окружности, поселил в нем 6000 жителей, наделил последних самой плодородной землей, выстроил в середине нового города большой храм в честь Цезаря, обсадил его рощей на протяжении трех с половиной стадиев и назвал город Себастой. Населению он дал образцовое общественное управление. Когда Август подарил ему новые области, Ирод и там выстроил ему храм из белого мрамора у истоков Иордана, в местности, называемой Панионом. Здесь находится гора с чрезвычайно высокой вершиной; под этой горой, в ложбине, открывается густо оттененная пещера, ниспадающая в глубокую пропасть

и наполненная стоячей водой неизмеримой глубины; на краю пещеры бьют ключи. Здесь, по мнению некоторых, начало Иордана. И в Иерихоне, между крепостью Кипрон и старым дворцом, царь приказал воздвигнуть новое, лучшее и более удобное здание, назвав его именем своего друга. Словом, не было во всем государстве ни одного подходящего места, которое бы он оставил без памятника в честь императора. Наполнив храмами свою собственную страну, он украсил зданиями также и вверенную ему провинцию и во многих городах воздвигал Кесарии.

Да, он славил своих друзей-римлян, упивался и гордился их дружбой, сам был римлянином среди иудеев... Но не только это. Флавий понял, что притягивало и тревожило его в Героде или Ироде, что мешало оставить в покое этого проклятого царя более не существующей страны. Они оба (и Флавий это очень остро чувствовал) имели одну подлинную страсть, ту, которая больше, чем жизнь. Имя этой страсти — Иудея. Сохранить и спасти, защитить любимую стало главной целью жизни Герода.

Да. Именно так. Но как же быть с его жестокостью, о которой все знают? Как быть с поправлением всех добродетелей? Были ли они? Наверное. Жестокое время рождает жестоких людей. Он отдал своих детей, обвиненных в заговоре, в руки римских властей. Именно тогда Август сказал, что лучше быть собакой Ирода, чем его сыном. Болело ли его сердце? Наверное, болело. Но что-то заставляло его действовать именно так. Ведь мог спасти их одним словом. Но слова не было. Что двигало им? Сейчас Флавию казалось, что имя этому — любовь, а имя возлюбленной — Иудея, его страсть и его бремя.

Флавий встал и потянулся, расправляя затекшие от долгого сидения мышцы. Жизнь заканчивается. Жизнь, главная часть которой осталась там, в стране под другим солнцем, где небо синее и выше, где звезды огром-

ные, как колеса, где некогда стоял Храм, построенный царем, исполненным великой любви к этой земле.

Герод любовался Храмом с затаенной гордостью. И храм, и город вышли такими, что его возлюбленной не будет за них стыдно. Строительство еще идет, но ощущение величия строения уже возникает у всякого, кто видит город и Храм. Но Храм стал не просто местом, где хранились сокровища царей и первосвященников, куда жертвовались средства состоятельных иудеев. Сегодня Храм впервые стал источником богатства страны. И каким! Он уже вполне сравнялся по доходности с торговлей с Дамаском. Не только взносы со всего мира от богатых иудеев шли в подвалы Храма. Гораздо больше приносили кредиты, выданные под гарантию царя, возвращаемые с тщательностью, поскольку за ними стояла армия Герода и его статус друга Августа и друга друзей Августа.

Его доверенные люди в Храме выдавали кредиты: жертвователям — очень выгодные, единоверцам — льготные. Иноземцам — чуть выгоднее, чем выдавались трапезитами и ростовщиками. Сегодня на востоке нет более надежного и признанного помещения денег, чем отдача их на хранение (под проценты) в Храм Ерушалаима. Но Герод еще более расширил сферу своей, точнее Его финансовой активности. Он стал страховать корабли, везущие товары в далекие страны. Конечно, какие-то корабли гибли, пропадал груз. Здесь владельцу возвращалась стоимость и корабля, и груза. Но на один погибший корабль приходилось двадцать кораблей, дошедших до цели. Начинание тоже оказалось выгодным. Не только

Храм, но и весь город Ерушалаим расцвел под светом золотых потоков, собирающихся здесь.

Одно было плохо: у страны не было порта. Маленькие и неудобные пристани в Газе и Акре не подходили для организации большой торговли; даже гавань Аскелона годилась лишь для небольших судов. Приходилось платить купцам в Тире и Сидоне, вести по пустынным пространствам дорогие караваны. Да, в Келесирии он тоже был лицом значимым, представителем наместника. Но купцам портовых городов приходилось продавать товары дешевле с учетом тех пошлин и податей, которые им придется заплатить. Дом Герода терял на этом десятки, если не сотни тысяч сестерциев. Герод уже не очень различал, где доходы от своей торговли, а где доходы казны царя. Все шло на одно дело — на Иудею. Настоящие дороги, не хуже италийских, связывали теперь главные города страны, да и подчиненной Героду римской провинции, порученной ему Августом и Агриппой. Вдоль дорог на равных промежутках стояли дома, где путники могли отдохнуть, поесть горячей пищи, омыть усталое тело. За дорогами следил специальный чиновник, держащий ответ перед царем. Новые города с новыми жителями возводились в областях, где населения не хватало. Герод привлекал в них умелых ремесленников (не только из Иудеи, но и из сопредельных земель), опытных и работающих крестьян. Расторопные торговцы и сами стремились туда, где будет сбыт их товаров, где можно заработать.

Герод так и не смог привыкнуть к Ерушалаиму. Слишком многое отдавалось в этом городе болью в сердце. Он гордился городом, но чувствовал в нем себя неуютно. В том месте, где некогда он смог разбить отряды преследователей из парфян и сторонников его врага Антигона, он повелел построить себе новую резиденцию — Геродион. Сооружение, перед которым должен был померкнуть

и царский дворец в Ерушалаиме.

Однако главной его заботой и головной болью оставался порт. Точнее, факт, что в стране не было своего порта, а нужда в нем была. Все больше товаров везли из Иудеи в отдаленные страны, все больше караванов с пряностями и другими продуктами дальних стран шло через Иудею. Торговые представительства Иудеи и дома Герода раскинулись от Понта Евксинского до Александрии и провинции Африка, от Массалии и Норбона в Галлии до поселений в Персидском заливе. И все ниточки сходились здесь, в Иудее, в руках Герода. Да и сам Герод для строительства постоянно закупал лес в левантийских горах и Анатолии, мрамор с островов Эгейского моря. Он приглашал мастеров из Италии и Греции, золото из глубин пустыни. Все это приходилось многие дни везти по суше, а это огромные затраты.

Собственно, тогда, когда он начал строительство Храма, и возникла проблема. Герод и его приближенные не один десяток раз объезжали все побережье страны, отыскивая место для будущего порта. Выбор, в конце концов, пал на небольшую бухту близ финикийского селения Стратонова башня. Ближних людей и даже самых близких друзей и единомышленников Герода выбор удивил. Во-первых, селение это находилось далеко на севере от Ерушалаима и еще недавно относилось к римской провинции, а не к Иудее. Во-вторых, сама бухта была очень опасной и небольшой. Только малые рыбацкие корабли решались пристать здесь.

Но в выборе Герода была своя разумность. Ее он и изложил на совете царя. Новый порт легко соединить удобной дорогой с Самарией и Галилеей, а там дороги и места для стоянок караванов уже есть. Есть и удобные пути до Ерушалаима. Близ нового порта расположены традиционные маршруты торговых кораблей из Александрии в Азию и Грецию, на острова и к понтийскому хлебу,

рыбе, боевым коням и рабам. Значит, легче привлечь эти корабли в порт, легче переманить нужных мастеров из Финикии, где столетиями люди живут морем. Главное же, новый порт станет вторым ликом Иудеи. Ерушалаим — город Закона, город, где властвует прошлое. Он должен быть. Прошлое нельзя выбросить за порог, как сношенные сандалии. Но должно быть и иное: будущее; место, где мудрость древнего Закона встретится со страстностью кочевников, силой и порядком, которые несет Рим. И новый порт подходит для этого лучше всего. Из него в страну станут проникать новые люди и новые мысли, новые товары и умения. Себастья, древний Шомрон уже становится таким местом встречи. Новые дворцы и сады Себастии уже славятся на всю страну и окружающие земли. Но там прошлое еще живо, как живы нелюбовь к Ерушалаиму, подозрительное отношение к его Храму, во имя которого был некогда разрушен древний храм Предвечного в Шомроне. А то, что место не очень удобное — так ведь это дело поправимое.

И закипела работа. Возле рыбацкой деревушки вырос огромный лагерь, где десятки тысяч людей день и ночь создавали рукотворное чудо. Подводные камни разбивали, дно углубляли. Сами камни лодками свозили к границам будущего порта. Из Рима были выписаны мастера, умевшие создавать раствор, застывающий и в воде. Основу для него брали в Мертвом море, возникшем в миг гнева Всевышнего.

Постепенно из воды выступали мощные стены волнорезов, границы, отделяющие порт от открытого моря, защищающие суда от ветров и непогоды. Границы порта были определены так, чтобы риск быть вынесенным на скалы или к мели были самым малым. Глубокая вода вела в гавань. Пока в море создавалась рукотворная гавань, дополняя то, что создано Всевышним, на берегу тоже шли работы. Удобные причалы для кораблей, даже

самых больших; места, где можно выгрузить и хранить товары; дороги от причалов до складов. Все это, как по велению волшебника, возникало на пустынной окраине.

Герод с той частью своего двора, где ценились не интриги, а умения, почти переселился в Себастию. Впрочем, сам он, превратившись в кочевника, забыл, что значит жить под одной крышей. Уже совсем не юный. В волосах седины уже больше, чем смоли, глаза покраснели от постоянного недосыпания. Но горели они все тем же огнем, все той же страстью, поглощавшей его, дающей ему силы. Герод метался между гигантскими стройками в Ерушалаиме и Себастии, в новом порту, названном им в честь правителя мира Кесарией. А помощников становилось все меньше. В окружении детей, внуков и правнуков тихо ушел из жизни верный Барух, до последнего дня старающийся держать в своих руках дела дома. В далекой Александрии скончался брат Ферарос; теперь дела там ведут его потомки. Герод успел прибыть к его ложу, последний раз повиниться перед ним за все вольное и невольное зло, что причинил ему в жизни. Братья виделись нечасто, но любили друг друга. И теперь, в час последнего прощания, перед вечностью старались заново пережить то время, когда они были вместе, когда жив был их отец, Антипатр.

Симон занял место Баруха возле царя и место главы дома. Только если Барух был мудрым и веселым, то Симон постоянно ворчал. Когда Герод изложил свой план строительства порта на месте бедной деревушки с мелкой гаванью для лодок, Симон причитал неделю, что царь и раньше был не особенно умен, а теперь и вовсе сошел с ума, и решил пустить по миру и свое царство, и его, Симона, несмотря на то, что тот теперь его родственник. Впрочем, несмотря на постоянное нытье, к которому Герод за много лет привык, Симон был незаменим

во всем, что касалось подсчетов, организации поставок, сведения концов с концами. У него всегда где-то были припрятаны какие-то запасы «на черный день». Это спасло и страну, и самого царя в трудный год, когда хлеб не уродился, а скот падал так кучно, что поля покрывались телями мертвых животных. Голод в тот год обрушился на Иудею.

Но все золото и серебро уже ушло на закупку мрамора и дерева, на строительство Ерушалаима и Себастии, прокладку дорог и каналов. Главное же, очень много средств ушло на перестройку Масады, древней крепости на краю пустыни. Конечно, скоро ждали поступлений, но пока денег не было совсем. Ну, почти совсем. Именно тогда Симон стеная и хныча, что теперь уж царь совсем себя разорит, провел Герода в дальнюю комнату дворца. Долго копался в связках ключей, продолжая причитания про бедного Симона и царя, который решил его разорить. Наконец, достал нужный ключ, отпер дверь и... Герод застыл.

Комната до самого верха была завалена золотой и серебряной посудой, кубками и цепями из драгоценных металлов. Этого было очень и очень много. Его хватило, чтобы закупить хлеб и скот, накормить всех бедствующих, дожидаться поступлений средств от торговли.

Про «родню» Симон тоже не солгал. В покои Герода как-то сама собой вошла дочь Симона, Малтака. Любовь с ней не появилась, но появился уют даже в тех временных жилищах, куда заносила жизнь непоседливого монарха. Родились дети, Архелай и Антипа. С ними Герод отдыхал душой, а они платили отцу самой искренней и почтительной любовью. Собственно, Симон оставался последним из советников-друзей. Новые не появлялись. То есть, советники и помощники были, но были они не друзьями, а расторопными слугами. Они быстро и разумно выполняли поручения царя, но очень редко

и робко позволяли высказывать сомнения, проявлять самостоятельность. Всех, способных на такое, приходилось отправлять главами далеких представительств. Правда, один новый помощник и друг появился. Новый и неожиданный.

Еще в страшно далекие годы правления Антония и Клеопатры, когда Героду пришлось часто бывать в Александрии, он познакомился с философом Николаем Дамасским, жившим при дворе Клеопатры и занимавшимся воспитанием ее детей от Антония. Молодому царю показался симпатичным еще более молодой философ и историк. Они подолгу беседовали вечерами в доме Герода, расположенном в иудейском квартале Александрии, или в царском дворце.

Герод рассказывал о своей юности и молодости, о событиях в Галилее и походе на Александрию, в котором он принимал участие. Николай же посвящал иудейского царя в сложные перипетии Пелопонесской войны, в планы Александра Македонского о слиянии персов и эллинов в один народ. Они долго спорили о том, почему план великого македонца так и не воплотился, о том, как можно преодолеть тягу человека к привычному, хотя и не самому лучшему. Тогда же у Герода возникла мысль о том, как это сделать. Объяснять, что по-новому жить лучше — занятие абсолютно бесполезное. Люди привыкли жить так, как они привыкли. Им так нравится жить.

Объяснить нельзя, но можно дать пример другой жизни: яркой, привлекательной, радостной. И тогда, быть может, люди постепенно вылезут из мира привычек и начнут меняться. Пусть люди живут в привычном им мире. Он, Герод, не будет мешать им, не будет силой «загонять к счастью». Он даже будет помогать им в их бедности. Ведь они верят ему, их царю. Но рядом он построит другой мир, чудесный и притягательный. Мир, полный красоты и гармонии, неизвестного народу комфорта

и благополучия. Эти миры будут соприкасаться. Поначалу немногие начнут переходить из мира традиции в мир истории. Но их пример должен стать заразительным. И тогда...

Мысли Герода нашли отклик у философа из Дамаска. Потому, когда история Антония и его египетской супруги закончилась столь печально, Герод пригласил Николая к себе, в Ерушалаим. Он был одним из авторов всей идеи преобразования державы Герода, становящейся все обширнее. Ему принадлежала и мысль о перестройке Масады. Реализация ее и сделала строительство нового порта совершенно необходимым. Ведь объем пряностей, которые везли через территорию, контролируемую Геродом, увеличился почти в два раза.

О том, что Масаду нужно укреплять и перестраивать, Герод думал уже давно. Просто из чувства благодарности к месту, некогда спасшему его семью в трудный год. Но то, что перестройка может иметь такой смысл, ему в голову не приходило. Это придумал Николай.

Сын почтенного купца из народа набатеев, Адиль, уже не первый год водил караваны от Красного моря к славному городу Дамаску. Отец стареет, дети постепенно заменяют его и на караванных тропах, и в домах влиятельных купцов Дамаска и Тира. Не далек тот день, когда он, Адиль, встанет во главе их торгового дома. Последние годы в их делах наступил не то чтобы упадок, но некоторый застой. Могущественный царь Иудеи, друг римлян, Герод-идумеец, все больше перетягивал торговлю на себя. Его руки уже дотягивались до Эйлата, его власть ощущалась в Тире и Сидоне. Даже в самой Nabatee его

слово значило очень много.

Все большее число караванов шли в сторону Газы и Шомрона, хотя и на долю хозяев пустыни оставалось немало. Вот и сейчас длинная вереница ослов везла мешки с редкими пряностями, тюки с дорогими тканями, редкими травами для приготовления целебных снадобий. Все это в Дамаске превратится в сияющие серебряные драхмы и сестерции, золотые ауресы, дарики и статеры. Бронзовые монеты, принятые в Риме и Иудее, он не любил и старался не брать (их не везде признавали, да и места они занимали много, а ценились дешево). Потом эти монеты превратятся в новые товары, в тонкие вина и сады, прекрасных наложниц и оружие. Все это грело сердце главы каравана.

Но как же тяжела дорога! Бесконечная тряска в седле или повозке, сон на тонком и грубом покрывале, брошенном на голую землю, жара днем и холод ночью. А главное, песок. Везде, куда ни кинь взгляд, высились бесконечные волны песчаных гор, изменчивых и постоянных в своей изменчивости. Но песок не только лежал барханами вокруг. Он был везде: в одежде и на коже лошадей и ослов; в вареве, которое готовили на стоянках; вода в чашах скрипела на зубах бесконечными и вездесущими песчинками. Самое страшное, от чего да хранят его великие духи пустыни — это час, когда песок взрывается вихрями, хлещет, как стрелы в страшной битве, по несчастному каравану, оказавшемуся на его пути, воеет, как тысячи гиен, оказавшихся в одном месте. Сколько караванов пропало в этих местах? Не сосчитаешь. А есть еще разбойники, дикие звери и многие другие опасности, подстерегающие купца на караванной тропе. Сам Адиль разбойников не боялся. Охрана у каравана хорошая, наемники умелые — других в такое дело не берут. Правда, и платит он им немало — больше, чем иным телохранителям владык.

Караван все шел и шел, преодолевая бесконечные пространства аравийской пустыни. Уже показалось огромное озеро, проклятое духами, не принимающее в себя ничего. Вода его не годилась для питья. Она была горькой и соленой, от нее люди заболели. Потому близ караванной тропы был некогда вырыт колодец с небольшим бассейном, который старался подновить каждый проходящий караван. На расстоянии трех-четырех полетов стрелы среди пустыни высилась гигантская скала с плоской вершиной. Там уже много столетий располагалась иудейская крепость Масада. Угрозы от нее не исходило. Царь Герод, сам наполовину набатей, старался соблюдать мир между странами. Масада охраняла иудейские караваны. Набатейские же шли своим путем.

— Господин, — позвал его начальник охранников. — Будем делать остановку?

— Да, Хайдар, будем останавливаться. Распорядись, чтобы люди начали ставить палатки и готовить ужин, выстави посты. Ну, ты сам все знаешь.

С Хайдаром они ходили уже больше раз, чем пальцев на обеих руках. Хороший воин, умный, решительный, но острожный. Такие особенно ценятся. О духи, опять палатки, духота, песчаная пыль, лежащая на всем вокруг тебя... Но что сделать — такова судьба караванщика. Его отец, его дед и даже, наверное, дед его деда водили караваны по этой тропе. Это — их судьба и их награда. Таков их источник жизни.

Адиль направил коня к слугам, уже почти установившим палатку для него. Соскочил с коня и буркнул, чтобы поторопились и положили больше подушек на циновку. Пока подошел к хаузу с водой, напился. Опять этот песок. Омыл лицо и печально посмотрел на свое отражение на темно-желтой поверхности. Ему минуло тридцать зим. Самые лучшие, самые радостные годы его жизни прошли в дорогах между Эйлатом и Дамаском, на тропах, ведущих

от колодца к колодцу. Он поднялся и оглядел постылую округу. Десятки раз смотрел, а все то же: проклятое озеро, холм иудейской крепости и горы песков с тропой, идущей между ними.

Много переходов назад иудеи затеяли что-то в крепости. Туда потянулись вереницы ослов с непонятными грузами, толпы рабов, какие-то воины. Понятное дело, крепость старая, нуждается в ремонте. Только строителей было уж очень много. Непонятно. Хотя, говорят, что этот новый царь любит строить всякие ненужные вещи. Вот перестроил у себя в столице храм всех иудеев, отделал его белым мрамором и золотом. Чем плох был прежний? Хотя, когда у человека столько денег, как у этого Герода, можно и почудить. Но теперь, видимо, с крепостью уже закончили.

Внезапно Адиль увидел, как из крепости выехала группа всадников и во весь опор помчалась в сторону его каравана. Это не то чтобы испугало, но насторожило купца.

— Эй, кто-нибудь, Хайдар, отправь людей. Пусть узнают, что нужно иудеям?

Охрана, отложившая было оружие, вновь взялась за копья. Три всадника отделились от группы и направились навстречу воинам из крепости. Через полчаса они вернулись вместе с иудеями. Молодой воин в блестящем панцире, со свежим, не покрытым пылью лицом спешил-ся и с почтительным поклоном обратился к Адилу.

— Почтенный купец! Властитель крепости Масада, Иегуда бен Закир, от имени царя Герода приглашает тебя переночевать в одном из дворцов крепости, а твой караван — остановиться в специальном доме у подножия, где всем будет удобно и просторно. Посланник говорил на арамейском — общем языке всех народов Аравии и прилегающих к ней земель.

Адиль был озадачен. Набатеиские купцы не то чтобы

враждовали с иудеями. Просто их миры не пересекались. Уже много лет иудейские караваны идут западнее, сворачивают в Шамрон, а оттуда — в Тир, или сразу поворачивают на запад, в Газу. Герод силен. Отказать ему, обидеть — себе дороже будет. Впрочем, если бы его хотели убить, то здесь был бы отряд воинов, а не посланники с церемониальным оружием (он сразу заметил, что оно не боевое). Решено. Хоть омою тело перед еще целой неделей тряски по проклятой пустыне.

— Благодарю тебя, вестник, — вежливо ответил он. — Мы принимаем это приглашение.

Интересно, подумал он. А что значит «в одном из дворцов»? Какие там дворцы? Дворцы в крепости на краю пустыни? Нелепость. Ладно, посмотрим. Они подъехали к основанию холма. Здесь, чуть в стороне, стояло большое строение с широким огороженным двором.

— Тут, — указал молодой воин, — может остановиться караван. Во дворе найдется место для животных, сено, чтобы их накормить. А в доме есть лежанки и склад для твоих товаров. Тебя же, почтенный купец, прошу посетить нашу крепость, где уже ждут тебя стол, бассейн для омовения и многое другое.

Сопровождающие воины и Адиль с Хайдаром направились вверх по узкой дороге к воротам крепости. Ворота распахнулись, и... они въехали в сказку. Уже сами ворота внутри были расписаны яркими красками, выложены мраморной плиткой. Чуть выше белели стены дворца. Адиль видел дворцы. Но здесь, в сердце пустыни, возле проклятого озера, встретить такое чудо он не ожидал. Скала, на которой располагалась крепость, была покрыта слоем земли, питающей дивный сад, прохладный в самый жаркий день. В бассейнах плескалась ледяная вода, манившая к себе. На террасе дворца их ожидал благообразный иудей в дорогой одежде, более похожий на купца, чем на воина. Впрочем, воины здесь тоже были. Рослые,

сильные мужчины, вооруженные лучшим оружием, которое Адиль когда-либо видел. То здание, немного справа — наверняка казарма.

После красочных приветствий и пожеланий процветания Адиль и Хайдара провели во внутренние помещения, где располагались бассейны с горячей и холодной водой. Расторопные слуги скребками очистили тело от пыли и песка, умастили маслом. Возле бассейна их ждали новые одежды и приглашение к столу. Стол был прекрасен: блюда с фруктами и редкими сладостями, мясом и рыбой, тонкими слоеными лепешками и уникальным по вкусу иудейским вином, сладким, как патока.

А потом, после еще одного омовения, их проводили в покои, где мягкий ночной ветерок и нежный пух перин вызвали в молодых мужчинах взрыв похоти. Это тоже предугадали загадочные хозяева. Зашуршали занавесы, и в комнату вошли молодые феи, одарившие детей пустыни бурными ласками.

Утром Адиль решил, что ему приснился хороший сон. Но «сон» продолжился. Опять омовение и завтрак с гостеприимным комендантом крепости. Адиль посетовал, как трудно будет после дворца опять неделю трястись по пустыне до Дамаска и еще две недели в обратную сторону.

— Что же, благодаря милости царя Герода этому горю я могу помочь.

— Как, почтенный Иегуда?

— Продай товары здесь. Цену я дам почти такую же, как и в Дамаске. Зато через неделю ты уже можешь быть дома и повести новый караван.

Адиль задумался. Конечно, этот купец-военачальник настоящей цены не даст, но если и правда немного меньше, то дело стоит того. Путь сокращается дважды. После долгих споров ударили по рукам.

Слухи о странных событиях в Масаде быстро разнеслись по пустыне. К крепости стали стекаться караваны. Кто-то увидел в этом явную выгоду. Кто-то приходил просто из любопытства, а кто-то — чтобы увериться в ложности рассказней о дивном саде и дворцах в крепости. Но, так или иначе, а основная масса пряностей стала продаваться в Масаде, и оттуда уже текла в разные стороны, в основном, в сторону севера, в Шамрон. Царь Иудеи оказался почти единственным продавцом пряностей. Что-то шло через персидский залив. Но там торговали враги, парфяне. Да и пряности стоили дороже. За этим Герод и его советники внимательно следили. Потому и возникла острая необходимость в собственных морских воротах для страны.

Порт Кесария строился быстро. Поддерживал строительство и Марк Агриппа, вновь возвративший себе милость Августа. Уже через четыре года в обширную и безопасную гавань, отделенную от моря высоким молом, входили и выходили самые большие корабли; склады и дороги до Шомрона и Ерушалаима, до Тира и Галилеи были готовы тоже довольно быстро. Порт стал не только ямой, в которую шли и шли тысячи сестерциев серебра, но и источником дохода. Торговля и портовые пошлины стали заполнять эту брешь. Симон торжествовал. Безумие кончается. Начинается прибыль. Жемчуг и соль, пряности и масло, фрукты и ювелирные изделия — все это начинает вывозиться через новый порт. Сюда же прибывают мрамор и оружие, ткани и зерно, рабы и изделия из стекла.

Но радовался он рано. Герод, Николай и их едино-

мышленники хотели совсем иного. Кесария, Себастья, Геродион, Масада и множество других городов и крепостей, построенных Геродом и по его приказу, должны были стать не просто прибыльным делом, но сказкой, манящей и близкой.

Строительство продолжалось, правда, уже перестав быть проблемой для казны. Мир и процветание в правление богоравного Августа сказались на Иудее более, чем на какой-либо другой провинции или на каком-либо другом царстве. Люди стали забывать ужасы войн и голода. Кто-то ворчал, что с ужасами исчезает и страх перед Всевышним, исчезает древнее благочестие. Но таких было немного. Народ славил монарха и Августа, радовался добрым лучам, озарявшим новым светом Иудею. А Герод все продолжал превращение страны из забытой окраины в мировой центр. Он строил ипподромы и амфитеатры, термы и гимнасии. Он делал их доступными для простых людей. Люди медленно, постепенно привыкали к новым формам жизни.

В Кесарии, впервые в Иудее — да и не только в Иудее — была проложена канализация, обеспечен постоянный приток воды. Чистота городских улиц, особенно двух центральных — Кардо и Декаманус — поражали приезжих. По молу прошел портик, служивший и украшением порта (на манер царской гавани в Александрии), и защитой от зноя или дождя. Стеллы и колонны в честь Августа, в честь римских друзей Герода украшали площади города. Кольцо садов опоясывало его, подчеркивая красоту и строгость стен и башен. С каждым днем возрастало число жителей города. Сюда переезжали торговцы и ремесленники, корабли и философы. Десятки тысяч жителей наполняли улицы нового города всеми наречиями мира.

Процветал и город Себастья, прежде пребывавший в забвении, а теперь оказавшийся одной из важных стоя-

нок на пути в Кесарию. Его смоквы и маслины славились по всему востоку, как и сады. В Иудее, той старой Иудее, что сложилась вокруг Ерушалаима, большинство жителей еще спало и видело древние сны: люди там жили так, как жили со времени возврата из вавилонского плена. Герод не мешал их жизни. Он знал, что самые лучшие и благородные начинания губит торопливость. Он даже получил разрешение Августа, лично совершив визит в Рим, на защиту местных верований от посягательства извне. Даже римские легионеры, вступая в Ерушалаим, снимали изображения со своих значков, поскольку иудеи запрещали изображения. Но на севере и на юге страны, теперь обширной, как никогда, бурлила жизнь.

Недовольные Геродом, конечно, оставались. Особенно среди священников, еще недавно бывших самым влиятельным сословием в Иудее, ставившим и смещавшим царей. Они старательно проклинали царя, обличали его гордыню и его преступления. Но Герод не очень опасался этих детей дворцов, способных только говорить. Да и народ Иудеи, счастливый наступившими спокойными и сытыми временами, не очень поддавался на их речи. Были и другие. Те, что упорно ждали конца времен, предупрекали его. Для них цветущая и благополучная Иудея оказывалась костью в горле. Сам облик огромного Храма и дворца, шумных рынков Ерушалаима и красоты его улиц, сам вид процветающего севера и крепнущей державы отнимал у них смысл их жизни. Они тоже обличали. И в отличие от первых в их словах была живая боль. Герод даже жалел их, позволяя ругать себя, обличать в преступлениях, которых он не совершал. Ведь его план, созданный им и Николаем Дамасским, благословленный Августом и Агриппой, начал сбываться.

Все больше жителей основной области Иудеи обращались к ремеслу и торговле, начинали жить в другом времени, времени истории. Они оставались иудеями,

соблюдали заветы, но все более становились римлянами, жителями Космополиса. Они любили свою землю и именно потому хотели не отгородить ее стеной от мира, но сделать его центром — процветающим, манящим, желанным.

Одно беспокоило царя. Ему уже седьмой десяток. Сил с каждым днем остается все меньше. Успеет ли он? Успеет ли воплотить свою детскую мечту о том, чтобы слить мудрость Храма и величие Рима в единую сущность? Смогут ли его наследники подхватить его бремя, смогут ли дать его возлюбленной то, что она заслужила — покой и процветание? Ответа он не находил. По мере того, как сил оставалось все меньше, страх за свое дело, на которое он положил всю жизнь, терзал его все сильнее. Он успокаивал себя зрелищем расцвета страны, видом цветущих селений и городов, но беспокойство оставалось.

Ведь времена могут измениться. И тогда голоса его врагов и недоброжелателей уже будут звучать иначе, иначе восприниматься людьми с полей. И тогда... Тогда противостоять им будут не вечно грызущиеся наследники Александра Македонского, а стальные римские легионы. Неужели его Иудея поверит тем, кто подведет голову ее народа под римские мечи, превратит их из защитников во врагов? Герод боялся даже представить себе это несчастье.

Иосиф Флавий оторвал глаза от свитка. На этот раз — чужого свитка. Это был труд Николая Дамасского о нем, о Героде. Чем больше читал он этот труд, тем глубже проникался величием замысла врага его предков. Слить

воедино мудрость иудейского Закона, гармонию Эллады и силу Рима, создать новый, совершенный мир. Сказка? Утопия? Да. Десятки мечтателей описывали ее, древние философы писали трактаты про идеальное общество. Но тут было другое. Герод не мечтал. Точнее, мечтал, но мечты его воплощались в города и порты, дороги и крепости, в полную миску на столе погонщика ослов и тенистые сады для любителей мудрости. Иудея при нем увеличилась вдвое, а народ из окрестных земель все прибывал в процветающую страну.

Но все это рухнуло. Сегодня нет Иудеи. Есть провинция Сирия-Палестина. Нет даже города Ерушалаима. Есть римская колония на этом месте. Почему? Конечно, виноваты его потомки: то, что невероятным напряжением сил создал их отец и дед, они восприняли как несомненную данность, как то, что не нужно пестовать и оберегать, ибо это пребудет вовеки. Их слабость и направила колесницу, ведомую мощной рукой Герода, под уклон. Но только ли они? Ведь несмотря на их расточительность, торговля жила, и страна — пусть поделенная между ними — продолжала процветать.

С болью в душе осознал Флавий, что не меньшая вина за гибель Иудеи лежит на нем и на таких, как он. Это они призвали к восстанию, это они убивали по ночам появившихся в Иудее после смерти Герода римских легионеров и магистратов, оставляя грозные надписи на их телах. Они подвели страну и народ под мечи Тита Флавия Веспасиана...

Нет! Он делал, что мог. Он уговаривал, призывал... Но это было потом, когда пожар восстания уже невозможно было остановить. А сначала он говорил о другом, проповедовал другое. Они разожгли чуть тлеющий огонь, сделали его пламенем, в котором сгорел их дом...

Нет! Мысль была невыносимой. Он не виноват! Флавий представил себе десятки поколений людей, его сопле-

менников и единоверцев, совсем чужих, неизвестных ему племен и народов. И все они будут проклинать его имя. Оно станет стигмой, ругательством. Этого не должно случиться! Виноват не он. Виноват кто-то другой! Кто же? Он. Герод. Это он смутил умы и нарушил изначальное благочестие. Без его невероятного взлета не было бы и такой глубины падения. Он, Иосиф Флавий, укажет потомкам виновного, а остальное они придумают сами. Важно только начать. Историк в гневе отбросил в жаровню свиток и склонился над рукописью. На этот раз, своей.

И все же, и все же... У них общая — одна! — любовь с этим проклятым монархом. Одна, единая и единственная. Герод пытался воплотить свою мечту. Флавий же сохранит память. Память о ней, об Иудее.

Эпилог

Царь уходил туда, откуда нет возврата. Он понимал, что умирает. Само это обстоятельство его не тревожило. Мучило то, что он не знает, долг ли век у его Иудеи без своего защитника. Он не умер, сраженный врагами, как Бранн, не погиб на бегу, как отец. Он умирает, прожив долгий век, оставляя после себя могучую державу и крепких союзников, оставляя богатство и славу. Больше недели Герод страдал от болей, терзающих его внутренности, метался по кровати, впадал в беспамятство. И тогда он звал Марьямну, свою давнюю, утерянную любовь. Врачеватели подносили к его рту целебные снадобья, отворяли кровь, которая уже не желала струиться из старческих вен, а слабо сочилась на тряпицы. Но сегодня боль отступила. Тело не страдало. Его просто не было. Он не чувствовал рук и ног, с трудом сосредоточивал взгляд на предметах и лицах, едва ворочал языком. Но мысль оставалась ясной. Он думал о том, как будет после него. Смогут ли его потомки не уподобиться царским домам Понта или Коммагены? Смогут ли не начать сражаться друг с другом? Смогут ли выстроить правильные отношения с римлянами да и всеми другими соседями? Дети — Архелай, Филипп, Антипа — сидели рядом с ложем, ловя каждый звук с холодеющих уст. Дети, эти дети были хорошими, искренне любили и почитали отца, старались следовать его наставлениям. Но смог ли он вложить в них самое главное — свою мечту?..

Герод взглядом подозвал их к себе. Они склонились над ложем умирающего родителя.

— Дети мои, я не был хорошим мужем вашим матерям. Они видели меня реже, чем строители в Кесарии или садовники в Шамроне. Они знали мало ласки и заботы.

Меньше, чем они заслуживали. Потому и ушли за грань раньше, чем я. У вас я хочу попросить прощения перед ними.

— О чем ты, отец! — воскликнул самый бойкий из его сыновей, Филипп, сын Клеопатры из Ерушалаима, умершей в прошлом году от простуды. — Мы любим тебя! Ты — лучший отец в мире!

Слова давались Героду с трудом. На лбу выступила испарина. Тем не менее, он одним только взглядом оборвал речь сына и продолжил, подолгу останавливаясь после каждой фразы:

— Если я что-то говорю, то знаю, о чем я говорю. Простите меня за них.

— Мы прощаем тебе все твои ошибки перед нашими матерями, — ответил самый послушный и любящий из детей, Архелай, сын Малтаки, дочери Симона, умершей родами уже много лет назад.

— Я благодарю вас, мои сыновья! Но перед тем, как уйти, я хочу объяснить вам, почему вышло так, как вышло. Вы знаете, что такое царь? Нет, сын, это не правитель во дворце. Царь может жить и в хлеву, но быть царем. Это не золото и не воины, — Герод прервался и закрыл глаза, отдыхая. Сыновья переглянулись. Однако через миг он снова говорил: — Царь — это готовность жить ради своей страны, не спать, не доедать, ночевать в дороге, готовность умереть, чтобы отвести беду от страны и народа. Если это есть, то он — царь, если нет — только осел в золотой диадеме.

Герод попытался усмехнуться, но губы уже не слушались его. Голос ослаб. Он зашептал, вкладывая в этот шепот всю страсть, которая осталась в его неугомонном сердце:

— Я всю жизнь старался быть царем не по имени, не по рождению, но по делам — все, что имел, все, что мог, я отдавал стране и народу. Этой любви я посвятил все

свои силы. И сейчас, покидая вас, я хочу, нет, я прошу вас: как бы ни повернулась ваша судьба, какие бы звезды ни горели на небе над вашими головами — дышите своей страной, болейте ею, любите ее! Будьте вместе, даже если вас будут разделять месяцы пути. Думайте о стране, живите ею. Слейтесь с ее народом, почувствуйте его. И тогда, поверьте мне, уходить будет не страшно.

Герод опять замолчал. Пот струился по его лицу — холодный пот смерти. Сын нагнулся над его ложем, вытер тряпицей лоб.

— Мы все сделаем, как ты сказал, отец, — промолвил он, сглатывая слезы.

Герод усилием воли сосредоточил взгляд на лице сына и, наконец, смог выдавить улыбку:

— Не плачь, я прожил хорошую жизнь. Мне легко уходить. А теперь идите и помните о клятвах.

Геродиады молча поклонились ложу, где лежал некогда могучий воин, правитель, друг владык, а ныне — умирающий старец, и вышли, стараясь ступать неслышно.

Забытые навалились на Герода, затуманило его сознание и взор. Зал, где на золоченом ложе под балдахином лежало его тело, дворец Геродион, город Ерушалаим, весь мир — все слилось, перевернулось и исчезло. А сам Герод оказался на поляне среди холмов. Но не седым стариком с красными от напряжения глазами и трясущимися руками, а молодым сильным воином, который некогда стоял на площадке перед дворцом этнарха Гиркана и смотрел на путаницу крыш родного города.

Было утро. Первые лучи восходящего светила уже позолотили верхушки холмов, но поляна еще была погружена в серую дымку. Герод лежал на земле и смотрел в синее с отливами, бездонное небо. Было тихо и необычайно спокойно, как никогда не бывало в жизни. Вдруг он услышал зов. Кто-то звал его. Он медленно, с трудом оторвал взгляд от небесной синевы, поднялся и увидел

шагах в двадцати невысокую фигурку женщины под синим покрывалом. Она звала его. Она! Герод бросился навстречу, бежал быстро — так, что ветер свистел в ушах. Но фигурка, вроде бы не делая ни шага, отдалялась от Герода. Он старался бежать быстрее. Но неуловимая женщина под синим небесным покрывалом опять и опять оказывалась вдалеке от него. И звала его нежным, серебристым, похожим на колокольчик, голосом, который он слышал лишь у одного существа в мире.

В какой-то момент Герод почувствовал, что силы покидают его. Он упал на колени, и в этот миг она оказалась совсем рядом — нежная, молодая, прекрасная, невероятно похожая на Марьямну. Она обняла голову мужчины — своего мужчины — и нежно прошептала:

— Герод, мой Герод!

Мертвеющие губы исказила судорога, но сквозь нее пробились три слова:

— Иудея, моя Иудея...

Оглавление

Предисловие от автора	4
Предисловие от Флавия	6
Часть первая. Дом Антипатра	9
Глава первая. Герод	11
Глава вторая. Римский гражданин	23
Глава третья. Тетрарх Галилеи	51
Часть вторая. Отец и сын	81
Глава первая. Суд Синедриона	83
Глава вторая. Римский магистрат	99
Глава третья. Поминовение Антипатра	118
Часть третья. Дом Герода	127
Глава первая. Беглец	129
Глава вторая. Рим	146
Глава третья. Война	157
Часть четвертая. Царь Иудейский	175
Глава первая. В Ерушалаим	177
Глава вторая. Вопросы веры — трудные вопросы ..	191
Глава третья. Правитель	202
Часть пятая. Черный год	223
Глава первая. Аристобул	225
Глава вторая. Бранн	239
Глава третья. Марьямна	260
Часть шестая. Строитель	281
Глава первая. Царь должен жить... ..	283
Глава вторая. Агриппа	296
Глава третья. Строитель народа	313
Эпилог	335

Леонид Бляхер

Хроники Герода
Перечитывая Флавия